

*Российская академия наук
Институт географии*

*В нашем доме
на Старомонетном,
на выселках и в поле*

**В нашем доме на
Старомонетном, на
выселках и в поле**

«Товарищество научных изданий КМК»

2012

В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле /
«Товарищество научных изданий КМК», 2012

ISBN 978-5-87317-877-3

В книге собраны очерки об Институте географии РАН – его некоторых отделах и лабораториях, экспедициях, сотрудниках. Они не представляют собой систематическое изложение истории Института. Их цель – рассказать читателям, особенно молодым, о ценных, на наш взгляд, элементах институтского нематериального наследия: об исследовательских установках и побуждениях, стиле работы, деталях быта, характере отношений, об атмосфере, присущей академическому научному сообществу, частью которого Институт является. Очерки сгруппированы в три раздела. Самый обширный из них третий, содержащий воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и в жизни Института. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях, об Институте в целом или о его лабораториях и отделах. В очерках присутствуют вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю. Для географов, историков, студентов, для всех, интересующихся жизнью сообщества ученых – географов.

ISBN 978-5-87317-877-3

, 2012
© «Товарищество научных изданий
КМК», 2012

Содержание

Предисловие	7
Замысел и построение книги	9
Часть I. В лабораториях, отделах, в Институте	11
А. В. Дроздов	11
А. В. Дроздов	18
В. П. Чичагов	21
Н. И. Коронкевич	26
Н. К. Кононова	31
С. С. Савина	36
1953–1956 – годы аспирантуры	36
Борис Львович Дзержевский	38
Отдел климатологии	41
Институт географии АН СССР	44
А. В. Дроздов	47
Т. Г. Нефедова	53
А. Н. Маккавеев	59
Первое поле	59
Сельскохозяйственные работы	62
Принцесса Турандот	65
Кадаши, Хвосты и борьба за дисциплину	68
О соцсоревновании	68
В. М. Котляков	70
Атласы. Школа сотворчества	76
Н. Н. Дрейер, В. М. Котляков	76
Н. Н. Комедчиков	83
Об Александре Алексеевиче Лютом	90
Первый комплексный ГИС-атлас «Наша Земля»	91
Новые времена	92
В. А. Колосов	93
Истоки	93
Незабываемые 1990-е	95
Новое тысячелетие: текущие работы и перспективы	97
Предварительные итоги	99
В. А. Соколова и Л. В. Щекина (записи бесед с	101
А. В. Дроздовым)	
Рассказывает Валерия Андреевна Соколова. Библиограф.	101
Старейшая сотрудница	
Рассказывает Людмила Васильевна Щекина. Заведующая	103
библиотекой	
Вспоминаем вместе. Из подвала в подвал	103
Пик активности	104
Котенок и кот	104
Из отчетов о работе библиотеки (1933–1974 гг.)	104
И. Н. Волкова, А. В. Дроздов, Ю. П. Супруненко, И. А. Зотиков	112
Сборники стихотворений сотрудников Института	122
Фольклор и шуточные сочинения	122

1. Словечки и фразы (из записной книжки Т. А. Галкиной)	123
2. Бредзащита. Рассказ дворника	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле

© Институт географии РАН, 2012.

© Дроздов А. В., составление, 2012.

© Т-во научных изданий КМК, издание, 2012.

* * *

Предисловие

В небольшой двухэтажный дом под номером 29 в Старомонетном переулке, в одном из множества переулков Замоскворечья с их характерными названиями – Казачий, Толмачевский, переулков между улицами с не менее выразительными названиями – Ордынка, Полянка – я впервые вошел в августе 1954 года. В этом доме уже около 20 лет помещался Институт географии Академии наук СССР. И мне, выпускнику географического факультета МГУ, только что принятому на работу в этот Институт, в тот момент сопутствовали особые чувства. Я был горд и взволнован, немного напряжен – ведь директором Института был академик И. П. Герасимов, в Институте работали его основатель академик А. А. Григорьев, Г. Д. Рихтер, Г. А. Авсюк и Э. М. Мурзаев, Б. А. Федорович и А. С. Кесь, Д. Л. Арманд и В. В. Покшишевский. Их имена внушали если не трепет, то безусловный пиетет.

Тогда мне трудно было предположить, что и до сегодняшнего дня, более полувека я буду входить в этот дом. В отдел физической географии, в который был принят вначале. В библиотеку, в редакцию нашего журнала «Известия Академии наук СССР. Серия географическая». В зал заседаний Ученого совета с его оконным полукружием на задней стене.

И позже, уже будучи сотрудником, а потом и заведующим отделом гляциологии, который располагался в полуподвалах в районе Новые Черемушки (это те самые, но не единственные «выселки», что упомянуты в названии книги), я часто входил в дом на Старомонетном как в «Альма Матер» нашего Института. А с 1986 года я прихожу в этот дом уже в свой директорский кабинет.

Все эти годы я ощущал привычно дружественную атмосферу «Дома на Старомонетном». Может быть, неявно, как неявно ощущаешь нормальную температуру воздуха, нормальную концентрацию в нем кислорода. И сразу замечаешь отклонение от нормы. Но, несмотря на нашу непростую историю, трудности и кризисы в жизни страны и Академии – серьезных отклонений не помню, атмосфера оставалась привычной и, как говорят теперь, комфортной. Возможно, потому, что в нашем доме, как и прежде, живут «гении места», эти римские хранители и выразители духа того места, где они обитают. Скорее всего, их несколько или, лучше сказать, у каждого из нас может существовать свой образ «гениус локу». Мне хочется думать, что их немало.

Какова же была и какой, я надеюсь, сохранится атмосфера нашего дома? Что было и остается ее отличительными чертами? Какой мы ощущали ее на тех самых «выселках»? Что менялось и менялось ли в атмосфере полевой жизни? Ответы, пусть не исчерпывающие, читатель найдет в этой книге.

Составляющие книгу воспоминания и очерки написаны в основном сотрудниками Института, несколько принадлежат перу коллег, близко знакомых с Институтом или с некоторыми из его сотрудников. По стилю изложения и содержанию объединенные в эту книгу тексты различны.

Рассказы о той или иной лаборатории или отделе Института или о нашем Институте в целом насыщены ощущением атмосферы времени, в них отражен характер профессиональных и человеческих отношений между коллегами, присущий нашему сообществу. Не забыт и местный фольклор.

Группа текстов, посвященных экспедициям и полевым станциям, воспроизводит не только особенности быта, но и особый дух этой жизни, иногда также содержание исследований, особенности их организации.

Некоторые очерки-портреты сотрудников Института включают анализ творчества коллег, другие посвящены, главным образом, чертам их характера, третьи содержат интересные биографические сведения.

В основе моих собственных очерков – выдержки из воспоминаний, опубликованных несколько лет назад в шестом томе моих избранных сочинений.

Жизнь Института представлена в этих очерках-воспоминаниях не во всем ее многообразии, не все яркие фигуры, не все подразделения и этапы нашей истории упомянуты. Но замысел книги и не предполагал такого систематического описания. Вместе с тем, все включенные в книгу тексты – это отнюдь не механическая коллекция разрозненных мемуаров, не просто воспоминания, собранные под одной обложкой. Во всех присутствует общий подтекст, отражающий замысел книги – сохранить связь времен и поколений, помнить прошлое ради будущего.

Этими чертами книга отличается от изданных прежде воспоминаний о людях Института, о путешествиях, о нашей истории. И в этом, на мой взгляд, ее ценность.

Директор Института географии РАН академик В. М. Котляков

Замысел и построение книги

О замысле этой книги мы договорились, сидя за обеденным чаем в доме на Старомонетном, в маленькой 35-й комнате со сводчатыми потолками – в одной из комнат нынешнего отдела физической географии.

Мы говорили о первом поколении сотрудников Института. Мы почувствовали, что оно отдаляется от нас, что память о нем уходит из нашего сообщества. Оказалось, следующее поколение – присутствовавшие здесь же наши молодые коллеги – почти не знает основателей Института, определивших его лицо, тематику и стиль исследований. Мы ощутили возможный разрыв времени как угрозу. Или тут нет угрозы, и ход вещей естественен?

Возможно. Но несколько человек признались, что хотели бы услышать о том, что помнят другие. Помнят не столько о внешней канве событий, сколько об атмосфере времени, о людях, о том поле, которое они вольно или невольно создавали вокруг себя.

Мы не имели в виду исключительно лишь наших учителей, только лишь ярких, незаурядных, признанных лидеров. Их, безусловно, тоже. Прежде всего, мы имели в виду атмосферу, ветры времени.

У каждого из нас память о них, несомненно, отчасти своя. В ней живут, ее формировали разные люди, разные обстоятельства времени. Нам показалось, нужно попытаться сохранить все их разнообразие, чтобы увидеть в этой пестрой картине главные черты, объединявшие наших предшественников, и в какой-то мере передавшие их последователям. Сохранить эти черты ради связи поколений и как желанный и возможный элемент будущего.

Так мы договорились написать несколько страничек каждый. О ком и о чем захочется. Без общего плана, но с общей целью – не упустить время.

Разумеется, стержнем такого ансамбля или коллекции наших записей должен был стать Институт. Но не исключительно он. Ведь мы все пришли в Институт не детьми, наше вхождение в географию – это тоже атмосфера времени. Да и люди Института встречались нам не только в его стенах.

Мы договорились, что не станем писать портреты живущих рядом современников. Другое дело – об ощущении происходящего сейчас и здесь, у нас в Институте. Но по возможности в контексте его связи с прошедшим.

Вначале нас было четверо. С общего согласия я взялся оповестить о нашем замысле коллег из других отделов, собрать их заметки, если таковые появятся, затем выстроить макет книги. Откликнулось несколько человек, потом еще и еще. Но не все потенциальные авторы согласились написать несколько страниц. Жаль, это сузило содержание книги, хотя я старался сделать ее возможно более репрезентативной нашей истории. Я считал, например, совершенно необходимым включить в книгу очерки о наших основных полевых станциях. Я стремился также получить описания тематически разнообразных экспедиций, однако сделать это оказалось нелегко.

Удалось собрать более восьмидесяти текстов. Разных по стилю, по жанру, по содержанию, по объему – как и было задумано. Они сгруппированы в три раздела. Третий содержит воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и в жизни Института. В этом разделе чуть менее пятидесяти статей, посвященных тем сотрудникам Института, о которых предложили или согласились написать наши коллеги. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях и об Институте в целом или о его лабораториях и отделах – уже по охвату темы, что кажется вполне объяснимым. Прежде всего, потому, что число лабораторий и наших экспедиций меньше числа работавших в Институте сотрудников. Но, вероятно, еще и потому, что написать портрет учителя или коллеги, каким он нам видится, пожа-

луй, в какой-то мере легче, чем хронику путешествия или лаборатории, поскольку можно обращаться лишь к своей памяти и не сверяться со множеством источников.

А таковых немало. Наиболее современный и подробный это объемный том, выпущенный к 90-летию нашего Института¹. Он содержит огромный материал преимущественно справочного характера и лишь несколько очерков в жанре воспоминаний, окрашенных личным взглядом авторов.

Существует еще серия книг, написанных сотрудниками Института и посвященных описаниям жизни, путешествий и творчества – своих собственных или высоко ценимых коллег. Биографии многих сотрудников Института охарактеризованы в журнальных статьях.

Перечислять здесь все эти источники и снова излагать историю Института – задача, выходящая за рамки нашей книги. Мы стремились к другой цели – передать читателям, особенно молодым, ценные на наш взгляд элементы нематериального наследия – исследовательские установки и побуждения, стиль работы, выразительные детали быта, характер отношений и всю атмосферу, присущие академическому научному сообществу, частью которого является наш Институт.

Все эти элементы присутствуют в предлагаемых очерках. Присутствуют и повторы, точнее сказать – вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю.

Более половины очерков сопровождаются фотографиями из архивов авторов, из фондов Института, из других собраний. Ко многим очеркам найти иллюстрации, к сожалению, не удалось. Некоторые очерки, посвященные нашим коллегам, включают рисунки Алексея Давидовича Арманда, часто выполненные в стиле добрых шаржей.

При подготовке рукописи большую помощь мне оказывали многие коллеги. Особенно значителен вклад Светланы Борисовны Суслевой, форматировавшей и выверявшей все тексты. Арсений Валерьевич Кудиков сканировал и правил фотографии, нередко потускневшие от времени. Андрей Александрович Медведев оформил обложку и форзацы книги. Неизменно доброжелательно и конструктивно на мои предложения откликались авторы очерков. Владимир Михайлович Котляков активно поддержал замысел книги и помог ему осуществиться и организационно, и как опытный редактор.

Всем коллегам я приношу искреннюю благодарность.

Москва, август 2012 г. А. В. Дроздов

¹ Институт географии и его люди. К 90-летию со дня образования / сост. Т. Д. Александрова; отв. ред. В. М. Котляков; М.: Наука, 2008. 677 с.

Часть I. В лабораториях, отделах, в Институте

А. В. Дроздов О школе Андрея Александровича Григорьева (1883–1968)

Физикогеограф, академик АН СССР, лауреат Государственной премии. Один из создателей нашего Института, его руководитель (1924–1951), зав. отделом истории географии (1951–1963), затем консультант, старший научный сотрудник.

Способы освоения эмпирического материала, манера представления результатов, стиль мышления – все это важнейшие, сущностные черты той или иной школы, будь то школа художественная или научная. Различать школы и воспринимать их достижения (а ведь нам интересны именно достижения, интересен опыт школы, открывающий путь к мастерству) нельзя, не обращаясь к этим ее отличительным особенностям. Жизнеспособность, влияние, продуктивность школы, безусловно, определяется отнюдь не только содержанием идей, разрабатываемых ее представителями. Важнейшая роль здесь принадлежит характеру, стилю отношений между членами школы. Мы прекрасно знаем – атмосфера, воздух школы могут быть весьма плодотворны, но могут быть и не слишком плодотворны для возникновения и развития новой идеи или нового замысла, для их переосмысления и распространения.

Как известно, школа А. А. Григорьева не имела таких четких организационных рамок, какими обладают современные вузовские или академические школы. У Андрея Александровича, кажется, не было формальных учеников – аспирантов или дипломантов. В публикациях коллег, характеризующих научное творчество А. А. Григорьева, в работах биографического характера, я не встречал сведений о Григорьеве-учителе. Исключением является, вероятно, статья Ф. Н. Милькова о его пребывании у Андрея Александровича в докторантуре (Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 61–66).

В этой ситуации важно было бы документировать и опубликовать и другие свидетельства такого рода, сохраняющиеся в нашем сообществе пока еще в устной форме. Некоторые из них будут изложены ниже (см. очерк «Воздушные пути григорьевских идей» в этой книге). Но обратимся к опубликованным материалам, характеризующим григорьевскую школу.

Тут следует заметить, что «при кажущемся обилии публикаций по проблеме исследователи до сих пор не дали однозначных ответов на целый ряд вопросов: что вообще объединяется понятием «научные школы»? Как изменяются научные школы в процессе своего развития? каков их «жизненный цикл»? Почему в современной западной науке нет научных школ, и о них принято говорить только в историко-научном контексте? Как вычленять «живую часть» научной школы?»²

Попытаемся, тем не менее, выделить существенные особенности творчества А. А. Григорьева, влиявшие на работы многих его последователей и, разумеется, на направления исследований в руководимом им Институте.

Вот как сам Андрей Александрович в 1944 г. («Как развивалась моя научная школа», Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 44–53) описывает формирование и существо своих научных воззрений.

Из известных географов учителями, повлиявшими на его творчество, А.А. называет А. Геттнера и У. Дэвиса. Лекции обоих Григорьев слушал во время учебы в Германии.

Основными идеями, которые он выдвинул и разработкой которых занимался, А.А. считает анализ географических процессов и представление о едином процессе, представления о структурах, соответствующих этим процессам, о взаимосвязях природных компонентов, о балансах вещества, о морфологической структуре земного шара. Своими учениками, развивавшими его идеи, Андрей Александрович называет СВ. Калесника, Г. Д. Рихтера, В. П. Зенковича, СН. Матвеева, Л. А. Чубукова, Д. Н. Абрамовича, И. П. Герасимова, К. К. Маркова, Г. Н. Максимовича (химическая география), отчасти В. М. Четыркина (районирование).

Остается неясным одно обстоятельство. Андрей Александрович не называет В. И. Вернадского в числе исследователей, повлиявших на его творчество. Между тем, работая в КЕПСе, он был лично знаком с Владимиром Ивановичем и, казалось бы, излагая свои представления о географической оболочке, должен был не один раз упомянуть его труды. Ведь григорьевская концепция органически связана с учением Вернадского о биосфере и его анализом оболочечного строения Земли. Может быть, как заметила Т. Д. Александрова (устное сообщение), дело в том, что А.А. воспринимал Вернадского как геохимика, а не как географа.

Характеризуя особенности школы А. А. Григорьева, В. С. Преображенский («Основные вехи творческого пути А. А. Григорьева», Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 53–61) выделяет ее следующие черты:

- вследствие своей широты школа перешагнула стены Института географии; об этом свидетельствуют имена учеников и соратников: СВ. Калесника, М. И. Будыко, Ф. Н. Милькова, И. М. Забелина;
- в формировании школы участвовали не только ученики; это пришедшие в Институт Б. Л. Дзердзеевский, М. И. Львович, Л. Л. Россолимо; они изучали географические процессы, владели балансовым методом;
- наиболее удачными концепциями, развивавшимися в рамках школы, были идеи А. А. Григорьева о географической оболочке и едином физико-географическом процессе.

К этим привычным характеристикам добавляются реже упоминаемые, но тоже важные черты творчества А. А. Григорьева. Во-первых, это его интерес к социальным и эко-

² Куперштох Н. А. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки – Новосибирск, 2005. № 2 (25).

номическим аспектам географии. Примером может служить одна из самых ранних статей на эту тему, опубликованная в 1922 г. «Экономическая география как географическая дисциплина и вопросы районирования» (Географический вестник, Т. 1. Вып. 2-3. С. 16–21), а также работы последующих лет – вплоть до 1930 г., когда, как отмечает В. С. Преображенский (Известия. 1997), А.А. под давлением обстоятельств оставил эту тему. Во-вторых, стоит напомнить об интересе Григорьева к страноведению, к региональным исследованиям. Возможно, это направление его творчества сложилось еще в ранние годы учебы и работы в «Новой энциклопедии Брокгауза и Эфрона».

Много шире, чем перечень фамилий учеников, приведенный выше, действительный круг соратников. Об этом прямо свидетельствуют посвящения, которые мы обнаруживаем на книгах, подаренных Андреем Александровичем коллегам. Так, на титульной странице одной из своих теоретических монографий он написал: «Моему испытанному соратнику Мурзаеву Э. М. на добрую память».

Как же описать школу А. А. Григорьева в нескольких словах? Процессная? Оболочечная? Балансовая? Геофизическая? По-видимому, совокупностью всех названных выше научных идей эту школу охарактеризовать нельзя – их много и они весьма разнообразны. На мой взгляд, не характеризуют специфику школы А.А. и его работы социально-экономического, страноведческого и регионального направлений. Существует, однако, некое обобщение, которое включает, как мне кажется, главные особенности всего творчества Григорьева. Это обобщение принадлежит В. Бунге (Теоретическая география. М.: Прогресс. 1962. 203 с): «Вне зависимости от характера и вида перемещения оно оставляет след на Земле, иначе говоря, участвует в создании ее геометрии. В свою очередь геометрия вызывает перемещения». В этой формуле присутствует вечная тема географии – связь морфологии и процессов. Именно она составляет существо исследований А. А. Григорьева. И она же продолжает питать исследования во множестве отраслей географии. Достаточно вспомнить ландшафтно-геохимические арены М. А. Глазовской (1967), структуры почвенного покрова В. М. Фридланда (1972), граничные поверхности в океане Т. А. Айзатулина, В. Л. Лебедева и К. М. Хайлова (1976), нуклеарные геосистемы А. Ю. Ретеюма (1980).

Поэтому школу А. А. Григорьева, вернее – сквозную тему его творчества – я назвал бы процессно-морфологической.

Пожалуй, одна из самых характерных работ Андрея Александровича, непосредственно посвященных этой теме, это его «Опыт характеристики основных типов физико-географической среды». Работа была написана в 1938-1942 гг. Вот как сам автор говорит о ее замысле: «Данная работа, состоящая из четырех частей, опубликованных в разные годы, ставила своей целью охватить все существующие на Земле основные типы физико-географической среды, обрисовав их в первую очередь с точки зрения протекающих в них процессов и их интенсивности, а равно с точки зрения типичных для них балансов вещества и энергии»³. Этой работе предшествует менее детальная публикация 1937 года, название которой еще полнее

³ А. А. Григорьев. Типы географической среды. Избранные теоретические работы. М.: Мысль. 1979. 75 с.

соответствует теме «процессы – морфология». Это «Опыт аналитической характеристики состава и строения физико-географической оболочки земного шара»⁴.

В многослойной картине творчества А. А. Григорьева с отчетливостью вырисовывается еще одна весьма существенная особенность, к которой хотелось бы специально привлечь внимание читателей. Суть ее в том, что в григорьевской школе не только ученик, а точнее сказать коллега-последователь мог многому научиться у мэтра. Андрей Александрович тоже учился, сотрудничая, а подчас и достаточно резко споря со своими сотрудниками. И, несмотря на вспыльчивый характер, признавался в неправоте, если убеждался в справедливости критических высказываний, убеждался – и менял свои суждения. Так он реагировал, в частности, на критический разбор его взглядов Д. Л. Армандом (см. ниже очерк «Воздушные пути григорьевских идей»).

Этими чертами григорьевской школы, на мой взгляд, определялись многие особенности научной жизни нашего Института при Григорьеве, сохранялись они и позже. Могу свидетельствовать – именно таков был стиль горячих дискуссий на заседаниях Ученого совета Института в 1960-е годы и позже. Я хорошо помню, например, столкновение взглядов «эолистов и акваистов» на происхождение рельефа пустынь – Б. А. Федоровича и А. С. Кесь с одной стороны и С. Ю. Геллера и В. Н. Кунина с другой. Убедительнейшие аргументы выдвигались этими яркими людьми, выдающимися знатоками Средней и Центральной Азии. Мне казалось – примирить их невозможно. Но вот в дискуссию вступали Э. М. Мурзаев и И. П. Герасимов. И я понимал – простого ответа «или – или» быть не может. Проблема сложна и нужно общими усилиями приближаться к ее разрешению, принимая во внимание правоту и эолистов, и акваистов в отдельных конкретных ситуациях.

А каково будущее не только стиля школы, но самих идей Андрея Александровича? Отчасти на этот вопрос отвечает список лауреатов премии имени Григорьева. Она присуждалась шесть раз. Четырежды – сотрудникам нашего Института. Вот список лауреатов:

- 2009. Владимир Михайлович Котляков и Анна Игоревна Комарова. За книгу «География: понятия и термины. Пятиязычный академический словарь».

⁴ Ibid, С. 9–71.

Фотография 1950-х годов.

- 2006. Виктор Алексей Сергеевич. За монографию «Основные проблемы математической морфологии ландшафта».
- 2003. Арманд Алексей Давидович. За монографию «Эксперимент «Гей». Проблема живой земли».
- 2001. Гросвальд Михаил Григорьевич. За монографию «Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики».
- 1997. Величко Андрей Алексеевич. За серию работ по эволюционной географии.
- 1995. Будыко Михаил Иванович. За монографию «Эволюция биосферы».

Мы видим – премия действует. Сквозная тема творчества Андрея Александровича, очевидно, развивается – ведь для географии она «вечная». В нашем Институте регулярно проводятся «Григорьевские чтения» – тематические заседания Ученого совета.

Может быть, григорьевское понятие «географическая оболочка» утратит свою актуальность. Может быть, неактуальными станут представления о «едином физико-географическом процессе». Важно другое – нам нужно заботиться о том, чтобы в Институте сохранился присущий григорьевской школе стиль отношений между коллегами. Он естественен для академического сообщества.

А. В. Дроздов

Воздушные григорьевских идей

«Это были воздушные пути, по которым, как поезда, ежедневно отходили... мысли... Это были пути, установленные на уровне, достаточном для прохождения всяческих границ...»

Б. Л. Пастернак, 1924

Какие бы не предлагались критерии для различения научных школ, важнейшими особенностями каждой школы, ее отличительными чертами – наряду с другими – будут всегда стиль мышления, присущий создателю школы, и характер его отношений с последователями и коллегами. И если первая особенность школы, как правило, достаточно отчетливо запечатлевается в письменных источниках, то о второй мы узнаем обычно из источников устных, причем не так уж и часто. Между тем, атмосфера общения внутри школы – вещь чрезвычайно важная. По влиянию на распространение идей школы, очевидно, не менее важная, чем роль опубликованных текстов.

Об атмосфере григорьевской школы, о тех, говоря словами Пастернака, «воздушных путях», по которым отправлялись в научное сообщество идеи Андрея Александровича. Мне в 60-е годы несколько раз приходилось слышать рассказы Д. Л. Арманд и М. И. Будыко. Был я и свидетелем поучительных событий. Вот что помню наиболее ярко.

В 1963 году Давид Львович Арманд отправил меня, стажера, только что принятого в Институт географии, на учебу в Ленинград – в Главную геофизическую обсерваторию, директором которой был тогда Михаил Иванович Будыко. Мне предстояло осваивать там геофизические подходы к изучению ландшафта. Разумеется, готовясь к поездке, я принялся перечитывать классические работы Григорьева, Будыко и Арманд о связях растительного покрова и других компонентов ландшафта с климатом. Обнаружились некоторые противоречия, как казалось, мнимые. За разъяснениями я обратился к Давиду Львовичу. Времени для беседы у него было очень мало, он только успел мне сказать, что ряд суждений Андрея Александровича о радиационных рубежах считает ошибочными.

И к Григорьеву, и к Будыко, и к Арманду с первых лет учебы в МГУ я испытывал глубочайший пиетет. Я и помыслить не смел тогда, что кто-либо из них может ошибаться. Так и уехал в Ленинград с чувством некоторой неловкости.

Михаил Иванович сразу дал мне интереснейшее задание – собрать и обобщить новые сведения о зональных величинах продуктивности растительного покрова, о количестве почвенной органики и о других параметрах биологического круговорота для статьи, задуманной им вместе с Андреем Александровичем.

Многие из нужных материалов я собирал в Москве и однажды, посчитав их более или менее подготовленными, робея, впервые пришел к Андрею Александровичу. Ведь мне приходилось в Институте слышать о вспыльчивом, «персидском» характере Григорьева. Андрей Александрович посмотрел материалы, взял небольшой лист бумаги и принялся что-то писать, затем с улыбкой протянул листок мне. Это была рекомендация. Мне предлагалось представить собственную статью в «Доклады Академии наук». Я оторопел, ушел смущенный, поскольку никакой статьи в «Доклады» представлять не собирался – я ведь только исполнял тогда замысел и поручение Михаила Ивановича. Но конечно же, запомнил щедрость, мягкость, доброжелательность Андрея Александровича.

Потом у меня была возможность и необходимость подробно поговорить об этих материалах с Михаилом Ивановичем. Объясняя построение готовящейся статьи, он очень тепло рассказывал мне о своей работе с Андреем Александровичем. И вдруг спросил: «А как пожи-

вает Давид Львович? И по-прежнему ли столь же остер на язык, блестящ, неотразим и конструктивен в своих критических речах? Помню, – сказал Михаил Иванович, – нам тогда с Андреем Александровичем очень от него доставалось».

Позже от Давида Львовича я узнал – имелись в виду его выступления на теоретическом семинаре в Институте географии еще в 40-х годах, когда он, будучи, вероятно, младшим научным сотрудником, подверг серьезной критике взгляды своего директора – теорию радиационных рубежей и представления об интенсивности физико-географического процесса.

В рабочем кабинете. 1953 г.

С «дискуссией» – травлей Андрея Александровича, развернутой после лысенковской сессии ВАСХНИЛ, те семинары не имели ничего общего ни по стилю, ни по сути дела. Я вполне почувствовал это, когда готовил к печати стенограммы тогдашних выступлений Давида Львовича⁵. Дело в том, что Андрей Александрович не только сердился на молодого коллегу. А так оно и было, я знаю об этом от самого Давида Львовича. В сердцах, директор советовал Давиду Львовичу никогда не заниматься теорией физической географии. Но, остыв от гнева, исправлял свои труды. Тем более, что как мы видим теперь из опубликованных стенограмм, Давид Львович предлагал очень полезные уточнения к теориям мэтра. Вплоть до конкретных формулировок.

Очевидно, так и должна развиваться серьезная научная школа. Сколь бережно относились ученики и коллеги к идеям Андрея Александровича, как ценили его научное наследие и как хранили – все это я ощутил и сам, однажды невольно спровоцировав весьма резкую дискуссию.

Это случилось в Ленинграде, в 1966 году, на первом Всесоюзном совещании по Международной биологической программе. Там я неожиданно оказался третьим по очереди докладчиком на первом пленарном заседании. Виновницей была Наталия Ивановна Бази-

⁵ 1) О теории радиационных рубежей, март 1948 г. 2) О законе интенсивности физико-географического процесса, 1948 г. Опубликовано в сборнике избранных трудов Д. Л. Арманда «Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов» (М.: Наука, 1983).

левич, предложившая мне интерпретировать ее и Леонида Ефимовича Родина новейшие материалы о продуктивности основных растительных сообществ мира, используя методы А. А. Григорьева и М. И. Будыко.

Мне было 25 лет. Помню, у меня не оказалось подходящего моменту костюма. Но вывесив один небольшой рисунок, демонстрирующий график связей продуктивности с климатом, я забыл о смущении и свои соображения высказал довольно бойко. Новый материал тогда позволил мне предложить уточнения к классической схеме Григорьева-Будыко. Михаил Иванович тотчас мне попенял, указав на некоторый дефицит данных, который должен был бы предостеречь меня от слишком радикальных выводов.

И тут в дискуссию вступил известный ботаник Сергей Николаевич Тюремнов. Пока он шел к трибуне, Наталия Ивановна шепнула мне: «Тюремнов всегда говорит очень интересные и важные вещи, слушай внимательно». Сергей Николаевич был краток. Он сказал буквально следующее: «Вот тут некий молодой человек показал нам какие-то графики, какие-то кривые. Но учтите, молодой человек, – тут он обратился прямо ко мне, – кривая Вас не вывезет». Сказал и замолчал.

Что мне было делать? Я тоже молчал. А вот Михаил Иванович, оставив в покое меня и мои промахи, немедленно произнес блестящую речь в защиту идей Андрея Александровича.

Потом он пригласил меня для специального разговора и чрезвычайно интересно и увлекательно рассказывал, как пришел к мысли о фундаментальной роли некоторых критических значений индекса сухости, опираясь на результаты вегетационных опытов. Он вполне убедил меня тогда, хотя позже у меня вновь появились сомнения. И, кажется, Михаил Иванович согласился с некоторыми из них.

Но не в этом дело. Важны стиль и суть, как публичных дискуссий, так и частных научных бесед учителя и ученика, нацеленных на выяснение подлинного смысла вещей. Только такой стиль, такая атмосфера плодотворны для сохранения и развития научной школы. И только в таком воздухе, по таким незримым воздушным путям глубокие идеи преодолевают всяческие барьеры и границы.

В. П. Чичагов

Судьба Сергея Николаевича Матвеева и дух дружбы и взаимопомощи в ИГАНе

Сергей Николаевич Матвеев был одним из трех репрессированных в советское время сотрудников Института географии АН СССР, был хорошим человеком и талантливым ученым. Он погиб незадолго до реабилитации.

Два других имени – Ю. Д. Цинзерлинг и Я. С. Эдельштейн. Оба также погибли в заключении и реабилитированы посмертно. О Якове Самойловиче Эдельштейне есть публикации в «Известиях АН СССР. Серия географическая», № 5 за 1969 год и в книге «Репрессированные геологи». М.: СПб., 1999.

Мы можем гордиться тем, что в трудные годы репрессий, насколько об этом можно судить по имеющимся документам и рассказам коллег, сотрудники Института не только не доносили «органам» друг на друга, но сохраняли дух взаимного уважения и взаимопомощи.

Жизнь Сергея Николаевича оборвалась в расцвете сил, трагически кончилась в рязанской тюрьме. Он был осужден за то, что издал небольшую книгу в соавторстве с опальным сыном опального писателя Леонида Андреева. Друзья в Институте географии до последнего дня надеялись вызволить его из тюрьмы. Его институтский товарищ и соратник по работам в Средней Азии, зам. директора института В. М. Кузнецов получил из Рязани два сообщения о нем. В первом, о том, что он болен, переведен из мещерских лесов в Рязанскую тюрьму и может быть освобожден. Дело было ранней весной 1953 г. В. М. Кузнецов приготовил теплые вещи и транспорт для возвращения С. Н. Матвеева в Москву, сообщил об этом М. А. Глазовской, с которой Сергей Николаевич также работал в Средней Азии и сохранял дружеские отношения. Но было поздно, во втором письме сообщалось о смерти С. Н. Матвеева.

В юбилейной монографии «Институт географии и его люди», вышедшей в 2008 г., о С. Н. Матвееве сказано немного: физикогеограф, геоморфолог, в Институте – в 1935–1946 гг.; работал в экспедициях во многих равнинных и горных регионах; занимался физико-географическим страноведением; в 1941 г. при составлении плана новой структуры Института предполагалось назначить его руководителем секции географии капиталистических стран в отделе физической географии. В 1948 г. был арестован по делу сына писателя Леонида Андреева. Умер в 1953 г. в районе Мещерских лесов, где отбывал ссылку. Реабилитирован в 1955 г.

Это третье упоминание о Матвееве в печати, первое было 20 лет назад в статье Э. М. Мурзаева о нем, Б. Л. Личкове и Я. С. Эдельштейне, второе 10 лет назад в книге о репрессированных геологах.

Работая более полувека в Институте географии РАН, я практически ничего не слышал о Матвееве, но был знаком с его двумя интересными книгами – физико-географическим описанием Турции (авторская монография) 1946 г. и о горах Юго-Восточного Казахстана (в соавторстве с Г. А. Авсюком и М. С. Калецкой) 1945 г. Его супруга и соратница М. С. Калецкая – интересный, опытный геоморфолог – работала вместе со мной в отделе геоморфологии, но не упоминала своего супруга, а у меня не было оснований интересоваться им. К тому же я был молод и, когда тебе 23 года, то работы 15–20-летней давности и их авторы выглядят если не раритетами, то уж точно старыми, не привлекают внимания. О Матвееве я ничего не знал, был поглощен организацией путешествий в Китай и Монголию, подготовкой, подчас изнурительной, первых публикаций и проч.

В 1996 г. я впервые познакомился с замечательной горной страной – Горным Алтаем – долинами Бии, Чуи и Чулышмана. Вернулся из экспедиции, погрузился в научную лите-

ратуру по этому региону и обнаружил содержательную статью С. Н. Матвеева об осыпях долины Чулышмана (1939 г.). Статья выгодно отличалась от известных мне работ по геоморфологии Горного Алтая тщательностью проведенного исследования и методическими подходами. Ее автор изучал строение и динамику осыпей крутых склонов долины Чулышмана, применяя нивелировку и используя прогрессивные подходы немецких ученых. К тому времени у меня был опыт геоморфологических исследований в Азии и Европе, я был знаком с трудами наших зарубежных коллег и мог оценить рассматриваемую статью как соответствующую европейскому научному уровню. Более того, в ней намечались перспективы изучения экзогенной геодинамики горных стран. Образ геоморфолога С. Н. Матвеева стал привлекательным, а его статья необходимой. Я обратился к его супруге М. С. Калецкой с просьбой подарить мне оттиск статьи, через день получил его, перечитал и храню по сей день. Неоднократно рассказывал об этой работе сибирским ученым и по их просьбе дарил им ее ксерокопии.

У меня укрепился научный интерес к С. Н. Матвееву и появился интерес к нему, как личности. В беседе с М. А. Глазовской, работавшей с ним в 1940-х годах в Средней Азии и в Институте географии, я узнал о том, что С. Н. Матвеев был способным, вдумчивым и квалифицированным ученым, владел европейскими иностранными языками; изучая Турцию, быстро выучил турецкий; хорошо знал отечественную и зарубежную научную литературу. Характер у него был спокойный, ровный; это был интеллигентный человек, воспитанный в лучших русских традициях. Будучи мягким и привлекательным, он обращал на себя внимание молодых дам, замечавших его длинные ресницы. Женился он на энергичной М. С. Калецкой, работал с ней в Институте, в экспедициях на Кольском полуострове, Алтае, в Алтайском заповеднике, Казахстане и Средней Азии. Это была дружная, достойная пара. Поскольку вряд ли мы когда-нибудь узнаем о Матвееве, как о личности, что-то новое, обратимся к его трудам, содержание которых хотя бы частично восполнит этот пробел.

Перед составлением упоминавшейся статьи об осыпях долины Чулышмана Матвеев опубликовал в 1938 г. оригинальные, основанные на полевых наблюдениях, статьи о лавинах и о каменных потоках, а в 1940 г. о воздушной волне, вызываемой лавинами. В этих статьях проявились способности ученого в сопоставлении полученных в экспедиции материалов с данными других исследователей.

Приведем несколько примеров. Первый – положив в основу результаты изучения каменных потоков на склонах гор Кольского полуострова, Матвеев создал в 1938 г. крупную обобщающую работу по этой проблеме. В приведенной в ней таблице он привел классификацию каменных потоков, включив в нее пять групп: щебневые потоки, каменные моря, каменные глетчеры, потоки обломков горных обвалов, переходные формы к осыпям и особый тип щебневых потоков, возникающих в результате регулярного падения обломков. Для каждой группы рассматривался характер областей питания, стока и отложения, а также приводились региональные примеры. Последние поражают своим разнообразием, свидетельствуют о высокой эрудиции ученого и его широком географическом кругозоре. Это – Фолклендские о-ва и Урал, Шпицберген и Альпы, Скандинавия и Шпицберген, Уругвай и Арктика, Памир и горы Сан-Жуан в Колорадо, Тироль и Канада.

Второй пример из упоминавшейся работы об осыпях долины Чулышмана 1939 г. В ней ученый показал, что профиль склона осыпи является результатом взаимодействия процессов подготовки горных пород в области ниши отрыва и процессов денудации в самом конусе и может служить основой для выделения стадий развития осыпей. Особое внимание уделил конечной стадии – стадии зарастания, которая проявляется в 3–4 этапа, «характеризующихся, с одной стороны, определенным систематическим составом растительности, с другой – определенным строем фитоценозов». Для каждого этапа приведены подробные списки мхов, лишайников, травянистых, кустарниковых форм и «деревянистой растительности».

Третий пример. В статье о лавинах 1938 г., на мой взгляд, особый интерес представляют новые для тех лет данные ученого о морфологических последствиях схода лавин. Путем расчетов он показал, что механический эффект лавин огромен и может сравниться с механическим эффектом огромных оползней; формами, создаваемыми «лавиной денудацией» служат лавинные борозды и окаймляющие их валы остроугольных обломков. При движении лавины могут выбрасывать обломочный материал далеко за пределы борозды. Особое внимание в статье уделено морфологическим последствиям лавинного ветра, проявляющимся на расстоянии многих километров по долине, где сошла лавина. Наконец, очень интересны данные о связи между сильными землетрясениями, лавинами и подвижками ледников. С. Н. Матвеев на примере ледника Маласпина показал, что сильное землетрясение 1899 г. вызвало сход многочисленных лавин, накопление огромных масс снега и спустя 6 лет «наступление ледников с неслыханной доселе скоростью»; отметил роль лавин в питании некоторых ледников Средней Азии особого типа, получившего название «туркестанского». Не менее тщательно Матвеев проанализировал и гидрологическую роль лавин.

Все кратко рассмотренные статьи были изданы в престижном академическом географическом издании «Проблемы физической географии». На этом закончился довоенный этап научной деятельности С. Н. Матвеева.

Войну С. Н. Матвеев и М. С. Калецкая провели в эвакуации в Алма-Ате, откуда ездили в экспедиции в горы и на равнины Юго-Восточного Казахстана.

Из трудов военного времени интересна статья С. Н. Матвеева, посвященная борьбе с катастрофическими явлениями грязекаменных потоков (селей) на основе учения о геоморфологических процессах, опубликованная в 1944 г. в Изв. АН СССР, сер. географ. и геофиз. Она является одной из первых работ на эту важную тему.

Выше были приведены примеры из совершенно забытых статей С. Н. Матвеева. Они в свое время были очень актуальны и в наше время представляют известный научный – историко-географический и методический – интерес.

Немногим более известны монографические работы ученого и среди них книга о геоморфологии гор Юго-Восточного Казахстана, изданная Казахским филиалом АН СССР и Институтом географии АН СССР в 1945 г. в Алма-Ате. Она представляет развернутый текст-объяснение к геоморфологической карте м-ба 1:1 000 000 этого региона. При ее составлении проявились способности С. Н. Матвеева работать и писать в коллективе ученых – его друзей и соратников Г. А. Авсюка, М. А. Глазовской и М. С. Калецкой.

Проводя геоморфологические исследования в Восточном Казахстане, я неоднократно обращался к карте и тексту этой серьезной монографии, отдавал дань тщательности сбора, обработки и обобщения содержащихся в ней геоморфологических материалов.

Географы старшего поколения запомнили и оценили упоминавшуюся в начале статьи книгу С. Н. Матвеева «Турция. Физико-географическое описание» (М.: Изд-во АН СССР, 1945). При подготовке к изданию автор имел сильного оппонента в лице А. А. Григорьева, опубликовавшего на четверть века ранее в журнале «Природа» интересную географическую статью о Турции. В рассматриваемой монографии С. Н. Матвеев показал себя высококвалифицированным физиком-географом и страноведом, знатоком зарубежной, включая турецкую, научной литературы по Малой Азии. При этом он, оставаясь геоморфологом, тщательно проанализировал имеющийся в его распоряжении геологический, исторический и геоморфологический материал, а среди последнего важные теоретические представления Вальтера Пенка о роли больших складок в формировании рельефа запада Малой Азии. Материалы его монографии были позже использованы при составлении капитального коллективного труда «Физическая география зарубежной Азии».

При проведении маршрутных геоморфологических исследований в западных и центральных регионах Турции в рамках аридной геоморфологии мне оказали ощутимую

помощь материалы монографии С. Н. Матвеева. Выяснилось, что геолого-геоморфологические данные значительно устарели и представляют в основном историко-географический интерес. Зато исторические и археологические данные по особенностям антропогенных воздействий и преобразований, в частности о роли наиболее древних городских поселений, по описаниям природы в античную эпоху и ряд других сюжетов сохранили свою привлекательность.

Мне известны семь работ С. Н. Матвеева – пять статей и две монографии, каждая из них по-своему интересна. О них кратко сказано выше. Знакомство с ними убедило меня в том, что Сергей Николаевич Матвеев – ученый ранней генерации сотрудников Института географии РАН, руководимого А. А. Григорьевым, был разносторонним, способным и энергичным географом широкого профиля, проводившим полевые исследования в трудных и малоизученных регионах нашей страны, хорошо знавший и умело использовавший научную литературу той эпохи. Это был одаренный и талантливый географ с большим будущим в нашей науке.

Светлую память о нем нужно сохранить для будущих поколений. Может быть, не случайно эту статью о С. Н. Матвееве я закончил 7 января 2011 года – в Светлый праздник Рождества Христова.

От редактора-составителя.

Этот очерк Валерий Павлович Чичагов написал о С. Н. Матвееве как геоморфолог о геоморфологе. Но, конечно же, не мог не затронуть тему, вынесенную в заглавие. И это не случайно. Ведь в истории Института арест и смерть Сергея Николаевича – это исключительный случай. Сотрудники ИГАН погибали в экспедициях (такова профессия), на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу, но участь многочисленных жертв сталинского террора, охватывавшего все наше общество, их миновала. Навязанные извне попытки организовать процессы над географами Института, подобные тем, что инициировал Т. Д. Лысенко, не удались, хотя и имели место. Кампании против А. А. Григорьева и против Л. С. Берга состоялись, но не завершились трагически.

В институтском коллективе действовал иммунитет против скандалов, склок, против грязных дел. Пресловутый «пятый пункт» (графа «национальность» в документах советского времени) игнорировался. Дух сотрудничества, доброжелательности, взаимопомощи всегда явственно ощущался в Институте. Об этом пишут практически все авторы очерков, специально выделяя эту тему или говоря о ней «между строк».

Эта атмосфера существовала как будто бы сама по себе, как естественная атмосфера научного сообщества. Но ее поддерживали и оберегали все – и руководители коллектива (от них, разумеется, зависело очень многое), и весь коллектив. Вот характерный пример.

На Курском стационаре Института в Центрально-Черноземном заповеднике работала Елена Константиновна Дайнеко, наш почвовед. Ранним утром, по пути на опытную площадку, она встретила посреди заповедной степи человека с мольбертом, писавшего этюд с натуры. Поодаль, тоже на заповедной целине, стояла черная «Волга». Нужно сказать, что сотрудники Института, работавшие на стационаре, всегда помогали егерям заповедника охранять его от нарушителей режима. В заповеднике можно было появляться только с пропуском, подписанным директором, или в сопровождении работников заповедника. Е.К. попросила незнакомца предъявить пропуск. Вначале реакции не последовало. В ответ на вторую настойчивую просьбу человек с мольбертом раздраженно вынул красную корочку – партийный билет – и показал подпись выдавшего его. Это была подпись Л. И. Брежнева. Незнакомец оказался первым секретарем Курского обкома КПСС. Елена Константиновна резонно заметила, что это отнюдь не пропуск и попросила товарища не

нарушать строгие правила охраны заповедника. Товарищ угрожающее посмотрел на Е.К., что-то пробормотал, закрыл мольберт и уселся в свою «Волгу», стремительно укатившую прочь.

Е.К. вернулась на базу стационара и рассказала о своей встрече. Рассказ всех встревожил. И не зря. Через пару часов на стационар на спецмашинах приехали посланцы секретаря обкома и потребовали выдать им некую сотрудницу для допроса и разбирательства. Начальником стационара был Давид Львович Арманд. Он категорически отверг эти требования и попросил передать товарищу секретарю, что немедленно связывается с президентом Академии наук и сообщает о возмутительном поведении товарища. Затем распоряжается свернуть работу стационара, а ЦК КПСС просит разобраться – может ли товарищ, игнорирующий первый декрет В. И. Ленина, как известно, посвященный созданию заповедников, выполнять обязанности первого секретаря обкома.

Посланцы уехали ни с чем. Но через некоторое время в Институт пришло письмо из обкома с требованием наказать Е. К. Дайнеко. Партийное бюро Института для порядка пожурilo Е.К., но «спустило это дело на тормозах».

Между прочим, вскоре секретарь обкома лишился своего поста. А наш коллектив воспринял историю как образец естественного, должного поведения сотрудников академического института.

Н. И. Коронкевич

В отделе гидрологии в 1960–1970 гг.

В годы студенчества мечтал работать в Институте географии. Но это казалось мало реальным. В год окончания геофака МГУ (1961 г.) у меня было распределение совсем в другое место. Совершенно неожиданно в день распределения приехал зам. директора ИГ АН СССР Г. Д. Кулагин и предложил мне и Л. Я. Джоган, моей сокурснице, должности ст. лаборантов. От такого предложения мы, конечно, не могли отказаться. До сих пор не знаю истинной причины такого поворота в моей судьбе. Скорей всего, это было связано с запросом М. И. Львовича (см. посвященный ему отдельный очерк), который еще не став зав. отделом гидрологии (это произошло в 1962 г.), но будучи фактическим руководителем (формально во главе отдела был еще М. Ф. Срибный), формировал его кадровый состав. Отдел в эту пору быстро набирал силы. М. И. Львовичу исполнилось 55 лет, он был полон энергии и творческих замыслов после определенного «простоя», вызванного увольнением из Государственного гидрологического института (ГГИ) как космополита, и пребывания в Комплексной экспедиции полезащитного лесоразведения в качестве одного из рядовых сотрудников. Среди таких замыслов была организация экспериментальных воднобалансовых исследований в различных природных зонах, в т. ч. на Курском стационаре. «Правой рукой» М. И. Львовича в то время был А. М. Грин – человек совершенно неумной энергии и выдающихся организаторских способностей. Грину в 1961 г. было 37 лет и он очень оперативно реализовывал все задумки М. И. Это касалось и формирования кадрового состава отдела, и организации конференций и публикаций, и очень ярко проявилось в организации экспериментальных гидрологических исследований. С 1974 г. в течение многих лет он был руководителем всего Курского стационара. Еще ранее экспериментальные гидрологические работы под руководством М. И. Львовича и А. М. Грина велись под Загорском (теперь Сергиев Посад). Говоря об экспериментальных исследованиях нельзя не сказать о Е. П. Чернышеве. Выпускник Воронежского университета, он еще студентом участвовал в гидрологических экспериментах под Загорском, а через несколько лет возглавил их на Курском стационаре, где и проживал вместе с семьей по существу круглый год вплоть до получения московской квартиры. Он взвалил на свои плечи всю непосредственную работу по строительству воднобалансовых объектов, по снегосъемкам, по наблюдению за стоком и другими элементами водного баланса, за эрозией и вещественным составом вод, став со временем одним из самых крупных специалистов в стране в области ландшафтной гидрологии, особенно в отношении изучения эрозионных процессов и вещественного состава вод. Помимо своих организаторских способностей Е.П. (а ему в 1961 г. было всего 26 лет) был душой любой компании, но в то же время мог сурово спросить с приезжающих на полевые работы сотрудников отдела гидрологии (Алексея Гумберта, Юрия Куликова, Валерия Ющака, Вячеслава Фатерина и других). Отдел тогда вообще был очень молод. Большинству сотрудников было не более 35 лет, в т. ч. Н. Н. Дрейер, Л. К. Малик.

Н. Т. Кузнецову в 1961 г. был 41 год. И даже самые старшие (В. А. Арефьева, В. Е. Иогансон) лишь немного превзошли 50-летний рубеж.

В отделе царил дружественная атмосфера, живо обсуждались самые разнообразные вопросы, как научные, так и далекие от науки. Регулярно отмечались дни рождения, различные праздники, особенно новогодние, которые с появлением позднее в отделе Г. М. Черногаевой, Г. М. Николаевой, Г. Я. Карасик, А. В. Беляева, А. Г. Георгиади стали выливаться в своеобразные театрализованные представления.

Особенно дружественная атмосфера складывалась во время выездов на полевые работы на Курский стационар – весной, для наблюдения за весенним стоком, и летом при

изучении испарения с помощью лизиметров. Но этим наблюдениям предшествовал период строительства воднобалансовых объектов, который и был в самом разгаре в 1961 г., когда я после кратковременного разговора с М. И. Львовичем и А. М. Грином и посещения отдела был командирован на эти строительные работы, на которых провел значительную часть осени 1961, а также 1962 года. Затем долгие годы с Курским стационаром меня связывали экспериментальные работы в зимне-весенний период и летом. В перерывах много приходилось заниматься камеральной работой в отделе. Лишь в середине 1960-х гг. меня стали приобщать к собственно научной деятельности.

Отдел первоначально располагался в Черемушках в полуподвале одной из пятиэтажек⁶. Рядом находились гляциологи. Тогда это был край Москвы, метро еще не построили. Было много заброшенных частных домиков, пустырей, на которые мы, молодые сотрудники, во время обеденного перерыва летом, если не были в экспедиции, ходили загорать.

В рабочей неделе обычно бывало два ударных дня – вторник и четверг, когда в отдел приезжал М. И. Львович. Впрочем, иногда во вторник он отсутствовал или бывал полдня – когда в Институте назначался Ученый совет. Все сотрудники во время приезда М.И. должны были быть в наличии и готовы отчитаться за выполнение заданий. Обычно он беседовал с научными сотрудниками, а те, в свою очередь, проверяли выполнение работ у лаборантов. Это было время, когда практически у каждого научного сотрудника был, по крайней мере, один лаборант. Общий же объем работ был очень велик. На протяжении долгого времени у отдела гидрологии основными направлениями работы были два: 1) мировой водный баланс и водные ресурсы мира и 2) антропогенные изменения водного баланса и водных ресурсов. Приблизительно в этом направлении главные работы велись и в ГГИ. Конкуренция, обостренная конфликтами между М. И. Львовичем и рядом сотрудников ГГИ, была налицо. Удивительно, что соперничество между коллективами, насчитывающими немногим более 20 человек в ИГАНе и более 2000 чел. в ГГИ, шло почти на равных. В этом заслуга, прежде всего, М.И., но и всего отдела гидрологии, работавшего по четкому плану и чрезвычайно насыщенно. Приходилось (и это ложилось на плечи в основном лаборантов и младших научных сотрудников) строить бесчисленное число гидрографов (графиков изменения расходов воды в течение года) по всему земному шару, затем расчленять их, выделяя поверхностную и под земную составляющие речного стока, и по клеточкам подсчитывать их соотношение. Несколько облегчало работу, что считали не по всем рекам, а по наиболее репрезентативным, и не за все годы, а за четыре – два средних по водности, маловодный и многоводный. Успеху во многом способствовало то, что в отделе подобрался технический персонал, для которого были характерны высокая работоспособность и очень ответственное отношение к работе.

Это в полной мере было присуще Клавдии Ивановне Алексеевой, Нине Васильевне Котловой и более молодым Аде Предько, Анжелике Кисаровой, Лидии Решетник, Кларе Черноус, Нине Пискуновой, Люде Маньшиной и другим, в разное время работавшим в отделе в рассматриваемый период. Много времени и сил уходило и на экспериментальные работы на Курском стационаре и обобщение их результатов в обязательных ежегодных отчетах за зимне-весенний и летний периоды. Ну и М.И. и А.М. всячески поощряли молодых сотрудников к написанию статей, выступлению на конференциях. Учитывая весьма напряженные отношения с ГГИ, эти выступления нередко имели стрессовый характер. Такой же характер порой приобретали и защиты. В наибольшей степени это коснулось кандидатской защиты А. М. Грина по динамике водного баланса ЦЧО в середине 1960-х гг., на которой ему пришлось «отбиваться» от многочисленных нападков со стороны ГГИ. Вообще и М. И. Льво-

⁶ Лишь в 1970-е гг. переехал в Подколокольный переулок почти в центре Москвы, а затем уже в 1998 г. на ул. Вавилова, где и располагается сейчас.

вич и А. М. Грин весьма положительно относились к написанию сотрудниками отдела и довольно большим числом аспирантов кандидатских диссертаций.

Так, меня командировали на месяц в Ленинград специально для завершения кандидатской диссертации. Но дальше кандидатских дело не шло. За все время «правления» М.И. (а это почти 30 лет) ни один сотрудник отдела не защитил докторской диссертации. Защищали докторские, покинув по тем или иным причинам отдел гидрологии. Возможно, сотрудники в силу разных обстоятельств просто «не дозрели» до докторского уровня, но не исключено, что это объясняется чересчур жесткими рамками, в частности методическими, в которых дозволялось творить сотрудникам, возможно, нежеланием иметь конкурента на посту зав. отделом. В пользу такого объяснения говорит крайне болезненное отношение М.И. к инакомыслию, приведшего к уходу на конфликтной основе из отдела самого А. М. Грина, С. Л. Вендрова, П. Ф. Идзона и ряда других ведущих сотрудников.

Вообще, стиль руководства отделом со стороны М.И. представлял собой весьма причудливую смесь авторитаризма и демократии. Нетерпимость к инакомыслию внешне облекалась в весьма демократичные формы ее изъяснения. Хорошо помню, как М. И. Львович и П. Ф. Идзон выясняли, кто из них первый предложил шестикомпонентную систему уравнений водного баланса. Не было сказано ни одного ругательного слова, но накал страстей со стороны М.И. определялся, в частности, тем, с какой разной тональностью он неоднократно произносил, обращаясь к Идзону, «дорогой Павел Фридманович»! При жестком контроле над выполнением работ допускалось весьма терпимое отношение к дисциплине посещения отдела. Впрочем, нечто подобное приходилось наблюдать и в других отделах. Все-таки, прежде всего, было дело, а как и где оно выполнялось, было вторичным. Причем иногда ставились весьма жесткие, если не сказать жестокие, требования. Памятен рассказ М. К. Граве. Однажды его пригласил к себе И. П. Герасимов и потребовал к следующему дню выполнить весьма трудоемкую работу. А Граве накануне положил свою жену в больницу. И когда И.П. изложил ему свое задание, он сказал, что ему это трудно будет сделать, сославшись на данное обстоятельство, академик воскликнул: «Вот и хорошо. Она будет под присмотром врачей, и Вам ничто не будет мешать работать».

Группа сотрудников лаборатории, 2007 г. Слева направо: 1 ряд – Т. С. Бибикова, З.А. Крылова, А.Г. Георгиади, С.В. Долгов; 2 ряд – А. Л. Чепалыга, И.Л. Милюкова, Е. А. Барабанова, К.С. Зайцева, Н.И. Коронкевич, С.И. Шапоренко, Д. Я. Фащук, 3 ряд – С. В. Ясинский, В.Н. Федоров.

Конечно, наша деятельность не замыкалась рамками отдела. Многие из нас принимали весьма деятельное участие в научно-организационной и общественной жизни Института. А. М. Грин, Е. П. Чернышев, А. В. Беляев, А. Г. Георгиади, Г. М. Николаева в разное время занимали различные должности по научно-организационной и общественной линии (зам. директора, уч. секретарь, председатель профкома, секретарь партбюро и комсомольской организации и др.). Мне в течение нескольких лет довелось быть председателем институтской организации общества «Знание». При этом приходилось контактировать с массой интересных людей, рассказ о которых выходит за рамки данного повествования. Скажу лишь несколько слов о зам. директорах. Все они, будучи людьми чрезвычайно компетентными, отличались характером и стилем работы. М. И. Нейштадт и Д. А. Лилиенберг, как правило, сразу не подписывали передаваемые им бумаги, а предварительно очень тщательно их изучали и нередко возвращали на доработку. А. М. Грин и С.В. Зонн практически сразу решали – подписать или отвергнуть. Наиболее сложно приходилось с В. С. Преображенским. Как правило, он по много раз заставлял переделывать предлагаемый ему проект текста. Помню, мы с ним пять или шесть раз меняли название моей докторской диссертации.

Но вернемся к отделу гидрологии. Уход ряда ведущих специалистов из отдела, а также отвлечение некоторых сотрудников на общественную и научно-организационную работу в Институте ослабляли отдел. Особенно болезненно сказалось отсутствие А. М. Грина, который был, если так можно сказать, основным «движителем» отдела.

Ощутимый урон отделу нанесло выделение из его состава в 1977 г. группы сотрудников (И. С. Зайцева, Н. И. Коронкевич, З. А. Крылова, Л. К. Малик и др.), вошедших в состав КЭПС (комплексной экспедиции по проблемам переброски стока). Вообще-то М.И. был против такого выделения. Когда возникла «перебросочная» тема, возглавить ее в ИГАНе предполагал С. Л. Вендров, к тому времени ушедший из отдела, давно мечтавший руководить каким-либо подразделением в Институте (в данном случае он предполагал, что такое подразделение будет создано, учитывая значимость этой темы в то время). Но М. И. удалось убедить И. П. Герасимова, что именно он, М. И. Львович, имеет больше оснований для научного руководства оценки влияния на окружающую среду частичной переброски стока северных и сибирских рек на юг – темой, порученной Институту Государственным Комитетом по науке и технике (ГКНТ), при том, что общее руководство возлагалось на Институт водных проблем РАН. М. И. Львович считал, что группе людей из отдела гидрологии, которую должен возглавлять отв. исполнитель, в качестве которого предлагался Н. И. Коронкевич, и под его (М.И.) руководством по силам справиться с заданием ГКНТ. И. П. Герасимов, согласившись с тем, что М.И. должен быть научным руководителем и оставив за собой общее руководство, все же считал, что целесообразно создать новое структурное подразделение – уже упомянутую КЭПС, сформированную как из сотрудников отдела гидрологии, так и из других подразделений ИГАН. Возглавить ее должен был Н. И. Коронкевич, а в помощь ему и М. И. Львовичу была назначена группа научных руководителей и отв. исполнителей по регионам (подробней об этом, как и других деталях жизни отдела гидрологии и КЭПС см. в книге «Институт географии и его люди» (М.: Наука, 2008)).

Теряя людей и силы (следствием чего в 1988 г. стало объединение отделов гидрологии и климатологии под руководством А. Н. Кренке), гидрологи ИГАН под руководством М. И. Львовича выполнили в 1980-е гг. целый ряд незаурядных работ, результаты которых отражены в книге М. И. Львовича «Вода и жизнь» (М.: Мысль, 1986) и в коллективной моно-

графии под его руководством «Современная интенсивность внутриконтинентальной эрозии суши и земного шара», 1991.

Но все-таки годами наибольшего творческого взлета отдела гидрологии следует считать 1960–1970-е, когда были разработаны «Основы метода изучения водного баланса и его преобразований» (М.: ИГ АН СССР, 1963), опубликованы книги М. И. Львовича «Человек и воды» (М.: Географгиз, 1963), «Мировые водные ресурсы и их будущее» (М.: Мысль, 1974), А. М. Грина «Динамика водного баланса Центрально-Черноземного района» (М.: Наука, 1965) и ряд других. Горжусь тем, что значительную часть этого периода (1961–1977) я проработал в отделе гидрологии и в какой-то мере причастен к его успехам. Больше того, считаю, что и моя докторская диссертация и написанная на ее основе книга «Водный баланс Русской равнины и его преобразования» (М.: Наука, 1990) стали результатом работ этого периода под руководством М. И. Львовича и А. М. Грина в тесном сотрудничестве с моими товарищами, некоторые из них (Е. П. Чернышев, Ю. Н. Куликов, Г. Я. Карасик, Г. М. Николаева) уже ушли из жизни. Вечная им память.

Н. К. Кононова

Годы в отделе климатологии

В Институте я появилась в августе 1957 года. На распределении в МГУ, на котором присутствовал Самуил Юльевич Геллер, мне было предложено сдавать экзамены в аспирантуру Института. Я пришла к Борису Львовичу Дзердзеевскому, который тогда руководил лабораторией климатологии в отделе климатологии и гидрологии (отдел возглавлял Марк Исаакович Львович).

Борис Львович познакомил меня с тремя направлениями, которые в то время развивались в лаборатории, и спросил, в какой области я бы хотела работать, если поступлю. Я выбрала циркуляцию атмосферы. В Университете последние два курса я тоже занималась циркуляцией атмосферы у Сергея Петровича Хромова и Веры Михайловны Курганской. Экзамен по специальности принимали Б. Л. Дзердзеевский, Леонид Александрович Чубуков и Ксения Васильевна Кувшинова. Беседовали со мной долго, полтора часа. Под конец я перестала соображать, и, когда Ксения Васильевна спросила, какое самое теплое место в Средней Азии зимой, я сказала, что не знаю. Ксения Васильевна удивилась: «У Вас же об этом написана статья». Действительно, по курсовой работе четвертого курса в «Метеорологию и гидрологию» была сдана статья «О холодных вхождениях в район Иссык-Кульской котловины зимой». Это и есть самое теплое место. Но я все равно ничего не вспомнила. С тем меня и отпустили. Экзамен по физической географии принимали Г. Д. Рихтер и С. Ю. Геллер. Должен был быть кто-то третий, но он не смог, тем не менее, экзамен состоялся. Что спрашивали, и как я отвечала – не помню. Осталась в памяти только атмосфера доброжелательности.

В 1957 г. в Институт пришло много моих сокурсниц: Галя Моисеева, Лида Гайдукова, Надя Корина, Галя Зорина, Галя Погодина, Катя Шацило, Клара Черноус, Рита Чернавина (потом Фаустова). Сначала мы держались вместе, но институтское сообщество быстро приняло нас в свои ряды, нагрозило работой, в том числе общественной, и мы стали реже встречаться.

Из общественных дел помню шефские концерты в каком-то колхозе, куда нас возили на грузовике. Эпопеей была избирательная кампания. Мы были агитаторами. Вдруг выясняется, что в Казачьем переулке в доме на шестом (последнем) этаже обваливается штукатурка с потолка из-за худой крыши. Вся коммунальная квартира отказывается идти на выборы, если не починят крышу и не приведут в порядок потолок. Это ЧП. Явка должна была быть стопроцентной, и мы, агитаторы, за это отвечали. Помню, как Институт через райком партии пытался повлиять на ситуацию. Ответственные лица пообещали людям, что все исправят, и люди поверили, пошли на выборы.

Отдельным мероприятием была работа в подшефном колхозе на прополке и уборке овощей. Запомнилась разница в условиях работы в 60-е и 70-е годы. В 60-е мы жили в палатках, работа начиналась рано, часов в 6, и продолжалась до позднего вечера. Наша бригада работала на уборке капусты. Собирали кочаны в большие корзины и относили их к весам. Колхозники работали вместе с нами. Для приготовления обеда выделялись дежурные по кухне в помощь повару. После работы мы сваливались замертво на спальные мешки. Но такой режим работы мне представлялся нормальным для сельского хозяйства.

В 70-е годы была тенденция уравнивать в условиях работы городских и сельских работников. Мы жили в домиках недалеко от конторы. В 8 часов был завтрак, потом нас на автобусе везли на поле. Мы пропалывали свеклу. Колхозники ставили нас на грядки и уходили на свои грядки. Они работали мотыгами, быстро заканчивали работу и уходили с поля до обеда. Мы же пропалывали вручную, работа подвигалась медленно. В час начинался пере-

рыв на обед. Обед (первое, второе и третье) привозили на полевой стан, там под навесом была оборудована столовая: длинные дощатые столы и скамейки. После обеда шли купаться. К работе приступали часа в 3 и работали до шести. В конце рабочего дня приходила та, которая ставила нас на грядки, и принимала работу. Опять купались, потом автобусы везли нас на центральную усадьбу, где в 8 часов нас кормили ужином.

Это, конечно, было легче и удобнее, чем в 60-е годы, но, наверное, требовало большего количества привлеченных горожан. Рядом с нами работали сотрудники Института вычислительной математики, и вообще все поле было занято приезжими из институтов и с заводов. Кто-то из математиков спросил колхозницу, какова дневная норма и какова оплата. Та ответила: «Прополешь грядку – пойдет рубль». «Плачу два, – сказал парень, – и еду кончать свою работу». Все посмеялись. Конечно, никто никого никуда бы не отпустил. Важны были не рубли, а прополотое поле. Наше же потерянное время ни во что не ставилось.

Замечательным мероприятием в 60-е годы был «меридиан» – поездка на юг от Москвы приблизительно по меридиану. Вернувшись, участники выпустили большой фотомонтаж, а кто-то написал такие стихи:

Ты наш друг, меридиан,
Проходя через ИГАН,
Превратил на время нас в автоцыган.
Раз пятнадцать ты петлял,
Возникал и исчезал,
Но никто из нас, как видишь, не страдал.

Между тем научная жизнь в Институте шла своим чередом. В 1958 г. гидрологи и климатологи разделились, образовались два самостоятельных отдела. Отдел климатологии возглавил Б. Л. Дзердзеевский. В отделе было 3 группы: циркуляционная во главе с Борисом Львовичем, комплексной климатологии, которой руководил Л. А. Чубуков (создана она была раньше Евграфом Евграфовичем Федоровым) и теплового баланса леса и поля. Лесом занимался Юрий Львович Раунер, а полем и влажностью почвы под посевами – Анатолий Иванович Будаговский. После его ухода в Институт водных проблем Юрий Львович объединил обе ветви. Экспедиционные работы велись сначала в Загорске, а потом на Курском стационаре. В книге «Климат и урожайность зерновых культур» он привел подробный каталог засух в зерновой зоне Северного полушария.

Наша циркуляционная группа под руководством Б. Л. Дзердзеевского занималась составлением Календаря последовательной смены элементарных циркуляционных механизмов (ЭЦМ) с 1899 г., а на основе этого Календаря – многолетними колебаниями циркуляции атмосферы. По данным метеорологического справочника World weather record мы изучали связи с этими колебаниями многолетнего хода температуры воздуха, атмосферных осадков и атмосферного давления в разных странах. Были выявлены циркуляционные эпохи и их метеорологические характеристики в Северном полушарии в целом и в разных его секторах.

Группа комплексной климатологии под руководством Л. А. Чубукова занималась характеристикой климата в погодах, т. е. выявлением соотношения различных классов погоды в течение года по средним многолетним данным. В этой группе было много аспирантов из союзных республик. Разработки широко использовались в курортологии и медицинской географии.

У Л. А. Чубукова мы каждый год праздновали масленицу. У него 19 января был день рождения, в этот день он нас и приглашал. Его группа пекла блины, а мы приносили что-нибудь к столу. Жил он тогда в покосившемся деревянном доме, мы заваливались к нему

всем отделом, 30 человек. За большим столом места хватало всем. Потом пели и танцевали. Леонид Александрович был радушным хозяином, весело шутил и отлично танцевал.

1960-е годы были периодом похолодания после глобального потепления 30–40-х годов. Не все отнеслись к этому явлению как к временному, на смену которому обязательно придет потепление. Некоторые предрекали постоянное похолодание вплоть до нового ледникового периода.

Такое предположение порождало желание выдвинуть способы защиты от грозящей беды. Один такой способ придумал инженер Петр Михайлович Борисов. Он предложил построить плотину через Берингов пролив, чтобы оградить от губительного влияния Арктики наш Дальний Восток и дружественный нам Китай. На это изобретение он взял патент. Вероятно, свое предложение П. М. Борисов высказал на достаточно высоком уровне, поскольку его вместе с его идеей спустили к нам в Институт, чтобы Институт разобрался и дал свое заключение.

Я слушала его доклад Ученому совету Института. Все выступления после доклада были направлены против его идеи, но Борисов оказался человеком упрямым. Его зачислили в наш Институт, вскоре он защитил кандидатскую диссертацию и продолжал работать у нас, а его доклад на Ученом совете дал начало постоянно действующему семинару по колебаниям климата, который вел И. П. Герасимов.

Семинар был очень интересным. С докладами приезжали Олег Алексеевич Дроздов, Евгения Самойловна Рубинштейн, Михаил Иванович Будыко. Михаил Иванович уже тогда усиленно проповедовал идею антропогенного потепления от увеличения концентрации углекислого газа в атмосфере. Олег Алексеевич возражал ему, что в прошлом были периоды, когда потепление проходило на фоне пониженного содержания CO_2 в атмосфере. Это сейчас по ледяным кернам Антарктиды показано, что сначала шло глобальное потепление, а потом увеличение концентрации углекислого газа, что логично: в теплом океане содержится меньше газов, они выделяются в воздух. Но сейчас, несмотря ни на какие научные данные, многие настроены на борьбу с бесконечным антропогенным потеплением. Это зеркальное отражение того, что происходило в 60-е годы.

Группа сотрудников лаборатории, 2010 г. Слева направо: М. М. Чернавская, В. В. Попова, А. Б. Шмакин, А.Л. Золотокрылин, В. В. Виноградова, Т. Е. Титкова, А. Ю. Михайлов, Н. К. Кононова, Д. В. Турков, Е. А. Черепкова.

В Институте ежегодно проводились конференции молодых ученых и издавались доклады под названием «Географические сообщения». Нас тогда было много, так что в сборнике докладов VII конференции, изданном в 1961 г., оказалось 32 доклада общим объемом 114 с. Участвовали сотрудники и аспиранты всех отделов. Ответственным редактором сборника был Г. Д. Рихтер.

У Бориса Львовича было много всевозможных нагрузок: он был членом нескольких Ученых советов и членом ВАКа. В ВАКе он вел записную книжку, в которую записывал интересные высказывания, а потом читал их нам. Однажды он прочитал такое: «У них другая точка зрения, отсюда и фактические данные». Тогда это казалось очень смешным, а теперь я понимаю, что в море данных всегда можно найти такие, которые подтвердят определенную точку зрения.

С кончиной Бориса Львовича жизнь циркуляционной группы стала трудной. Руководителем группы был назначен Георгий Николаевич Витвицкий. Трудно представить себе более неудачный выбор. Группа занималась колебаниями климата, а Георгий Николаевич был убежден, что климат не меняется. Он признавал только межгодовую изменчивость: год холодный – год теплый; год влажный – год сухой, а в среднем ничего не меняется. Наши статьи по циркуляционным и климатическим эпохам его раздражали, он не разрешал нам их печатать. Мы искали обходные пути.

В 1974 г. издали сборник статей «Исследования генезиса климата», который начали собирать еще при Борисе Львовиче. Он даже успел написать в него большую статью. Ответственным редактором сборника мы попросили быть К. В. Кувшинову.

Некоторые работы, в которых был помещен большой фактический материал, мы публиковали через Междуведомственный геофизический комитет. В 1978 г. вдруг выясняется, что в Междуведомственном геофизическом комитете за нами по КАПГ числится сборник «Колебания климата в XX столетии», который надо сдавать немедленно. Так мы его собрали мгновенно: вынули из ящиков столов работы, которые годами не могли провести через Георгия Николаевича, получили рецензии от Ноны Алексеевны Мячковой и Александра Христофоровича Хргиана из МГУ и сдали в редакцию. Георгий Николаевич согласился стать его ответственным редактором. В 1979 г. сборник был издан Междуведомственным геофизическим комитетом при Президиуме АН. Последняя крупная совместная работа сотрудников циркуляционной группы, работавших под руководством Б. Л. Дзердзеевского, – коллективная монография «Циркуляционные механизмы современных колебаний климата», ответственный редактор К. В. Кувшинова. Книга вышла в издательстве «Наука» в 1987 г.

С кончиной Л. А. Чубукова перестала существовать группа комплексной климатологии. Какое-то время его ученики продолжали исследования в этом направлении в Институте курортологии и в регионах, но с уходом старшего поколения и там эти работы прекратились.

Из забавных моментов в нашей тогдашней жизни можно вспомнить занятия по гражданской обороне. Сокращенно она писалась «гр. об.», а произносилась «гроб». Руководил этими занятиями Виктор Филькин. Отличившимся на занятиях выдавалась грамота за его подписью. Эти грамоты тут же получили прозвище «филькиных». Помимо лекций, которые мы слушали в зале, полагались еще и практические занятия. На одном из них надо было потушить пожар огнетушителями, которые висели у нас в Институте. Кто-то предложил поехать в лес, развести там костер, посидеть у него, попеть песни, а потом потушить. Идея понравилась. Сорвалась она из-за того, что не смогли заказать автобусы, которые отвезли бы нас в лес и привезли обратно. Пришлось разводить костер во дворе Института. Костер

получился огромный. Пришло время тушить. Тут-то и выяснилось, что ни один из наших огнетушителей не работает. Пришлось носить воду ведрами и заливать костер. Хороши бы мы были в лесу!

Запомнился такой случай. Работала у нас Мария Калинична Фролова, фронтовичка, мать-одиночка. Пошел сын в школу. Как оставить его одного в каникулы? Мария Калинична пишет заявление об отпуске так, что на три дня в неделю, которые надо присутствовать на работе, берет отпуск, а три «библиотечных» оставляет рабочими (суббота тогда была рабочим днем). Таким образом, она экономит несколько дней отпуска на следующие каникулы. Сначала все шло гладко, никто не обратил внимания, заявление было подписано. Вдруг отдел кадров обнаружил непорядок и предъявил Борису Львовичу претензии. Назревал скандал. Тогда Борис Львович вызвал меня и велел оформить Марии Калиничне задание на те дни, которые вклинились в отпуск как рабочие и сделать так, чтобы можно было показать выполненное задание. Поскольку лаборанты выполняли всегда огромное количество расчетов и строили невероятное число графиков, выполнить такое поручение не составляло труда, так что все обошлось.

Помню и такую историю. После первого года обучения мы сдавали кандидатские экзамены: специальность, общую физическую географию, иностранный язык и марксистско-ленинскую философию. По философии я получила 4. Аспирантурой в ту пору завел Георгий Дмитриевич Кулагин. Я расстроенная пришла сдавать ему экзаменационный лист, а он мне сказал: «Что Вы расстраиваетесь? Иметь пятерку по такому предмету – дурной тон». Я остолбенела от неожиданности и испытала чувство благодарности человеку, который рискнул сказать незнакомой аспирантке такие крамольные слова просто для того, чтобы ее утешить. Что тогда этого никому нельзя было рассказывать – я понимала.

Вспоминая годы, проведенные в Институте, понимаю – самым главным в отношениях между людьми в нашем Институте была доброжелательность. В нашей теперь небольшой лаборатории мы стараемся хранить эту атмосферу.

С. С. Савина **В аспирантуре у Б. Л. Дзердзеевского,** **в отделе климатологии и в Институте**

1953–1956 – годы аспирантуры

Аспирантские годы каждый вспоминает по-разному. Для меня это были самые беспечные, интересные и свободные годы.

1953 год! Позади остались дипломная работа и государственные экзамены. Географический факультет закончен с красным дипломом. Выпускникам всех факультетов его временно вручал ректор МГУ академик И. Г. Петровский. Было чувство удовлетворения. Думаю, оно знакомо многим.

Предстояло волнующее распределение. От него зависело – как сложится наша жизнь в будущем. В наше время это был очень решительный момент: у нас не было свободного выбора. Мы подчинялись решению Государственной Комиссии. Именно она определяла, где нам быть. Мне лично повезло. Государственная комиссия удовлетворила заявку Института географии АН СССР на специалистов-климатологов. При этом предусматривалось одно место в аспирантуру.

Мое знакомство с Институтом географии состоялось в 1952 г. – это было связано с моим участием в работах Комплексной экспедиции совместно двух институтов АН СССР: Института географии и Института физики атмосферы. Полевые исследования проводились в рамках актуальной проблемы, связанной со «Сталинским планом преобразования природы» – борьбы с засухой и суховеями. Район исследований – Прикаспий (Западный Казахстан). К этой работе нас привлек проф. Б. Л. Дзердзеевский, зав. отделом климатологии и гидрологии Института географии АН СССР.

В 1953 году в аспирантуру Института поступала, пожалуй, впервые такая большая группа – более 7 человек. Большинство окончили московские ВУЗы: географический факультет МГУ, Институт международных отношений, Институт востоковедения и др., но были и из других городов. На подготовительных занятиях, консультациях мы быстро вошли в контакт и в чем-то помогали друг другу.

В Институте было два места, где обычно проходили наши беседы: актовый зал и читальный зал библиотеки. В актовом зале официально стояли стол и шкаф, принадлежащие аспирантуре, а в библиотеке – получали научную информацию.

В наш молодежный коллектив, готовившийся к экзаменам, органично вписалась молодая сотрудница библиотеки – Инна Аксельрод. Она заслуживает, чтобы вспомнить о ней: энергичная, всегда приветливая, отзывчивая, понимающая наши волнения и проблемы. Она нас ориентировала в выборе литературы, которая могла быть полезной и облегчить сдачу экзамена. В нашей библиотеке она работала недолго и исчезла с моего горизонта. Спустя 50 лет после этого «тревожного» 1953 года я вновь встретилась с ней необычно. Инна Аксельрод-Рубина (вторая фамилия по мужу) публикует в двух книгах «Жизнь как жизнь» свои воспоминания (И. М. Аксельрод-Рубина. Жизнь как жизнь. Воспоминания. Иерусалим, 2006). В ней она находит место, чтобы отразить атмосферу в 50-е годы в нашем Институте. Подчеркивает атмосферу неформальную, доброжелательную. Это она ощутила особенно, так как после окончания Института иностранных языков (немецкий язык), до принятия на работу в библиотеку нашего Института, неоднократно получала видимые и невидимые отказы. Это было связано с ее отцом, который был репрессирован. Теперь в официальных публикациях

подчеркивают его высокий профессиональный уровень, как одного из лучших арабистов и незаслуженно репрессированного сотрудника органов разведки. Инна Аксельрод отдает должное сотрудникам нашей библиотеки и тепло отзывается об ученых Института, с кем ей приходилось общаться в эти годы.

Аспирантура – это «особое сословие», можно сказать двойного подчинения: административного (зав. аспирантуры) и научного (научный руководитель в отделе). Эти «силы» обычно «сходились» на заседаниях Дирекции и в заключение – на Ученом совете ИГАН. Приемная комиссия в аспирантуру была неформальной и с юмором. Я исхожу из того, как рассматривали мое личное дело. Случилось маленькое замешательство, которое было вызвано фразой в моей характеристике, данной на географическом факультете МГУ. По «доброте своей души» слишком идейный секретарь комсомольской организации написал: «Не восприимчива к критике». У членов комиссии это вызвало улыбку. Такая реакция мне стала понятной позднее. Я узнала, кто был председателем комиссии – зам. директора ИГАН, член-корреспондент АН СССР Г. А. Авсюк, удивительный человек с большим юмором и чувством доброжелательности. Заведующим аспирантурой в наше время был Георгий Дмитриевич Кулагин, д.г. н, специалист по экономике Италии, позднее он стал зам. директора Института. Прошло много лет, но он остался в памяти. От него исходила всегда приветливость, открытость, в общении был прост и доступен для нас.

Традиционно в Институте географии День Победы – 9 мая посвящался воспоминаниям наших сотрудников – участников войны. Однажды в такой день Г. Д. Кулагин рассказал некоторые факты из своей жизни военных лет. Легко было представить, что его путь был непростым. Самым ярким у нас осталось воспоминание о его участии в организации подготовки восстания в Праге до входа советских войск. В связи с этим событием Г. Д. Кулагин был удостоен самой высокой награды – Ордена за Пражское восстание.

Г. Д. Кулагин был искренним и доверительным в отношениях с нами – молодыми аспирантами. Невольно в ответ он вызывал у нас глубокое чувство уважения и желание ответить ему чем-то приятным. Так однажды, когда я уезжала в экспедицию, Георгий Дмитриевич попросил меня привести ему дыню из южных районов. К сожалению, на нашем пути их не было. Взамен мы привезли ему ящик слив особого сорта. Мы их снимали собственноручно с дерева в одном из опытных хозяйств Ростовской области.

Приближался срок окончания моего пребывания в аспирантуре. В это время начиналась подготовка работ по программе Международного геофизического года (МГГ) – 1957–1959 гг. Сотрудники отдела гляциологии нашего Института предложили мне принять участие в зимовке в Арктике на Земле Франца Иосифа. Об этом предложении я сказала моему руководителю проф. Б. Л. Дзердзеевскому – заслуженному полярнику. Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «Нет. Мы найдем Вам здесь место. В крайнем случае – на Загорском стационаре». Проф. Б. Л. Дзердзеевский в 30-е годы руководил метеорологическим обслуживанием всех экспедиций в Арктике, был на зимовках, в том числе на о. Рудольфа в течение всего времени дрейфа «СП-1». Он прекрасно представлял меня в этих суровых условиях Арктики.

После окончания аспирантуры я один месяц была лаборантом. Затем получила место в штате – м.н.с. в отделе климатологии и гидрологии. Это был заключительный момент моей аспирантской жизни.

Завершение нашей учебы и на географическом факультете МГУ, и в аспирантуре Института географии совпало с событиями, глубоко потрясшими не только нашу страну, но и мир. Март 1953 г. – смерть Сталина – растерянность и слезы у студентов и профессуры. 1956 год – доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Эти оба события за короткий период времени с такой огромной «психологической амплитудой» – нас можно было только пожалеть. Хорошо известно, что содержание доклада оказалось столь чудовищным, что быстро

вышло за пределы не только осуждения «Культа личности». Недаром соратники, еще находящиеся у власти, осудили Хрущева: «что он творит, не ведает что!» (М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Лондон, 1986). Это действительно было так. Но все восприняли это, как надежду на «большие перемены».

Все-таки хочется заметить, что не все так воспринимали это событие, как молодежь, воспитанная в традициях советской идеологии. По-другому отнеслось к этому старшее поколение, в своем большинстве – интеллигенция. В сталинские годы многие, кому повезло не стать жертвами, были свидетелями, молчаливыми наблюдателями. Их реакция была как торжество справедливости, пусть с запозданием, но свершившееся. Вспоминая своих самых близких, скажу, что их ничего не удивило в этом «откровении».

Подобно цепной реакции эта весть распространилась по всей стране и вышла за ее пределы, охватив, прежде всего, страны социалистического лагеря. В те дни мы горячо обсуждали, сопереживали, с напряжением слушали информацию, сообщения по радио и в печати о событиях, в центре которых стояла Венгрия. Вряд ли до нас доходила правда. Правдивая картина этих событий была освещена позднее, в частности, все в той же монографии, указанной выше. Наше восприятие было таковым, что в первые дни еще можно было открыто и смело выражать свое мнение. При этом в моем аспирантском окружении все были едины. И вдруг замолчали, оставив как бы все при себе. Более того, среди нас были такие, которые кардинально изменили свое мнение и стали поддерживать официальную линию. Это были те среди нас, кто был ближе к партийной «кухне». Нам же оставалось ясным одно, что «слова» могут быть для нас опасными. Замолкли наши дискуссии. Венгерские события вошли в историю как «кровавая осень 1956 г.».

Борис Львович Дзердзеевский

В год моего прихода в ИГАНе во главе отдела климатологии и гидрологии стоял проф. Борис Львович Дзердзеевский (см. посвященный ему отдельный очерк № 3.11). Он беспрерывно руководил нами 20 лет. В отношениях с сотрудниками отдела Б.Л. всегда сохранял дистанцию. И в этом большую роль играла форма обращения: только по имени и отчеству и всегда на «Вы». Иногда сотрудники позволяли себе критиковать Б.Л., но только за дверью кабинета. А так он оставался авторитетом для всех и вызывал только уважение.

Мое первое знакомство с Б.Л. относится к студенческому времени, когда он нам читал на кафедре геофака МГУ курс «Синоптическая метеорология». Он произвел на нас сильное впечатление: высокий, стройный, одетый в английском стиле – строго и элегантно – он имел западноевропейский вид. Маленькая острая бородка придавала ему аристократичность. В среде полярников его называли «Мефистофель». Он также оставался для нас примером воспитания в традициях старой школы.

Может быть здесь будет уместным привести некоторые факты в подтверждение сказанного. В 60-е годы Б.Л. был в числе делегатов, приглашенных Американской Академией Наук в Штаты. При встрече Бориса Львовича ошибочно принимают, вместо акад. И. П. Герасимова, за главу делегации. Замешательство быстро разъяснилось, но И. П. Герасимов не мог забыть, что вид Б.Л. был более внушительным, чем его. Еще одна деталь. В общении, на приемах нам было не всегда легко ориентироваться в тонкостях этикета. Исключением был Б.Л., светски воспитанный, у которого в таких ситуациях проблем не было. Еще один момент, связанный все с тем же посещением Америки. В это время по всей нашей стране звучит призыв: «Догнать и перегнать Америку!» Сколько это породило анекдотов! На Ученом совете выступает с впечатлением от поездки уважаемый д.г.н. В. П. Гричук. Он сказал искренне: «Чтобы нам догнать Америку надо лет 200–300». Высказывание было смелое

на фоне Хрущевского призыва. Б.Л. был большим дипломатом и политиком и подобную неосторожность не допустил.

Научные труды Б. Л. Дзердзеевского оформились не в тома, а составили всего лишь одну книгу «Избранные труды» на 200 стр. Но это совсем не показатель масштабов деятельности ученого. Б.Л. был, несмотря на свою сдержанность, большим энтузиастом и увлеченным человеком. С молодости интересовался астрономией, позднее космосом, но приоритетом оставался «воздушный океан», с которым был связан и глубоко ему предан на всю жизнь. «Воздушный океан», так называется его научно-популярная книга, в которой изложены понятно и доступно сложные процессы и явления в окружающей нас атмосфере Земли.

Свою научную карьеру Б.Л. начал с самой низкой ступени, как организатор метеорологической станции и наблюдатель на ней. С этой станцией связано начало организации широкой метеорологической сети на Украине. В это время окончательно оформляется направление деятельности Б. Л. Этому способствуют не только его личные качества талантливого исследователя, но и окружение – работа с известными метеорологами в УКРМЕТ (Украинская метеорологическая служба).

Дальнейший путь Б.Л. пролегал из Киева через Западно-Сибирское Бюро Погоды и Магнитно-метеорологическую обсерваторию в г. Иркутске и завершился в Москве. Он – сотрудник и Ученый секретарь Центрального Бюро Погоды (ЦБП), а также секретарь редакции нового «Журнала Геофизики».

Это были годы становления в СССР Службы погоды. Б. Л. Дзердзеевский организует синоптические курсы и приглашает руководить ими известного специалиста из Норвегии Т. Бержерона. В основу учебного курса по синоптической метеорологии кладется книга Бержерона «Трехмерно-связный синоптический анализ» в талантливом переводе Бориса Львовича с немецкого языка.

В это время у Б.Л. зарождается идея разработки методов прогноза на дальнюю перспективу. Уже тогда среди специалистов существовало мнение, что главная «кухня погоды» – Арктика. Эта гипотеза, естественно привлекает внимание Б. Л. Он переходит в Арктический отдел Гидрометеорологической службы, тут же преобразованной в Отдел службы погоды Главного управления Северного морского пути. Здесь был центр невиданных до сих пор масштабов исследовательских работ по всестороннему освоению природы Арктического бассейна.

«Золотой век» – так определяют этот период в истории освоения районов высоких широт Северного полушария. Для этих целей выделяются колоссальные средства. Б.Л. – руководитель и главный синоптик группы прогноза. Они обслуживают все летные и морские экспедиции. Не один раз Б.Л. проводит месяцы на зимовках в Арктике. Не раз принимал личное участие в экспедициях: в Карском море (1935), в составе летного отряда Водопьянова (1937–1938), в поисках неожиданно исчезнувшего над Северным полюсом самолета Леваневского. Осуществляется героический перелет Водопьянова (1937) впервые через Северный полюс в Америку и беспосадочный перелет Чкалова (1937). Эти перелеты положили начало воздушных сообщений через Полюс между континентами Европа-Америка. Сейчас все это уже забыто. К сожалению, отдельные очерки об этих событиях, о легендарных именах непросто найти даже в новом Географическом словаре.

Кульминацией Полярной эпохи, конечно, был 1937 г. – высадка на ледяном поле вблизи Северного полюса научной группы во главе с И. Д. Папаниным, определяемый теперь как «Северный Полюс-1» (СП-1). Жизнь на льдине в течение 10 месяцев (V/1937–II/1938) – это был подвиг во имя науки.

Б. Л. Дзердзеевский – главный синоптик этой дрейфующей экспедиции. Он находится на о. Рудольфа, самом северном острове Земли Франца Иосифа, ближайшем к Северному полюсу (82° с.ш.). Находясь месяцами на ст. Диксон, в бухте Тикси, на о. Рудольфа, Б.Л.

лично ощущал капризы арктической погоды. Дрейфующая станция 1937–1938 гг., конечно, тоже давала уникальный материал. Обобщая и анализируя все имеющиеся данные, Б.Л. дает свою интерпретацию развития атмосферных процессов и приходит к революционному выводу: «Арктика не есть кухня погоды». Гипотеза постоянного антициклона над Центральным Полярным бассейном не подтверждается. Здесь также имеет место активная циклоническая деятельность. Циркуляция в Арктике – это лишь часть единого механизма атмосферной циркуляции, охватывающей все Северное полушарие. Это был важный итог первого этапа научных обобщений. Он представлял фактически «ядро» его будущих разработок. Работа была отмечена самой высокой оценкой – Государственной (Сталинской) премией. Второй раз Б.Л. становится лауреатом Государственной премии в 1950 г. Тема нам остается неизвестной, но можно предположить, что она была связана с исследованиями высоких слоев атмосферы в связи с началом атомных испытаний.

Б. Л. Дзердзеевский обладал не только талантом исследователя с острым аналитическим умом и интуицией, но и большими научно-организационными способностями. Это подтверждается всей его творческой деятельностью на Украине, в Западной Сибири, в Москве, в Арктике, Антарктиде, и, наконец, в Академии наук – в Институте географии и Межведомственном геофизическом комитете.

Сегодня все это уже ушло в прошлое. Однако имя Бориса Львовича Дзердзеевского осталось в истории науки, по меньшей мере, как автора первой типизации крупномасштабных процессов в атмосфере Северного полушария. Вспоминаю, как Б.Л. после нескольких дней пребывания на больничном, положил на стол небольшую по объему рукопись «Циркуляционные механизмы в атмосфере Северного полушария в XX столетии». Монография была написана, как говорят, «на одном дыхании».

Сегодня типизация Б. Л. Дзердзеевского – это классика. Она завоевала признание и право на свое дальнейшее существование. До сегодняшнего дня продолжается работа по составлению Календаря последовательной смены типовых макропроцессов в атмосфере Северного полушария. Она охватывает период более 100 лет. Она «живет», широко используется как основа методики в изучении закономерностей в многолетнем развитии циркуляции Северного полушария, в разработке долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозов. Более того, применяется в выявлении климатических изменений, а также сопряженных с ними других компонентов географической среды. Много идей принадлежит Б.Л. в изучении климатов прошлого. Несомненно, они сейчас особенно актуальны и нашли бы свое применение в решении стоящей сейчас особенно остро проблемы изменений климата. Сегодня эта проблема вышла на государственный уровень, о котором говорил и мечтал несколько десятилетий назад профессор Б. Л. Дзердзеевский.

Неожиданный его уход – это большая потеря для науки. Для нас эта потеря вообще осталась невозполнимой. Никто не мог так блестяще излагать суть, значение и перспективы изучения изменений планетарной циркуляции и климата.

Если вспомнить его общение с нами, своими сотрудниками, то он оставался образцом, прежде всего, высокой культуры, внутренней и внешней. Был такой курьез с супругой Б.Л. – Валентиной Владимировной Дзердзеевской – и связано это было с их интеллигентностью. Рассказывал это мне лично, пока шло заседание Специализированного совета, Григорий Александрович Авсюк. Этот случай можно понять, если знать ситуацию с квартирными проблемами в Москве в то время и вообще при социализме. Долгие годы супруги Дзердзеевские жили на улице Чкалова, около Курского вокзала, в доме Полярников. В 60-е годы они переезжают в новый академический дом на ул. Губкина, в двухкомнатную квартиру. После ухода Бориса Львовича из жизни квартира для его супруги стала большой. Если понимать психологию истинного интеллигента, то ее приход в жилищный отдел Академии наук с просьбой выделить взамен двухкомнатной квартиры однокомнатную квартиру, выглядит

совершенно нормально. Но для большинства советских людей это было крайне непонятно. Так просто с такими квартирами не расставались! Ее просьба привела в недоумение членов жилищной Комиссии. С такими просьбами никто еще не обращался. Находили обычно выгодный (конечно денежный) обмен. Квартиру ей выделили на той же ул. Губкина в академическом 14-этажном доме.

Личность Бориса Львовича была яркой не только в Академии наук, но и в среде тех ученых, которые даже в самой малой степени касались Арктики, Антарктики и вообще исследований циркуляции атмосферы и климата Северного полушария. Поэтому, когда возникла проблема с местом захоронения, пришлось обратиться к Ивану Дмитриевичу Папанину.

Личность И. Д. Папанина – легендарная, а в Академии он возглавлял отдел морских экспедиций и обладал неограниченными возможностями. Мы обратились к Папанину с указанной просьбой в марте 1972 г. Мы не смогли найти семейное захоронение Б.Л. на Ваганьковском кладбище. Моссовет не давал разрешение на место в пределах г. Москвы. Вот тогда и решили обратиться к И. Д. Папанину.

Л. М. Ананьева с другими «делегатами» была в кабинете И. Д. Папанина и потом передала весь диалог, который состоялся с канцелярией Моссовета. Председателем Моссовета в то время был Гришин. Форма разговора была сама по себе интересной. И. Д. Папанин поднимает трубку и спрашивает: «Хозяин дома?» Секретарь, естественно, ошеломлена. Оторопевшая, молча, кладет трубку. Тогда Папанин говорит: «Ну, стервочка, тебе здесь не работать!» Снова поднимает трубку и начинает с представления своего положения и перечисления всех своих заслуг перед Отечеством. Тут же соединяют с Гришиным. И. Д. Папанин называет повод, в ответ Гришин спрашивает: «Он академик?» Ответ: «Нет! Больше академика!» Все, вопрос был решен положительно.

Отдел климатологии

Несмотря на неказистый внешний вид нашего здания, жизнь внутри не просто шла, а кипела. Мой родной отдел, вначале называвшийся отделом климатологии и гидрологии, а позднее, после разделения – климатология, оставался в рамках прежнего помещения. Отдел занимал две комнаты на первом этаже с окнами на уровне тротуара. Дополнительно ему принадлежала маленькая комната с входом из вестибюля Института, около лестницы. Она служила кабинетом заведующего отделом проф. Б. Л. Дзержевского. На нескольких квадратных метрах этой комнаты стояли стол, два стула, была ниша, как «гардероб». Главная примечательность «кабинета» – великолепное из красного дерева кресло, антикварное, дореволюционных времен, случайно затерявшееся в Институте. Оно создавало особую атмосферу, оставаясь единственным предметом этой комнаты, достойным своего хозяина. Кстати, когда отдел переехал в Черемушки, после структурной перестройки в Институте, кресло, естественно, исчезло бесследно.

Мы любили этот «кабинет» и когда Б.Л. отсутствовал, мы его обычно оккупировали. Для Б. Л. кабинет был особенно необходим вблизи библиотеки и дирекции. Однако, А. М. Грин, возглавлявший «кампанию» перемещения отделов, не посчитался с просьбой оставить его за Б. Л. Дзержевским. Там расположились хозяйственники. Уже в эти годы молодые деятели не отличались почтением к представителям старшего поколения.

И вот здесь, в этом кабинете-комнатушке, обсуждались научные проблемы, планы, диссертации. Заслушивались сообщения, а также и прием отечественных и зарубежных гостей. Это был точно тот случай, что «не место красит человека, а человек место».

В двух относительно больших комнатах число рабочих мест-столов было 16 при числе сотрудников более 30. В меньшей комнате размещались, кажется, 7 рабочих столов. В боль-

шой комнате, проходной, столы техников, лаборантов и младших научных сотрудников. Исключением был рабочий стол проф. Л. А. Чубукова.

В большой комнате обсуждался широкий спектр вопросов – от организационных, научных до бытовых. Здесь шум стоял постоянно и не мешал совмещать техническую работу с разговорами. Проф. Л. А. Чубуков обладал на редкость удивительной способностью на фоне этого шумового «оформления» спокойно работать, писать. Обсуждать работы приезжающих и приходивших к нему специалистов, аспирантов.

Моя самая ближайшая подруга со студенческих лет И. С. Глух обычно работала в этой комнате. С присущим ей природным юмором, она красочно, образно описывала присутствующих. В итоге определила эту комнату, как «зоопарк». В комнате были «прописаны» такие по настоящему заслуживающие уважения, давно работающие сотрудники, как Ванда Васильевна Панина, – бескомпромиссная, прямая, принципиальная, открыто эгоистичная, но в то же время справедливая. Всегда спокойной и рассудительной я помню Нину Ивановну Зудину, закрученную семейными проблемами Марию Калиничну Фролову. Все они прошли войну, знали жизнь!

Шум – это была неотъемлемая часть атмосферы большой комнаты. При появлении Б. Л. Дзердзевского все стихало мгновенно! Все начинали сосредоточенно работать. Общее впечатление менялось сразу на 180°. Несмотря на эти особенности – работа шла!

Вторая комната могла считаться интеллектуальной. Здесь работали только научные сотрудники. Они были намного старше нас, только что пришедших со студенческой скамьи. Все они были с большим жизненным опытом, особенно военных лет.

При первом посещении отдела мое внимание привлекла одна из присутствующих дам. Как я потом уже узнала – это была Ксения Васильевна Кувшинова. Нельзя было не обратить внимание на ее интересное, с тонкими чертами, интеллигентное лицо. Она была худенькой, элегантно одетой, очень привлекательной. В ней чувствовалась свобода и уверенность, позднее не без основания – авторитарность. К. В. Кувшинова приехала после войны в Москву из Ташкента, где она работала синоптиком. Там же защитила диссертацию и получила степень кандидата ф.-м. наук. В отдел климатологии она пришла в 1952 г. В последующие годы меня с К.В. связывали не только служебные, но и часто человеческие отношения. Она была старше меня на 12 лет, житейски мудрая, общительная, гостеприимная и хороший товарищ. От нее нельзя было отнять находчивость, остроумие, иногда язвительность, за что и называли ее «Белая головка». Анатолий Иванович Будаговский оценивал К.В. так: «К.В. умная, но ленивая. Могла бы защитить докторскую!»

В 60-е годы появилась в отделе не менее уважаемая Александра Сергеевна Чаплыгина, канд.ф.-м. наук. Она перешла из Института физики атмосферы, где была Ученым секретарем, и по личным мотивам с персональной единицей переведена на должность старшего научного сотрудника в отдел Б. Л. Дзердзеевского. А. С. Чаплыгина, владея тремя языками, оставила заметный след в географии особенно как переводчица двух книг по климатическим изменениям.

Культура и большой опыт работы К. В. Кувшиновой и А. С. Чаплыгиной в системе Главного Управления Гидрометеорологической службы (ЦИП-Центральный институт прогнозов), их личное знакомство с ведущими специалистами в этой системе сближали их с Б. Л. Дзердзеевским. В критические моменты, когда требовалась выработка политики действий в Институте, и в разных международных комитетах, Б. Л. Дзердзеевский приглашал К.В. и А.С., как ближайших советников. В такой же роли выступали А. П. Гальцов, Л. А. Чубуков, Г. Н. Витвицкий, А. И. Будаговский. Это был «мозговой центр» отдела климатологии. Замечу, все они прошли войну и пришли в ИГАН после ее окончания.

А. П. Гальцов был человеком светским, умным, остроумным. За это пострадал, заплатив за анекдот каким-то заключением еще во время войны. Он был связан с театральной,

литературной жизнью Москвы, и часто посвящал нас в интересные события этого сообщества.

Мой первый доклад для конференции в г. Вильнюсе (1954 г.) попал в его руки. Ему было над чем поработать! Доклад прошел успешно. Молодых неопытных аспирантов – будущих кандидатов – А. П. Гальцов окрестил «абортированные», т. е. следовало понимать, как недоношенные. В первые годы А. П. Гальцов был в должности м.н.с. В 1959 г. им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. При защите на Ученом совете работа была признана как докторская. Такие случаи в Институте были крайне редкие. Гальцов говорил, придав юмористический характер этому событию: «Предзащитное обсуждение моей диссертации в отделе Климатологии и гидрологии состоялось 1 апреля, а защита на Ученом совете Института географии – в день солнечного затмения». Это была шутка, но в действительности даты и события совпали.

Г. Н. Витвицкий запомнился мне сидящим спокойно за своим столом в углу. Мало говорил, но с большим был самомнением. На защите его докторской диссертации аудитория реагировала удивлением или молчанием на его ответы. Они были независимо от вопроса, предельно кратки и выражались в одной фразе: «Я так думаю». Ну что можно было сказать?

Мой первый выезд на конференцию в г. Вильнюс был с проф. Леонидом Александровичем Чубуковым. Он был одним из основателей советской школы комплексной климатологии, одним из старейших сотрудников ИГАН. Его характерной чертой была щедрость и в науке, и в жизни. Он имел много последователей, учеников, аспирантов, разбросанных по всей стране. Особенно в Прибалтике и в Кавказских республиках. Кстати, в эти дни мы посетили одного из его последователей – Б. Стыро, директора обсерватории в г. Каунасе.

В беседах с Л. А. Чубуковым, а времени для этого у нас было много, открылась его поэтическая натура, многое объяснявшая в его поведении в жизни. Интересным для меня было откровение об определении Советского Союза как «Империи». В то время такие слова были опасными и даже кощунственными. Свою страну мы считали образцом единого многонационального государства, лишённого каких-либо имперских проявлений. Теперь можно сказать, что это было нашим большим заблуждением.

Нельзя забыть «застолья» в доме Л. А. Чубукова. Дом был просторным, деревянным, сохранившимся еще от прежних лет, в стороне от центра. Чтобы собираться у Л. А. Чубукова было много поводов, и он всегда радостно принимал любые предложения. Большой гурман, необыкновенно гостеприимный, он был рад встрече с коллегами и друзьями в своем доме. Встречи сопровождалось остроумными тостами, чтением стихов и танцами. Особенно любил читать стихи А. И. Будаговский. В его исполнении звучал Есенин из цикла «Персидские мотивы» – «Шагане Ты, моя Шагане», с большим пафосом, В. Маяковский. В целом такие вечера, конечно, объединяли нас.

С Анатолием Ивановичем Будаговским я прошла «плечом к плечу» около 15 лет. И, оказывается, о нем мне писать особенно трудно. Трудно сконцентрировать и выразить всю его многоликую натуру. Не уверена, что мне, хотя бы частично, это удастся.

Его высокий рост, неотъемлемая трубка (курил только табак) придавали ему импозантность. Человек он был умный, глубокий аналитик, с присутствием юмора, но мрачный. Его выступления всегда были по существу, часто с резкой, но конструктивной критикой, полезными рекомендациями и советами. Не всегда он получал поддержку своим предложениям, идеям. В том случае за кулисами, в коридоре он в сердцах говорил: «Ну, что можно ждать? Ведь это же Богадельня!». Правдой было только то, что Институт теперь занимал помещение в прошлом, принадлежавшее Богадельне.

А. И. Будаговский в общении был сложным, характер его был непростой. Он вошел в войну уже не юным, а имея опыт работы инженера-гидролога. Во время войны он был начальником партии по восстановлению мостов, гидрологических постов и метеорологи-

ческих станций на освобожденной территории. Образование у него было техническое, что и объясняло его критическое отношение к «чистым географам», а с их стороны не всегда понимание.

А. И. Будаговский в экспедициях был всегда решительным, чувствовался его жизненный опыт, опыт военных лет, он знал, как действовать. С ним мы всегда были в безопасности в этих длительных и долгих поездках. Иногда нам приходилось (и по делу) испытывать его гнев. Когда он обрушивался на нас, как «гром и молния» доставалось нам всем! Но так как он был прав по большому счету, нам приходилось переживать, переносить такую «бурю»!

Сегодня 2011 год. Анатолия Ивановича уже нет с нами. Он прожил долгую жизнь, посвятив ее Науке. О нем у меня остались самые добрые воспоминания, он дал нам хорошую школу, которая помогала в нашей, уже не с ним, работе. А в памяти у меня до сих пор остались «целинные» просторы России! Осталось ли что-нибудь от величия их бесценной природы в XXI веке?

Институт географии АН СССР

Институту географии АН СССР – уже 90 лет. Придя в стены Института в 1953 г., я их покинула в 1987 г. Все-таки 35 лет – цифра внушительная.

Мои мысли о ИГАНе очень субъективны. Объективное представление дается в официальном издании, в книге «Институт географии и его люди» (М.: Наука, 2008).

Первое, что хочется сказать, ИГАН – это единственный в своем роде Институт, равных и подобных ему нет! Особая атмосфера в стенах ИГАНа более или менее сохранялась на протяжении всех моих лет работы. Это не только мое мнение, но и моих коллег. ИГАН всем нам продлил жизнь в буквальном смысле слова.

Второе, в Институте практически не соблюдался строгий график рабочего дня в общепринятом понимании. График присутствия на рабочих местах был скользящим: два дня в неделю могли быть «присутственными», а остальные – библиотечными. В целом такие условия предоставлялись научным сотрудникам, а инженеры, лаборанты всю неделю имели полный рабочий день, т. е. работали в стандартном режиме. Все годы Институт географии был «бельмом» для Райкома. Райкомовские деятели время от времени устраивали утренние «налеты» с целью проверки занятости рабочих мест и соблюдения дисциплины. Они выносили замечания, предупреждения, но после их ухода все шло в том же порядке.

Причина такого исключительного положения, в стенах ИГАНа вынужденного, была связана с ограниченной площадью. В начале 50-х годов сотрудников было не более 200, а в 80-е стало более 600. Эти цифры, отнесенные к площади «Метрополии» в Старомонетном переулке, говорили сами за себя.

Внешний вид ИГАНа, откровенно говоря, был «плачевным», особенно с окнами на уровне тротуара. Это стало еще заметнее с появлением напротив колоссального здания в сталинском стиле Комитета по атомной энергии. Но все это в целом не могло умалять достоинств нашего места работы.

Сколько идей, мыслей, какие интересные люди были там, в стенах ИГАНа. Научные исследования ставили Институт географии в ряд со многими международными научными центрами. Для многих из нас открывался мир, который оценивался нами по иным критериям, отличаясь от официальных стандартов.

Пути наших коллег вели в разные концы страны, на разные континенты и океаны. Возвращаясь из путешествий, наши коллеги делились богатыми впечатлениями, открывая нам жизнь и природу мира за нашими родными границами.

Замечательным местом в ИГАНе был актовый зал, небольшой, но уютный! Здесь проходили заседания Ученых советов, конференции, занятия аспирантских групп, расширен-

ные заседания отделов, общественные собрания, проводились незабываемые концерты – «капустники», организованные силами талантов Института, Новогодние вечера, елки для детей, женский день 8-го марта, день Победы 9 мая. Всегда организовывались великолепные застолья, объединяющие почти всех сотрудников. И все это «выдерживал» актовый зал!

Актальный зал «видел» много заслуженных людей, «слышал» интересные доклады, дискуссии. Запомнилось выступление одного из участников прогремевшего тогда на весь мир путешествия на Кон-Тики – Тура Хеердала. Представил докладчика акад. И. П. Герасимов, а синхронным переводчиком был д.г.н. А. В. Живаго. Или, например, доклад И. П. Герасимова после его возвращения из океанической экспедиции в районе глубоководной впадины – Чилийский желоб. Было незабываемым услышать «дыхание Земли», которое было продемонстрировано звуковой записью хода глубоководных извержений, которые оттенялись искусственными взрывами через четкий интервал времени. Это ощущение трудно передать, просто надо слышать!

1978 год. С этого года Ученый совет Института теряет право присуждать ученые степени. Теперь эту функцию ВАК передает Специализированным Ученым советам при Институте, которые формируются по профилю научных интересов. Председателем Секции Специализированного совета ВАК по «гляциологии, гидрологии и климатологии» стал чл. – корр. Г. А. Авсюк (с 1984 г. академик), его заместителем – д.г.н. В. М. Котляков (с 1991 г. академик РАН), Ученым секретарем Совета стала я – с.н.с. Савина С. С., техническим секретарем – м.н.с. И. С. Глух. В этом составе совет работал в течение двух сроков, т. е. 8 лет.

Роль и значение Григория Александровича Авсюка в развитии географической науки отражена в официальном очерке «Институт географии и его люди», 2008. Впечатления о Г.А., как незаурядной личности, ощущалось каждый раз в непосредственном с ним общении. Г. А. Авсюка впервые я увидела издали, как только пришла в Институт. Его нельзя было не заметить, слишком он выделялся: высокий рост, сухопарый, обычно в сером костюме, часто с перекинутым на руке плащом, в неизменном берете, может быть, в приплюснутой кепке. Что касается его портрета, то он не имел классических черт. Однако, его глаза и улыбка светились юмором, а его всегда спокойный тон и остроумие в разговоре открывали как бы свободный к нему доступ. В его облике проявлялась, прежде всего, интеллигентность, что уже говорило само за себя.

В 1967 г., будучи в Праге, неожиданно в Музее на Вацлавской площади на стенде среди участников первой антарктической экспедиции я увидела так хорошо знакомое лицо Г. А. Авсюка. Это было очень приятно.

Многие часы, проведенные в течение 8-ми лет на заседаниях Специализированного совета за одним столом с Г.А., оставили неизгладимый след в моей памяти. Чаше на его месте был д.г.н. В. М. Котляков, но это было другое: с ним разговор касался в основном только дела. При Григории Александровиче официальная часть шла как бы сама по себе, а помимо текла еще беседа приватного характера. Он с удовольствием рассказывал тихо-тихо истории своих заграничных поездок, перелетов. Однажды, самолет повернули уже на середине полета над Атлантикой обратно в Штаты. В другой раз был потерян его багаж. Компания возвратила и моральный, и материальный убыток щедро. В 60–70-е годы не было массового туризма и глобализации. И моменты, о которых рассказывал Г.А., были очень интересны.

Обычно на защитах Г.А. не давал никаких комментариев. Но один раз на защите А. Н. Кренке все-таки высказался, но приватно. Г.А. заметил, что представленная в двух томах диссертация Александра Николаевича была очень многословной. Постарались, не умоляя достоинств ее автора, все-таки сократить ее почти в половину. При отправлении дел диссертанта в ВАК, Инесса Станиславовна Глух иногда с трудом могла «поймать» Г.А., чтобы получить его подпись. Часто он был просто недосыгаем. В таком случае Г.А. предлагал: «Нарисуйте мою подпись». После проведенных восьми лет на заседаниях Специализированного совета

зированного совета, Ксения Васильевна Кувшинова, не особенно щедрая на комплименты, заметила: «Знаете, Светочка, при Г.А. и при Вас на заседаниях как-то создавалась легкая, приятная атмосфера». Отнести это можно, прежде всего, конечно, к присутствию Г. А. Ушел Григорий Александрович неожиданно и унес с собой обаятельный образ мудрого и приятного человека.

На вершине иерархической пирамиды в ИГАНе стоял академик Иннокентий Петрович Герасимов – директор Института. Непосредственно с ним не сталкивалась, но имела возможность неоднократно наблюдать и слушать на заседаниях Ученого совета, на заседаниях Дирекции. Мне часто приходилось присутствовать там как Ученому секретарю отдела климатологии, иногда замещая заведующего отделом.

Надо заметить, что его внешность обращала на себя внимание: высокий, стройный, с интересным лицом, всегда динамичный, стремительный. Не один раз я видела, как он проносился, как вихрь к своему кабинету в конце длинного коридора. При обсуждении разных работ, программ, планов чувствовался ясный, острый ум, эрудиция, прекрасная ориентация и быстрая реакция в любом вопросе, в любой области. Никто не мог не почувствовать его харизмы.

Благодаря И. П. Герасимову в Институте господствовала и сохранялась здоровая атмосфера, пресекались скандалы, не замечалось давления ни по национальной, ни по политической линии.

Его работоспособность поражала. Получая с курьером вечером объемный «опус» – программу и др., уже на следующее утро в Институт приходило все не просто с замечаниями, а полностью переработанное и представленное в конструктивной форме. Его жесткость, а вернее твердость, проявились особенно в дни организации и проведении XXIII Международного географического конгресса в г. Москве в 1976 году. Несомненно, конгресс имел большое политическое значение. Подход был государственный и выражался одним словом – «Надо!» При напряженной работе некоторые сотрудники заплатили здоровьем и даже более.

Большой дипломат, обладающий талантом буквально виртуоза, И. П. Герасимов обходил все препоны на всех уровнях, утверждая значимость географической науки и Института географии в системе Академии наук СССР.

А. В. Дроздов

В отделе физической географии, 1963–2011 гг.

С отделом меня связывают 48 лет работы. Менялся Институт, как и вся страна, как и вся наша жизнь. Менялся отдел – он и назывался в эти годы по-разному. При мне сменились пять заведующих. И все эти изменения были существенными. Но сохранялось нечто, для меня очень важное.

Об этом я и хочу сказать. Не об истории, а о жизни отдела, какой я ее воспринимал и осмысливал. Конечно, менялись мои глаза, менялись оценки. Конечно, они субъективны. И все же память хранит, я надеюсь, важные вещи.

В Институт меня «распределила» комиссия, ведавшая трудоустройством выпускников географического факультета МГУ⁷. Естественно, я был рад чрезвычайно. Но еще до первого рабочего дня мне, как оказалось, предстояли смотрины. Неожиданно домой позвонила референт директора и сообщила, что академик Иннокентий Петрович Герасимов хочет со мной познакомиться и что мне надлежит в такой-то день и час ждать его у дверей Института. Почему у дверей я узнал в назначенное время – И.П. решил поговорить со мной в своей служебной машине, по пути в академическую столовую. Дорога туда занимала в то «беспробочное» время минут десять и разговор был очень коротким. Сначала И. П. сказал: «Вам придется еще многому учиться, например, способам расчета энергии, запасенной в биомассе растений, и другим новым технологиям». Затем последовал вопрос: «Как Вы думаете, помогут ли решению географических задач электронные вычислительные машины?» Я ответил в том смысле, что ЭВМ хороший инструмент, но все будет зависеть от того, что мы в нее заложим. Очевидно, интуитивно я угадал ответ, удовлетворивший директора...

Атмосфера моих первых лет. Две комнаты. В дальней (теперь там читальный зал библиотеки) стоят 7 или 8 столов, за каждым кто-то из старших. Тишина. Входил туда на цыпочках, говорил шепотом. Пиетет вырабатывался сам собой – его питали атмосфера сосредоточенной работы и имена работавших. Вы их помните: Мурзаев и Арманд старший, Никольская и Иверонова, Рихтер и Преображенский, Нефедьева и Сильвестров, Мухина, Соболев...

Первое поручение – расчеты влияния рельефа на эрозию. Огромные таблицы. Вопросы обращаю не к руководителю темы Сергею Ивановичу Сильвестрову, а к Елене Никифоровне Лисичек. Она мою работу проверяет. И она единственная из младших сотрудников имеет стол в той дальней комнате. Так что только в крайнем случае уже она сама или же мы вместе спрашиваем о чем-либо Сергея Ивановича. И вот я все посчитал, таблицы готовы. Идем к Сергею Ивановичу. Смотрит, кивает и говорит: «Спасибо, а теперь повторите все расчеты в обратном порядке. Если совпадут, можно будет двигаться дальше».

Телефон помещался у входа в первую комнату. Говорить полагалось за дверью. Давид Львович (Арманд старший, в то время зав. отделом) приспособил полочку, чтобы класть на нее записную книжку. Звонить ему приходилось много, он ведь вел массу дел. Однажды я услышал слова обо мне – как видно, он отвечал на вопрос или Ю. К. Ефремова или Е. Н. Лукашевой, меня еще в университете опекавших. Сказал всего четыре слова, я их помню хорошо: «Мальчик старательный, но зелен». Я с рвением принялся штудировать совершенно новые для меня книжки, спросив перед этим у Давида Львовича совета – с чего

⁷ Кроме меня в этот год факультет направил в Институт географии еще четверых выпускников: К. Н. Дяконова, Р. И. Злотина, С. Л. Лебедеву и А. Ю. Ретеюма. Мы получили впервые введенный в Академии наук статус стажеров-исследователей.

начать – и получил большущий список. А вскоре по этому же телефону Давид Львович договорился с Михаилом Ивановичем Будыко о моей у него стажировке. Чудное было время.

Учеба продолжалась и не была в тягость. Она и сейчас мне по душе. Но настоящий вкус к ней привили мне мои прекрасные учителя – сотрудники нашего отдела и вся его атмосфера. Увы, годы в школе не были столь насыщены. Да и в университете тоже многое упустил, но уже лишь по собственной глупости.

Необычайно интересны и поучительны были наши семинары. Иногда они проходили в той дальней комнате, а не в зале. Обсуждение было свободным, доброжелательным. Я чувствовал себя равным участником дискуссий, это было радостное чувство. Но понимаю, что иной раз высказывался не только наивно, но и не вполне дипломатично, задевая самолюбие выступавших. Ведь говорить критические слова нужно умело. Однако же говорить приходилось, потому что даже зеленому стажеру поручались серьезные выступления – нужно было для обсуждения на этих самых семинарах готовить рецензии на работы коллег или, что, конечно же, проще, на новые книги. И это тоже была замечательная учеба.

Почувствительно оказалось сдавать так называемый кандидатский экзамен комиссии, которую возглавлял Гавриил Дмитриевич Рихтер. Он мягко и доброжелательно расспрашивал меня о теме работы, интересовался полученными результатами, словом отнюдь не экзаменовал меня – скорее это была беседа с коллегой, хотя и в русле кандидатской программы. Закончилось все довольно быстро его словами «ну, вот и отлично, желаем Вам успехов». Потом, наблюдая Г.Д. перед очередным экзаменом, я часто слышал, как он приглашал членов комиссии, говоря им: «Пойдемте, коллеги, побеседуем с имя рек, наверняка узнаем что-нибудь новое и интересное». Так экзамен становился уроком – конечно, в первую очередь для испытуемого. От такого экзамена оставалось ощущение заинтересованной беседы равных, а не школяра с профессором-небожителем. Пожалуй, это и было главным уроком общения с Гавриилом Дмитриевичем, не только всеми уважаемым, но и любимым старшим товарищем.

Наши заседания и семинары были увлекательны еще и потому, что в отделе по весьма разным темам работали очень разные люди. У нас кроме классических физикогеографов были ботаники, геоморфологи, климатологи, лимнологи, гляциологи. И в этом разнообразии почти всегда обнаруживались интересные всем, общие для всех нас стержневые или сквозные сюжеты. Они то и обсуждались сообща, они помогали вовлекаться в новые дела, причем вполне естественным образом. Безусловно, помогали и дирижеры, понимавшие проблемы широко и направлявшие их обсуждение столь умело, что самоорганизация исследовательских тем и групп могла осуществляться без помех. В этом тоже отличительная особенность атмосферы моих первых лет работы в отделе.

Сотрудники отдела дома у Г. Д. Рихтера, 1950-е годы. Слева направо: Е. Е. Гуртовая, Л. Ф. Куницын, В. М. Котляков (стоит), А. В. Яшина, Н. М. Ступина, В. С. Преображенский, Г. Д. Рихтер, Л. А. Петрова.

Но помимо самоорганизации, безусловно, много значило управление, в значительной мере опиравшееся на авторитет и мудрость старших коллег. Помню эпизод, открывший мне роль Леонида Леонидовича Россолимо как организатора.

Он представлялся мне классическим натуралистом, сочетавшим умения экспериментатора и теоретика, изучавшим тонкие механизмы различных озерных круговоротов вещества и их географическое разнообразие, закономерные связи и комбинации этих круговоротов. Я с интересом читал его публикации, слушал его доклады. Схемы классификации озер, построенные на основе анализа круговоротов, вызывали у меня восхищение. Они представлялись мне воплощением идей А. А. Григорьева на лимнологическом материале. Только позже я узнал насколько оригинальными и независимыми, опережавшими время были исследования лимнологов на станции в Косино, где работал и Леонид Леонидович (см. очерк Г. С. Шилькрот).

Так вот, в начале 1970-х гг. Л. Л. Россолимо рецензировал рукопись моей будущей диссертации, включавшей материалы детальных определений массы корней модельных деревьев в дубравах Центрально-Черноземного заповедника. По неопытности я вставил в основной текст рукописи несколько десятков страниц и таблиц с этими данными, считая их самоценными и интересными для всех – ведь прежде никто таких определений не делал. Рукопись была насыщена и множеством других материалов полевых наблюдений, правда не столь детальных. Леонид Леонидович в своем выступлении изящно дал мне понять – показывать свое усердие таким способом не следует. Нужно не только уметь собирать большой первичный экспериментальный материал, но и обобщать его и встраивать в работу так,

чтобы он сыграл на общую задачу исследования, не отягощая читателя избыточными деталями. А задача моей работы была много шире, чем скрупулезный анализ структуры фитомассы лесостепных дубрав – я должен был охарактеризовать круговорот веществ на уровне лесостепного ландшафта. Мягкая, но точная критика была мне очень полезна. Я понял свои просчеты и постарался их исправить.

Сотрудники отдела на даче у Г. Д. Рихтера, конец 1960-х годов. Слева направо: стоят – И. С. Гришин, Л. С. Абрамов, Л. Ф. Куницын, А. В. Яшина, Г. Д. Рихтер, М. И. Иверонова, Е. А. Нефедьева, Е. Н. Лисичек, Н. Г. Фрадкин, Н. В. Фадеева, Е. И. Федорова, Э. М. Мурзаев, Б. Н. Лиханов, Э. О. Фриденберг, Л. Н. Соболев; сидят – Н. С. Казанская, В. В. Никольская.

Но, как выяснилось через несколько месяцев – моя рукопись кое-чем привлекла мастера. Я был приглашен для специального разговора, весьма для меня неожиданного. Леонид Леонидович начал с того, что похвалил мою работу за добросовестность. А затем предложил мне перейти с некоторым повышением в должности в его лимнологическую группу. Он четко пояснил мотивы этого предложения. «Я старею, – сказал Леонид Леонидович, – и вскоре мне не будет доставать сил и желания подробно вникать в работу всех моих сотрудников. А они ведут каждый достаточно специальные и узкие темы. Нужно чтобы кто-то взял на себя роль координатора и помогал встраивать частные результаты в общую конструкцию. Вы, – сказал он мне, – на Курском стационаре долго варились в среде разных специалистов и смогли не только узнать их интересы, но и в какой-то степени соединить результаты их исследований в своей работе. Не беда, что Вы прежде не сталкивались с лимнологическими сюжетами. Вы молоды и быстро освоите новую область. В этом я Вам охотно помогу».

Тогда я не рискнул принять это предложение. Но урок был важен. Мне стало понятно, как нелегко руководить коллективными исследованиями сложных, комплексных географических объектов и явлений. Прежде мне не приходилось задумываться об этом, ведь жизнь нашего отдела, как мне казалось, была простой и естественной.

Безмятежность жизни исчезла, когда управлять отделом стал Владимир Сергеевич Преображенский. Он был виртуозным критиком, хорошим психологом, легко находил мои

слабые места и судил их сурово. Я уже не мог скрываться за спиной Давида Львовича (об этой его роли прежде не догадывался). Прятался подолгу на Курском стационаре (кстати, там продолжалась замечательная учеба), а в остальное время старался не попадаться Владимиру Сергеевичу на глаза, благо в комнатах дружественных биогеографов и почвоведов можно было найти свободный стул и стол. А потом понял, что волен или оставаться в отделе и выстраивать новые отношения или уйти. И прямо сказал об этом. Все переменялось. Я уже не опасался спорить и отстаивать свои взгляды, разумеется, в меру моих знаний, явно уступая Владимиру Сергеевичу в багаже и эрудиции, хотя и не во всех случаях.

Теперь понимаю, определенная польза от его жесткого управления, несомненно, была. Оно воспитывало стойкость, умение или убедительно возражать, или принимать аргументы более сильные, чем твои собственные. То же самое, думаю, испытывали и другие сотрудники отдела. Вероятно, не всем это шло на пользу. Вообще, жесткое централизованное управление хорошо для решения задач проектного типа. Но при этом, несмотря на комплексность тематики работ, нередко утрачивается разнообразие суждений и взглядов. И это может снижать устойчивость научного сообщества. Возможно, отчасти поэтому наш отдел после ухода Владимира Сергеевича на некоторое время распался. Более продуктивен, как я думаю, «принцип сочувствия», его блестяще описал Сергей Викторович Мейен.

Тем не менее, теперь я ценю умение Владимира Сергеевича не только находить новые темы исследований, но и вовлекать в их разработку многих сотрудников. Правда, подчас помимо их желания. Кто-то втягивался, кто-то уходил, предпочитая независимость.

Общение с Владимиром Сергеевичем, работа под его управлением побуждали задумываться и решать для себя серьезные вопросы. Что важнее – методологическая установка или эмпирическое обобщение (по Вернадскому)? Следует ли искать конкретику для подтверждения универсальных научных положений, переносимых в сферу географии из других областей знания или даже из философских построений? Можно ли выводить конкретику из таких построений? Или же важнее в первую очередь просто искать любую новую конкретику, а уже потом выстраивать новые обобщения? Пожалуй, одного ответа не существует. Важны обстоятельства времени и специфика той или иной области науки, наличие достаточной массы эмпирики и появление новых концепций изнутри, а не только извне. Очень важны соотношения. Думаю, методология не должна преобладать и внедряться специально. Она должна развиваться органично, по мере необходимости.

Отдел смог восстановить Никита Федорович Глазовский. Вернулось его исконное название – «отдел физической географии» – хотя и с прибавкой «и проблем природопользования».

Когда Н. Ф. только появился в Институте в роли заместителя директора и заведующего нашим отделом, нам казалось, нужно ждать быстрых и существенных перемен в направлении работ, в сложившейся структуре тематических групп, ждать появления людей Глазовского. Перемены постепенно происходили, но они были мягкими, ненасильственными и воспринимались как естественные и полезные. Вероятно потому, что прежде, чем что-либо переменить, Н.Ф. основательно изучал ситуацию, не полагаясь лишь на чужие суждения. Это требовало усилий, но результат приносило нужный. Так, оказалось, что приставка «природопользование» к традиционному названию отдела вскоре наполнилась серьезным содержанием. Ведь серия фундаментальных книг этой тематики, задуманная и начатая Никитой Федоровичем (первые два из четырех уже вышедших томов), способствовала вовлечению в это дело многих коллег и из наших отдела и Института, и из других организаций. Серия продолжается и после смерти Н.Ф. – значит, тематика продуктивна.

Как жаль, что ему и нам не хватило времени вполне обеспечить самоорганизацию нашей работы, основанную на глубоком анализе всех возможных перспективных сюжетов. Правда, внешние обстоятельства этому отнюдь не способствовали. Институту нужно было

выживать, отделу тоже. Однако вместе с Никитой Федоровичем сделано очень много – какие темы возникли, какие изданы книги, как радостно было работать с ним вместе!

В отделе, конец 1990-х годов. Слева направо: А. Ф. Мандыч, Н. Ф. Глазовский, А. Д. Арманд, А. С. Шестаков.

Удивительно, как при его предельной занятости Н.Ф. всегда принимал нас в своем кабинете с любыми нашими делами – отделскими, институтскими или личными, мелкими и весьма важными. Впрочем, «принимал» слово неподходящее. Он просто вместе с нами делал наше общее дело, серьезно и дружески, но без малейшего намека на панибратство. И хотя в нашу сводчатую комнатку № 35 заходил редко, нам всегда казалось – он рядом.

Теперь времена снова настают трудные. Так что нам есть о чем сейчас заботиться. Тем более, что видна угроза атомизации нашего отдела. Утрата внутренних связей, содержательного общения – не по необходимости, а для поиска и осмысления общих интересов – весьма опасна. Ведь такое общение иногда обогащает не менее, а даже более, чем чтение книг, журналов, рукописей. Нередко чье-то вскользь сказанное замечание, чей-то доклад служат импульсом для неожиданного и интересного поворота всего направления нашей работы.

Надеюсь, мы сможем сохранить наше физико-географическое сообщество, хотя и обращающееся сейчас (впрочем, как и двадцать или тридцать лет назад) к смежным с физической географией темам. Сохранить, не забывая наши корни и оберегая атмосферу, в которой мы выросли. Именно о них я стремился рассказать.

Думаю, корни не утрачены. Однако жизнь отдела складывается сейчас так, что у нового поколения не так много возможностей эти наши общие корни ощущать. А ощущать их важно – для того, чтобы не распасться на мало связанные между собой ячейки, не утратить панорамное зрение и способность видеть нашу работу и наши объекты и частями, и целиком, в разных масштабах, и в ретроспективе, и в перспективе.

Нас сейчас в отделе немало, мы разные люди с разными интересами, но если все вполне обособимся – едва ли уцелеем как сообщество.

Т. Г. Нефедова **Об отделе экономической и** **социальной географии, 1978–2011 гг.**

Я пришла в Институт географии в конце 1978 г. Как выяснилось впоследствии, в разгар плавной, но заметной смены поколений. Незадолго до этого трагически погиб лидер экономикогеографов А. А. Минц, старела и постепенно уходила «старая гвардия»: И. В. Комар, И. М. Помус, О. Р. Назаревский и другие. Их заменила целая плеяда новых сотрудников, которые определяют лицо отдела и по сей день: Сергей Артоболевский, Павел Полян, Андрей Трейвиш, Вячеслав Шупер, Сергей Тархов, Ирина Волкова, Татьяна Бородина. Все мы были молоды, но не совсем зелены. Большинство успели где-то поработать, некоторые готовили диссертации, имели публикации. Поэтому такое обновление свежей кровью позволило расширить тематику отдела и дать новые импульсы старым темам.

Тогда отделом руководил Георгий Михайлович Лаппо, а его сотрудники группировались вокруг трех крупных направлений, хотя глухих заборов между ними, конечно, не было. Главное среди них под руководством Г. М. Лаппо было связано с исследованием *проблем расселения, городов и агломераций*. В нем блистали Ю. Л. Пивоваров, Г. А. Гольц, П. М. Полян, а впоследствии Г. Иоффе, В. Шупер, Н. Барбаш, Т. Бородина, Н. Петров и другие. Привлекались и аспиранты Г. М. Лаппо, например, О. Б. Глезер, потом тоже пришедшая в отдел.

Другое направление, изучавшее *территориальную организацию хозяйства*, было представлено Г. А. Приваловской, О. А. Кибальчиком, чуть позже – Э. Б. Алаевым. В конце 1970-х оно пополнилось «упертым» в транспортные сети С. А. Тарховым и «многостаночником» А. И. Трейвишем, которого первоначально взяли в Институт для изучения последствий переброски стока северных рек в Среднюю Азию.

Наиболее сплоченным и организованным было направление *ресурсно-экологических исследований*, которое базировалось на достижениях школы А. А. Минца и И. В. Комара. Руководил этим направлением женский триумвират: Г. А. Приваловская, Т. Г. Рунова и И. В. Канцеговская. В рамках этого направления тогда набирало силу сотрудничество стран СЭВ. С нашей стороны научное руководство осуществляла Татьяна Григорьевна Рунова, главным организатором и душой всего СЭВского сообщества была Инга Вениаминовна Канцеговская. Меня брали именно в эту группу, как человека, умеющего делать карты с опытом четырехлетней работы в Комплексной Восточной экспедиции геофака МГУ.

Я хорошо помню «смотрины», почему-то не в отделе, а в комнате парткома в главном здании. Мне было немного страшно, ведь Т. Г. Рунова и И. В. Канцеговская были для нас недостижимыми авторитетами. К тому же я побаивалась дамского руководства. Но, разложив свои карты и рассказав о себе, я сразу почувствовала симпатию со стороны Татьяны Григорьевны. Эту взаимную симпатию мы пронесли через все время нашего общения, и я благодарна судьбе за то, что она подарила мне такого научного руководителя и такого начальника. Трудоголик по природе, Т.Г. всегда ценила работу своих сотрудников, умело и ненавязчиво ее направляя. А если ты получал какой-то интересный результат, то умела похвалить так, что хотелось горы свернуть.

С первых же дней меня подключили к СЭВской теме и Курскому стационару. Мы разделили сферы деятельности с Ириной Волковой: она занималась влиянием на среду промышленности, я – фоновыми видами природопользования, сельским и лесным хозяйством. Было сделано множество карт, которые вместе с итогами работы в МГУ, легли в основу моей кандидатской диссертации о картографическом моделировании воздействия человека на природу.

Плотная работа в группе вовсе не мешала мне ощущать себя членом всего коллектива отдела. На рубеже 70–80-х в двух небольших комнатах на втором этаже дома № 27 (где теперь помещаются картографы) на всех не хватало не только столов, но даже стульев. Кстати, эта теснота отражена в юмористическом рассказе, который мы написали с Андреем Трейвишем в стиле Зощенко к очередному капустнику (прилагается). Раз в неделю проходили общие заседания, на которых я поначалу боялась раскрыть рот, так силен был пиетет перед известными учеными. Но обстановка была очень демократичная и раскрепощавшая. После заседаний все собирались вокруг маленького столика у входа и пили чай.

И прежде в МГУ, и в Институте географии я работала, в основном, дома. Эта привычка так закрепилась, что теперь я уже просто не могу думать и писать при народе. Но институтское начальство требовало «дисциплины», которую оно понимало как заполнение небольшого числа сидячих мест. Поэтому дважды в неделю по очереди мы отсиживали в отделе. Это были, в основном, дни отдыха от работы. Мы гоняли чай, иногда делали тупую счетную работу, но больше болтали, обсуждая и личные дела, и научные проблемы. Это очень помогало, с одной стороны, налаживать неформальные отношения в отделе, а с другой – давало возможность обсудить волнующие тебя научные вопросы с коллегами. Именно эта возможность делового, но притом дружеского общения больше всего способствовали нашему росту.

В 1980-х гг. отдел залихорадило. Он был разделен на две части: география населения во главе с Г. М. Лаппо и экономическая география под руководством сначала О. А. Кибальчица, потом Э. Б. Алаева, затем Г. В. Иоффе. Наша группа природопользования попала во вторую часть. Однако формальный раздел мало что изменил. Мы все сидели в тех же комнатах и точно так же общались. С самого начала у меня было ощущение причастности к единому сообществу институтских экономикогеографов.

В 1980-х гг. по СЭВской теме мы стали ездить за границу. Поначалу только начальство: В. С. Преображенский, А. М. Грин, Т. Г. Рунова, И. В. Канцеровская. Это было время общих деклараций, планов и весьма разношерстных международных сборников, хотя и объединенных общей шапкой. Молодежь стали выпускать после 1985 г. Я хорошо помню эти семинары в ГДР, Венгрии, Чехии, на которых мы делали доклады за круглым столом, торжественно украшенным флажками наших стран, с непременными познавательными экскурсиями и заключительными банкетами. Рабочим языком был русский. Не все наши коллеги знали его хорошо, многие говорили с ошибками, используя лишь общие славянские корни. Иногда мы сами повторяли эти ошибки, чтобы нас лучше и быстрее поняли. Так выработался некий «сэвский язык» – всем понятный, но ужасающий для стороннего слушателя.

Здесь мы работаем.

Г.М. Ланно.

Как только стали выезжать непосредственные исполнители, появилась возможность конкретной совместной работы. И. В. Канцеговская и чешские коллеги задумали создать единую карту природопользования Восточной Европы. Начиналось, как всегда, с общих

семинаров. Но постепенно в каждой стране определилась «рабочая лошадка», которая отвечала за свою территорию. Координация работы выпала на меня, что оказалось чрезвычайно сложно, так как в «братских» странах к концу 1980-х уже начались изменения в экономике, административном делении, статистике. А методические подходы и раньше различались. Совместить все это было почти невозможно. Зато выезд в страны СЭВ сильно облегчился, на рубеже 1990-х вообще наступил недолгий период фантастической свободы передвижений: визы не требовалось, а билеты на поезд стоили недорого. Два-три раза в год, договариваясь по телефону, я выезжала на встречи уже узкой рабочей группы или в какую-то страну для согласования с исполнителем. После развала СЭВ финансирование этих работ прекратилось. Однако к нам присоединились коллеги из Австрии, которые взялись издавать карту. Работа облегчилась в 1989–1990 гг., когда я год прожила в Польше по академическому обмену, откуда ездила в Брно, где находился координационный центр. И карта «Природопользование и проблемы окружающей среды Центральной и Восточной Европы» все-таки была издана в 1992 г. в Вене. Более того, наша международная рабочая группа настолько сдружилась, что на чистом энтузиазме, по инерции мы продолжили работу, и в 1994 г. там же была издана вторая карта «Первые результаты социально-экономической трансформации в Центрально-Восточной Европе».

Резкие перемены 1990-х сказались и на нашем Институте. Отдел в это время возглавляла Г. А. Приваловская. Он вновь стал единым, но внутренние эрозионные процессы усилились. Ушли Т. Г. Рунова и И. В. Канцеговская. Я все больше дрейфовала в сторону экономической проблематики как наиболее актуальной. После отъезда Г. В. Иоффе в Америку, я постепенно заполнила нишу исследования изменений сельского хозяйства и сельской местности России. Спокойная академическая жизнь закончилась. Надо было выживать. Одни покидали Институт и науку. Другие стали подрабатывать в СМИ, в вузах и даже в школах, за счет внешних проектов и грантов.

В 1994 г. я затеяла социологический опрос сотрудников Института, результаты которого даже были опубликованы в «Известиях РАН, Серия географическая», № 5. Было опрошено 10 % сотрудников разных специальностей. Максимальная востребованность выявилась именно у экономикогеографов, половина которых ответила, что 50 % доходов дают дополнительные заработки вне Института. При этом 80 % всех опрошенных констатировали, что в 1990-х гг. стали работать больше. Две трети – что подрабатывают в науке же, и дополнительные темы пересекаются с академической и обогащают ее. Хотя большинство людей предпочитало не связываться с Институтом при заключении дополнительных договоров. Наиболее активным оказалось в начале 1990-х именно наше поколение. Старшим было трудно приспособиться к изменениям, а самые молодые еще не накопили научный багаж, чтобы быть востребованными. Впрочем, приток молодежи явно иссякал.

В аудитории имени Н. Н. Баранского. Поздравление коллегам. Слева направо: Т. Г. Нефедова, В. А. Шупер, О. Б. Глезер, А. И. Трейвиш, Т. Л. Бородина, С. С. Артоболевский.

Появились совместные проекты с иностранными коллегами, но уже из дальнего зарубежья. Мы стали выезжать во Францию, Германию, Голландию, США. Из бывших СЭВских связей сохранились связи с Институтом страноведения в Лейпциге, который возник на месте бывшего Института географии и геоэкологии ГДР, сократив персонал со 150 до 30 человек и кардинально обновив их состав. Кстати, в упомянутом выше опросе я спрашивала и об оптимальном размере Института. Ответы зависели от возраста работника. Старшее поколение ратовало за сохранение статус-кво или небольшие сокращения. Наше поколение видело Институт размером 100-300, а четверть – до 100 человек. Молодежь в большинстве считала, что необходимо сильное сокращение – до 100 человек, а треть – до 50 человек.

Институт географии устоял, как устоял и наш отдел, хотя сильно изменился. Мы защищали докторские диссертации. Каждый из нас ведет определенное научное направление, но не руководит, поскольку руководить нечем. Хотя почти все где-то преподают и пытаются донести свои знания до молодого поколения. Но в Институте оно не задерживается. В далеком 1978 г., пополнение отдела было на 15-20 лет моложе ведущих сотрудников, в среднем 45-50-летних. Это оказалось оптимальным для смены поколений. Теперь нам всем 55-60, а молодежи нет. Есть аспиранты, успешно пишущие и защищающие диссертации, но не желающие оставаться в Институте при конкуренции других высоко оплачиваемых рабочих мест. Время нормальной смены поколений уже упущено. Через несколько лет академическая социально-экономическая география просто перестанет существовать.

Но пока наш отдел жив. И мы по-прежнему радуемся друг другу, встречаясь на заседаниях по пятницам. Хотя все чаще слушаем доклады чужих, а не друг друга. И даже не вполне представляем, кто чем занимается. Наш нынешний заведующий С. С. Артоболевский вот уже 14 лет пытается нас сплотить. Но при страшной занятости и востребованности вовне это довольно сложно. Помогают семинары, базирующиеся на энтузиазме отдельных сотрудников (Сократические чтения и методологический семинар, организуемые В. А. Шупером, исторический семинар В. Н. Стрелецкого, тематические ежегодные конференции, проводимые прежде Ю. Г. Липецом, которые ныне курирует С. С. Артоболевский), совместные сборники да аспиранты, предзащиты и т. п. Но по-прежнему главное – это неформальное обще-

ние с людьми умными и талантливыми, которых я знаю уже более 30 лет, и которых я не только уважаю, но искренне люблю.

А. Н. Маккавеев

Мое знакомство с Институтом. Не только геоморфология

Первое поле

Экспедиции составляли значительную часть жизни сотрудников Института географии, и по времени, и по затратам сил. Моя первая серьезная экспедиция была связана тоже с нашим Институтом.

В далеком 1962 году я, вместо практики в Хибинах, которую проходили студенты первого курса географического факультета МГУ, отправился в экспедицию на Печору. Начальником был Борис Александрович Корнилов, научный сотрудник Института географии, незадолго до этого защитивший кандидатскую диссертацию.

Зачислили меня лаборантом. Первый визит в ИГАН был в канцелярию, где я заполнил анкету, написал заявление и получил направление за справкой о здоровье в академическую поликлинику «на Кировской». Стояла теплая погода конца июля. Институт был практически пуст и, может быть, поэтому мало запомнился.

В поликлинике очереди были небольшие, но неспешные. Времени сидения хватило на то, чтобы прочитывать учебник «Геоморфология» М. В. Пиотровского, который «как толковый и не растянутый» рекомендовал мне папа. Дело было в том, что геоморфологию на первом курсе еще не проходили. Теперь я думаю, что косвенно эта книга повлияла на мою дальнейшую специализацию.

Впечатление произвел институтский склад в старом доме неподалеку от площади Дзержинского. Дом этот давно снесли. Сначала надо было пройти под арку, затем через темный подъезд, спуститься в подвал, где на обширных стеллажах стояло, лежало и громоздилось разношерстное снаряжение и оборудование. Работали там двое пожилых мужчин. С ними Борис Александрович был на дружеской ноге. Все снаряжение отвезли на квартиру к Корнилову, где еще раз проверили все вещи, особенно палатку. Мама нашего начальника покормила вкусным обедом.

Тут надо сказать и о нашем отряде. Задача экспедиции была связана с планируемой переброской части стока северных рек в мелевшее в то время Каспийское море. Кроме начальника и меня в отряде было еще двое: студентка пятого курса Ирина Авессаломова, потом она работала на географическом факультете, и знакомый Бориса Александровича Саша Саблин-Яворский, студент «Менделавки», как панибратски называют Московский химико-технологический институт имени Д. В. Менделеева – парень непоседливый, брюнет с маленькой бородкой из жесткой почти прямой щетины. О пятом участнике я еще не знал.

Несколько дней спустя мы были в поезде, шедшем до Сыктывкара. Оттуда на маленьком самолетике долетели до Курьи – небольшого поселка, расположенного там, где Печора выходит из Уральских гор на равнину и поворачивает к северу. По берегам быстрой и чистой реки стояла тайга. Мы поставили палатку недалеко от поселка, на берегу Волосницы – маленького левого притока Печоры.

Борис Александрович купил или, скорее всего, выменял за бутылку водки небольшой плот из толстенных бревен. На них были прибиты длинные доски. С обеих сторон плота мы сделали «гребли» – колоды, на которые укрепили большущие самодельные весла, представлявшие собой ошкуренные еловые стволы с прибитыми на них короткими досками. На одном конце плота прибили лист железа, уложили на нем круг из камней, отметив место для

костра, но пользовались этим очагом редко. Большую часть плота заняла палатка. Закончив приготовления к плаванию, мы на шестах вышли из Волосяницы в Печору.

Река несла нас довольно быстро. Если нужно было что-то осмотреть, совершить маршрут по берегу или съездить в ближайшее селение в магазин или на почту, использовали маленькую двухместную лодочку, тоже добытую в Курье и привязанную у нас «за кормой». Плыли днем, на ночевку приставали к берегу, разводили костер, готовили ужин. Спать в палатке на плоту первое время мешали неровные стыки досок, один из которых оказался у меня под самым боком. Но, в конце концов, я так привык, что на протяжении некоторого времени по приезде в Москву этих стыков не хватало для нормального сна.

В мои обязанности входила подготовка завтрака. Надо было встать раньше всех, за час или больше, развести на берегу костер, что в дождь или ветер было сложно, особенно при моей неопытности. Готовить было довольно просто. В меню завтрака входили различные каши, причем пшенная и манная готовились на сгущенном молоке, а гречневая и рисовая с тушенкой. Но чаще, чтобы не затруднять себя замером нужного количества крупы и воды, использовал концентраты, продававшиеся тогда во всех сельских магазинах. Это были квадратные брикеты необычайной крепости, для размягчения которых подходили обух топора или тяжелый молоток. Большим успехом у нашей команды пользовались кисели, которые продавали тоже в брикетах. Довольно хороший хлеб можно было купить в каждом сельпо. С продуктами тогда было неплохо, что я оценил, только попав на Печору снова в 1964 году, памятном неурожаем, пустыми полками магазинов в провинции и смещением Хрущева.

Подготовка к маршруту.

Днем я дежурил у гребли, направляя плот на стрежень реки, подальше от берега и мелей. В одну из первых «вахт», увидев идущий навстречу пароход, я стал будить спокойно спящего в палатке начальника. Была получена команда: «Не препятствовать!» Больше к нему с подобной чепухой я не приставал, сообразив, что топить нас никто не собирается.

Борис Александрович на ходу ловил рыбу. На его спиннинг попадался даже хариус. На наши самодельные удочки клевали рыбы попроще.

Как-то под вечер, мы искали место для причаливания, но внезапно подошедшая гроза посадила наш плот на мель, и мы оказались под проливным дождем почти на середине реки. Тьму прорезали вспышки молний, сопровождаемые оглушительным грохотом. Мы забрались в спальные мешки, накрыв их спущенной палаткой, которую хотел унести ветер. Довольно быстро мешки и все их содержимое промокло. Утром стихия утихла. Несмотря на продолжающийся дождь, мы забрались в воду и, с помощью шестов спихнули плот с мели, подошли к берегу. Соорудили большой костер и долго сушили все вещи.

Саблин-Яворский был с нами недолго, уехал к началу учебного года. Похолодало. На фоне густой зелени елей быстро стали появляться золотые березовые листья. Неожиданно для меня нас стало опять четверо. Мы проплывали мимо крупного поселка, держась ближе к берегу. Оттуда послышались крики: «Боря! Боря!» Кричал и махал руками мужчина в шикарном, не только для тех мест, но и для столицы зарубежных плаще, шляпе и начищенных до блеска ботинках. Это был Константин Октавьевич Ланге, работавший тогда в ЮНЕСКО. Несколько дней назад он прилетел в Москву из Стокгольма и, по своей воле, отправился в места для ссыльных на Печору. Тогда почти в каждом селении этого края был маленький аэродром. Заграничный гость быстро переоделся в штормовой костюм, телогрейку и резиновые сапоги и оказался совершенно своим человеком.

На наши расспросы о зарубежной жизни он жаловался, что ему «там все так надоело». Зато Корнилов нашел собеседника. Разбирались достоинства и недостатки пока мне неизвестных сотрудников Института, пошли воспоминания об экспедициях, военной службе, войне. Обсуждение международного положения Борис Александрович заканчивал «жизнерадостной» тирадой: «... нам с тобой, Костя, еще придется повоевать, взять в руки оружие!». В ближайшую субботу мы отправились в один из поселков в баню. После бани я впервые попробовал спирт, который хранил начальник в зеленом сундуке – «вьючнике». Запивали его мы холодной печорской водой.

К середине месяца наш плот достиг протяженного отрезка реки, ориентированного на север. Печора становилась все шире. Холодный встречный ветер стал относить плот вверх по реке. Попробовали к плоту привязать срубленную ель. Дерево ушло в воду, и только часть веток торчало из реки. Некоторое время оно тянуло плот, но за день мы проплывали немного, и вскоре плот опять начало сносить вверх по реке.

Решили пристать к берегу в одном из крупных сел. Своими силами выгребсти к берегу было очень трудно. Договорились с мотористом на катере. Катер рванул, плот почти встал на дыбы, при этом его передняя часть стала уходить под воду, но Борис Александрович успел перерубить буксирный канат. К берегу подошли на веслах, выбиваясь из последних сил.

Пребывание на берегу стало навевать тоску. Я малодушно запросился домой. Меня посадили на проходящий пароход, нагрузив кучей уже ненужных вещей, от спального мешка до телогреек и сапог. На вокзале в городе Печора я провел в очереди в кассу вечер и целую ночь, и наутро смог купить билет до Москвы. В вагоне забрался на полку и лег спать в своем спальном мешке. Проснулся утром следующего дня. Соседи рассказали, что ночью по поезду проходил патруль, проверявший документы и искавший беглых из лагерей, иногда видневшихся по сторонам железнодорожного пути. Осветив фонариком мою физиономию, они решили, что на беглого бандита я еще не похож и не стали будить.

Через пару дней после приезда я навестил склад на Дзержинской и сдал порученное мне снаряжение. При этом обнаружилось, что два высоких резиновых охотничьих сапога были из разных пар, и их пришлось нести домой. Сдал я их недели через две-три, когда приехали все остальные участники экспедиции.

Сельскохозяйственные работы

В Институт я был зачислен в 1966 году, после окончания географического факультета МГУ.

Отдел геоморфологии, лаборантом которого я стал, помещался в одной из самых больших комнат второго этажа № 9. Наша дверь была почти напротив двери дирекции. Сейчас, после перепланировки, на месте последних – глухая стена. В нашей комнате возвышались огромные, набитые книгами, папками, образцами, рулонами с картами шкафы, стояло много столов, тоже заваленных книгами и бумагами. На столе у пылцевика Е. А. Мальгиной стоял микроскоп.

За одним из столов сидел заведующий отделом Ю. А. Мещеряков. С обворожительной и немного виноватой улыбкой он сказал, что мне необходимо поехать на две недели на сельскохозяйственные работы (как тогда говорили в «колхоз или совхоз»).

На географическом факультете в колхозы и на стройки нас не посылали. Не помню как в других группах, но уважающий себя студент-геоморфолог обычно задерживался в поле где-нибудь в Сибири или на Дальнем Востоке на срок от месяца до двух-трех. Некоторые ухитрялись приезжать к началу зимней сессии, результаты которой были в этом случае далеко не блестящи. Оправданием служили справки от начальства экспедиции о нелетной погоде и других природных бедствиях, помешавших студенту вовремя выехать. Так что «колхоз» был для меня делом новым.

На следующее утро одной из самых ранних электричек я приехал в Дмитров, откуда добрался до бригады совхозных овощеводов, растивших капусту и другие овощи на пойме р. Яхромы, протекавшей под уступом Клинско-Дмитровской гряды. Среди ряда больших палаток выделялся навес из досок и брезента, под которым располагалось что-то напоминающее армейскую полевую кухню. Это была столовая, где городских работников должны были кормить. К кухне полагалась кухарка из местных, но она куда-то сбежала и «городские» взяли дело в свои руки. По утрам к нам приезжала бортовая машина и развозила нас по полям.

Но не работа больше всего запомнилась мне, а бригадир нашей институтской бригады. Это был яркий, уникальный, прежде всего по своей физической силе, Виктор Филькин. Он был сотрудником отдела геоморфологии и работал в тесном контакте с Ю. А. Мещеряковым. Как шутили в Институте, а в каждой шутке, как известно, есть доля правды, Витя Филькин был «оруженосцем» Юрия Александровича. О физической силе Вити ходили легенды. Он мог высоко поднять стул за одну ножку. При этом на стуле сидела, повизгивая, какая-либо сотрудница Института: желательно помоложе, посимпатичнее. Витя не оставался ночевать в палатке, а уезжал на своем мотоцикле домой, иногда с очаровательной дамой: «Я ее подбрасывал до станции».

По завершении работ, в Москве Витя первым делом организовал членов своей бригады на пропитие заработанных средств. На это мероприятие он пригласил девушек, с которыми мы познакомились в совхозе. Они были из ИГЕМа, института, расположенного рядом с нашим Институтом. Торжественный ужин состоялся в кафе, сохранившемся до сих пор на углу ул. Герцена (сейчас Большая Никитская улица), там, где кинотеатр Повторного фильма. Потом мы сидели на квартире у Андрея, лаборанта нашего Института, жившего неподалеку. На всех были одна или две бутылки дешевого вина, которых за разговорами нам хватило до утра.

Два последующих «колхоза» мы трудились тоже в Яхромском совхозе, но только располагались не на пойме, а наверху, на Клинско-Дмитровской гряде. В эти два раза бригадиром назначили меня. Состав бригад каждый раз был иным. Жили в большом бараке, где нам была отведена комната с трехэтажными нарами. На верхних нарах разместили вещи

и выданное в Институте снаряжение: сапоги, телогрейки, лишние спальные мешки и вкладыши к ним. Под большим навесом на улице стояли длинный стол и лавки. На большой кирпичной печке было удобно готовить. В совхозе можно было дешево покупать молоко и мясо; картошку, капусту и другие овощи брали в поле. Дежурили на кухне по очереди.

На прополке.

В 1967 году я попал в совхоз довольно поздно, в конце-середине октября, после долгого полевого сезона. Работа немного осложнялась тем, что мне приходилось три раза в неделю ездить на репетиции Академического хора МГУ. Предстояли выступления в Югославии и Болгарии. Пропустить такую поездку не хотелось. После обеда я автобусом добирался до Дмитрова и с нотами тех произведений, которые должны были репетировать в тот день, устраивался в полупустом вагоне электрички. Старался, прежде всего, заучить тексты на сербском, болгарском и, что было всего труднее, латинском языках. Утром с первой электричкой успевал к началу работ.

Однажды вечером к нам в барак пришел сильно выпивший комендант барака. Он сказал, что приезжают учащиеся какого-то техникума, часть из которых надо будет поселить в нашей комнате. Я отвечал за институтское оборудование, находившееся в комнате, да и перспектива жить с учениками техникума, не привлекала. Поэтому я возразил коменданту в совсем «не парламентских» выражениях, пообещав убить первого же, кто покусится на нашу территорию. Видимо, такую аргументацию мой оппонент счел достаточной и, никаких «подселенцев» не появилось.

На следующие «совхозы» Институт направляли в другую сторону от Москвы – в Озеры. Весной в овощехранилище, перебирать полусгнившие овощи, летом и осенью в отделение совхоза, находившее в деревне Тарбушево, на берегу Оки, пропалывать бесконечные грядки, убирать урожай. В Тарбушево наши работники проживали в удобном вагончике, разделенном маленькой прихожей-кухней на две половины, в каждой из которых были двух-

этажные нары, всего шесть или восемь спальных мест. Этот армейский вагончик где-то достал Слава Басов, бывший тогда заместителем директора по хозяйственной части.

На протяжении довольно долгого времени сельхозработы были обязательной частью институтской жизни. Конкретное их содержание зависело, главным образом, от состава бригады. Одни бригады ехали провести время и работали спустя рукава, тратя все силы на различные развлечения. Цель других был заработок, что было гораздо сложнее; нас старались обсчитать, как правило, не платили за последний день или два, говоря: «... не успели рассчитать, приезжайте на следующей неделе».

И в тех и в других бригадах были свои плюсы и минусы. Поздней осенью, в брезентовом штормовом костюме, надетом на телогрейку, мы шли по полю и большими тяжелыми ножами срубали покрытые снегом капустные кочаны. Кстати, эти ножи было очень удобно метать в любые попадавшиеся по пути деревянные постройки (туалеты, старые сараи и тому подобное). Когда подъезжала бортовая машина, начиналось самое интересное: кидание кочанов в кузов с разного расстояния, кто дальше. При этом нужно было вовремя увертываться от неверно брошенных «спортивных снарядов». Машина наполнялась быстро. Брали квитанцию у водителя. Можно было расслабиться, отдохнуть и обсудить результаты «соревнований».

Ждем попутку.

Когда бригада не рвалась заработать, а летом, на прополке это было практически невозможно, большое внимание уделялось ночным кострам, сбору и засолке грибов, купаниям в Оке. Воскресенья были выходными. Можно было съездить куда-нибудь. Однажды я и Миша Жидков (ныне уважаемый Михаил Петрович Жидков, ст. научный сотрудник ИГРАН) ездили в словно вышедший из прошлого чудесный небольшой городок Зарайск. Объективно говоря, наверняка были и конфликты, плохая погода, но все это почему-то забывается. Остается добавить, что трудились в «колхозе» по две недели, и только однажды я попал в смену, которая отработала три недели.

Работа на овощной базе в Москве была куда скучнее. Эти мероприятия проводились по субботам во второй половине зимы и начале весны. Чаще всего сортировали овощи, иногда разгружали вагоны. Подшефная база находилась на современной площади Гагарина, рядом с окружной железной дорогой. В каждом из отделов составляли график работ, по которому сотрудникам помоложе и поздоровее полагалось отработать большее количество дней, чем более солидным или больным. Одно время за этот график отвечал Л. Л. Розанов, очень серьезно относившийся к этому поручению. На базе было грязно. Особенно плохое впечатление производили большие чаны с квашеной капустой, которую месили обутыми в сапоги ногами. У выходивших с базы нередко проверяли сумки, опасаясь за свою продукцию, которая гнила и пропадала и без всякого воровства. Эту базу снесли уже лет двадцать назад, и я о ней совершенно не жалею.

Принцесса Турандот

В конце 60-х годов уже прошлого века наш Институт был известен своей самостоятельностью. Решающую роль в организации играла Мария Петровна Смирнова, официально занимавшаяся цветной фотографией. Ее лаборатория располагалась в комнатке второго этажа, там, где сейчас касса Института. Не знаю, как она справлялась со своими фотографическими обязанностями, но как у главного режиссера дел у нее было очень много: от привлечения лучших сочинителей и фантазеров к написанию сценария, до поиска исполнителей. Ближе к выступлению она сама обходила отделы и лаборатории или посылала туда своих доверенных лиц. Артисты собирались к концу рабочего дня на репетицию в зале.

На капустниках обыгрывались главным образом наши институтские темы. Отваживались пародировать даже И. П. Герасимова, что лучше всех удавалось Д. И. Тимофееву. Я участвовал в нескольких капустниках в небольших ролях, например в живых картинах. В них использовались известные литературные сюжеты, название которых предлагалось угадать зрителям. Так я был капитаном Греем из «Алых парусов». Подражая образу, созданному В. Лановым в фильме, перешли из чего-то камзол, сделали круглую морскую шляпу с галуном. Я должен был подойти к сидящей на стуле Ассоль, подать ей руку и увести в «светлое будущее».

Самым запоминающимся был танец маленьких лебедей, проходивший под громкий хохот и бурные аплодисменты зрителей. В балетные пачки были одеты плотные, мускулистые мужчины: Витя Филькин, Слава Басов (тогда бывший помощником заместителя директора по хозяйственной части) и Виктор Оганесович Таргульян, ныне знаменитый почвовед, тогда простой лаборант. Физиономии их, для усиления воздействия на зрителя, покрывала густая щетина. Номер повторялся в нескольких спектаклях со все возрастающим успехом.

Ставились целые спектакли. Я участвовал в «Принцессе Турандот». Идея ее была явно взята из знаменитого вахтанговского спектакля, но содержание подогнано под нашу институтскую жизнь. Принц Калаф командовал отрядом, посланным в сказочную восточную страну. Остался там без денег и бензина. В бедственном положении очутился в столице государства, которым правил император Альтоум. Подобрал случайно портрет принцессы Турандот и влюбился в нее без памяти. Рискнул просить руки красавицы. Но надо было разгадать три хитрые загадки принцессы. Его даже не смутили головы прежних соискателей, украшавших ограду императорского дворца. Головы эти изображали воздушные шарiki с намалеванными на них смешными мордочками.

Принца играл гляциолог Дима Цветков, принцессу Света Малиновская, тогда сотрудница отдела геоморфологии. Потом она перешла в Институт физики Земли. У меня вместе с почвоведом Сашей Куликовым (сейчас он живет и работает в Болгарии) были крошечные роли императорских стражей. Вооруженные деревянными алебардами, одетые в какие-то

немыслимые мундиры мы держали под арестом принца. Мудрецов из Дивана очень смешно изображали несколько уважаемых докторов наук, одетых в банные халаты. Каждому мудрецу была приклеена мочальная борода. Из полотенец сделали тюрбаны.

В начале и конце спектакля вся труппа исполняла на расческах марш из спектакля. Декорациями служили ширмы с изображением драконов. Знакомый по театру Вахтангова сюжет был приближен к нашей академической институтской действительности. По ходу действия то и дело упоминались всем известные, но немного переименованные фамилии. Например, в одной из телеграмм Калафа о своем бедственном положении была фраза «душит рашка». Зрители тут же находили сходство этих слов с фамилией одной из самых уважаемых и старейших сотрудниц Института, доктора наук Н. В. Думитрашко. Загадка коварной Турандот «ни окон, ни дверей, полна горница людей» правильно разгадывалась как библиотека Института.

Спектакли выдержали не одно представление: сначала в родных стенах, затем в соседних институтах. Перед каждым всю труппу охватывало сильное волнение, вплоть до полного забытия, казалось бы, уже вызубренного текста. Поэтому каждому выдавались по сто граммов коньяку, а за ширмами сажали суфлера, который, в свою очередь, тоже волновался и все путал.

Принцесса (С. Малиновская) и ее отец император Альтоум (О. Р. Назаревский).

Мои артистические успехи закончились в 1969 году, в связи с призывом в армию. По возвращении спектакли уже заканчивались. В этом не последнюю роль сыграло расселение большей части отделов Института из главного здания в Старомонетном переулке в подвалы, разбросанные по всей Москве. Собрать людей на репетиции стало непросто.

Кадаши, Хвосты и борьба за дисциплину

Геоморфологи попали в большой подвал в одном из Кадашевских переулков. Несколько комнат, просторный зал, казалось, что могло бы быть лучше. Да еще рядом Третьяковская галерея. К сожалению, имелся один, но крупный недостаток. Одна из стен подвала отделяла нас от Кадашевских бань. Стена постоянно «потела». Влажность и духота временами превышали всякие нормы.

В 1973 году инициативная группа сотрудников отдела, среди которых главную роль играли бывшая тогда профоргом Е. А. Финько (позже она перешла в отдел картографии) и Т. П. Грязнова (сейчас инженер по технике безопасности Института) нашли маленький одноэтажный особняк в 1-м Хвостовом переулке, который должны были перевести в разряд нежилых помещений. В этом домике мы находимся до настоящего времени. Здесь до революции жил директор располагавшейся неподалеку женской гимназии. Потом в нем была коммуналка, расселить которую было непросто. При ремонте под обоями обнаружили газеты первого десятилетия XX века. Весь особняк для нашего отдела был слишком велик и половину его занял отдел палеогеографии, ныне лаборатория эволюционной географии. Он переместился из подвала в приарбатском переулке Аксакова, ныне Филипповский переулок. С палеогеографами геоморфологи до 1971 года составляли единый отдел.

Теперь немного о борьбе за дисциплину, которую всякая уважающая себя дирекция обычно ведет с собственными сотрудниками. Я не застал те легендарные времена, когда с каждого сотрудника по субботам (работали тогда 6 дней в неделю) требовали отчет о проделанной работе за неделю. Думаю, что самое трудное в подобном отчете – это научные выводы, получить которые и за гораздо больший срок не всегда возможно. Я только слышал истории о том, как представители дирекции разъезжали по домам, проверяя, сидит ли там заболевший сотрудник, или, игнорируя бюллетень, где-то шляется.

Но я еще застал довольно частые, но нерегулярные (чтобы не успели подготовиться) проверки. Чаше всего целая делегация представителей дирекции, парткома и профкома приходила к началу рабочего дня. В каждом подразделении имелась особо сберегаемая конторская книга с заранее пронумерованными страницами: «Табель учета посещаемости». Ее в народе прозвали «Уходником». Сотрудникам часто было необходимо с утра попасть на склад, съездить на академическую автобазу для подготовки к выезду в экспедицию, подписать разнообразные документы, побывать в академическом издательстве, получить книги в библиотеке или просто просмотреть новую научную литературу, поработать с картами в спецчасти Института. Все это, с указанием часа убытия и прибытия надо было отметить в «Уходнике», где каждая запись должна была быть заверена подписью начальника или ученого секретаря отдела. Если ты видел в окно или слышал, что по коридору идет комиссия, то лихорадочно старался записать опоздавших или забывших отметить в грозной книге. Изображал руководящую подпись довольно похоже, что я могу объяснить только повышенным чувством ответственности за дисциплину, постоянной практикой и надеждой, что, в свою очередь, спасаемый тобою поможет в трудный час и тебе.

О соцсоревновании

Подведение итогов социалистического соревнования за прошедший год, выявление лучших отделов Института было одним из «любимых» занятий прежних лет. Как профоргу отдела мне несколько раз пришлось участвовать в нем.

Длилось подведение не менее месяца, состояло из нескольких этапов и сопровождалось отчаянными спорами и закулисными интригами. Прежде всего, создавалась специаль-

ная институтская комиссия. Бралась правила прежних лет и перерабатывались «в духе времени». Составлялись многостраничные таблицы. В них каждый отдел должен был внести свои достижения – от количества и объема статей, монографий и другой печатной продукции до числа человеко-выходов на подшефную овощебазу. Подтасовка фактов в сторону преувеличения исключалась из-за повышенного внимания конкурентов.

Каждое достижение надо было умножить на специальный коэффициент. Вот эти-то коэффициенты менялись каждый год и были объектом постоянной критики и даже злых насмешек. Благодаря тщательно подобранным коэффициентам иногда получалось, что один доклад на международном конгрессе значил больше, чем научная монография. При этом о научной ценности того и другого и речи не было.

Заседания по поводу составления таблиц сменялись, в конце концов, спорами о местах, занятых отделами. После вынесения решения комиссией результаты предоставлялись директору; за ним оставалось решающее слово. Нередко директор, несмотря на решение комиссии, оценивал подразделения Института, используя свои, неведомые нам критерии. Надо признать, что при всех недостатках системы подведения итогов соцсоревнования в первой тройке всегда оказывались отделы, завершившие крупные научные проекты – серию монографий, большую уникальную карту и тому подобное.

Нашему отделу геоморфологии несколько раз удавалось занимать призовые, и даже первые места. Полученную премию обычно тратили на коллективную поездку, например в какой-то из городов «Золотого Кольца»: Суздаль, Ярославль и другие.

* * *

С началом 1990-х годов общественная жизнь Института, как и всей страны, изменилась. Не стало ни поездок в «колхоз», ни соцсоревнований. Молодым коллегам они, скорее всего, должны казаться не просто анахронизмом, а нелепостью, причем вредной. В целом это верно. Но важно другое. Эти нелепости в среде академического института (во всяком случае, нашего) обретали, так сказать, «человеческое лицо». И они, и капустники сближали людей, подобно тому, как это обычно бывает в наших экспедициях.

В. М. Котляков

Отдел гляциологии: первые годы

Пока мы были в Антарктиде⁸, произошли важные события. В 1957 г. начался Международный геофизический год, и для проведения исследований на ледниках по программе МГГ в Институте географии был создан новый отдел – отдел гляциологии.

Естественно, и мы со Свенельдом Евтеевым стали его сотрудниками. Международный геофизический год продолжался с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г., а в течение 1959 года исследования МГГ были продолжены как Международное геофизическое сотрудничество. В это время комплексными исследованиями был охвачен весь земной шар – от Северного полюса до Южного, включая Мировой океан, атмосферу, ионосферу и литосферу.

В СССР стационарные гляциологические наблюдения проводились на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле, Полярном Урале, Эльбрусе, ледниках Федченко на Памире, Карабаткак на Тянь-Шане, Центральный Туяксу в Заилийском Алатау, Актуру на Алтае, в горах Сунтар-Хаята, в Хибинах и под Москвой – в Загорске. В Антарктиде гляциологические работы выполнялись на советских станциях Мирный, Пионерская, Восток-1, Комсомольская, Восток и Советская. Международный геофизический год сыграл решающую роль в становлении советской гляциологии, в превращении ее из узкой академической отрасли науки в широкую науку геофизического профиля, соединенную многими цепочками связей с науками о верхней атмосфере, океане и «твердой земле».

Институт географии АН СССР организовал три полевых станции, работавших в течение двух лет в полярных условиях: на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле и Полярном Урале. На Землю Франца-Иосифа в составе экспедиции отправились мои сокурсники – Миша Гросвальд, Саша Кренке, Володя Суходровский, а на Новую Землю – мой «крестный папа» Женя Зингер. Два года этой зимовки оказались особенно сложными. Экспедиция работала в районе залива Русская Гавань на баренцевоморском побережье, как раз напротив места нашей зимовки 1955/56 г. на леднике Розе. Наблюдения вели на крупном выводном леднике Шокальского и примыкающей к нему части Новоземельского ледникового щита. Еще во время Второго МПГ (1932–1933 гг.) здесь работала экспедиция М. М. Ермолаева, и теперь предстояло выявить изменения, происшедшие с ледниками за четверть века.

Детальные исследования продолжались более двух лет. Ребята ходили в маршруты, рыли шурфы, а по соседству в это время военные готовились к испытаниям ядерного оружия. Первая бомба была взорвана на Северном острове Новой Земли 7 сентября 1957 г. Зимовщики со страхом провожали глазами рыжевато-красновато-белое облако, проплывавшее мимо на горизонте и по счастью не задевшее станции. Ядерные взрывы продолжались на Новой Земле и осенью 1958 г., что, конечно, нервировало ребят. Но научную программу надо было выполнять, и члены экспедиции регулярно ходили в маршруты.

А летом 1958 г. только что организованный отдел гляциологии потрясло пришедшее с Новой Земли трагическое известие. Сотрудник экспедиции Олег Яблонский отправился в обычный научный маршрут по леднику, но ушел один, тем самым нарушив основную заповедь работы на ледниках. Он шел по известному всем пути, где, казалось бы, был исхожен каждый метр льда. Трещины оставались сбоку, что делало дорогу безопасной. Но на ледниках десятки разных препятствий подстерегают человека. Так было и на этот раз. Бурное таяние ледника вызвало к жизни стремительные потоки воды, которые на плоских участ-

⁸ См. очерк Котляков В. М. «Мои первые шаги в Институте географии».

ках превратили поверхность в «снежные болота». Одно такое болото встретилось на пути Олега, ему пришлось обойти опасный участок, но осталось главное русло ручья, заполненное быстро несущейся снежно-водяной «кашей». Один неверный шаг, и Олег оказался в густом как кисель потоке. И некому было подать руку помощи...

А 15 июля 1968 г. не вернулся из снегомерного маршрута по леднику Гергети на Кавказе сотрудник нашей экспедиции Борис Кутний. Хороший альпинист, он, видно, понадеялся на свое умение ходить по ледникам и тоже отправился в маршрут в одиночку. Лишь к вечеру следующего дня его обнаружили глубоко в трещине, но было уже поздно. На леднике отпечатались его шаги сбоку от тропы. Зачем он сошел с нее? И почему был один? Увы, на эти вопросы уже некому было ответить.

По окончании зимовок отдел гляциологии Института стал быстро расти; небольшая комната, выделенная в доме в Старомонетном переулке, уже не вмещала и малой части сотрудников отдела. Пришлось срочно искать помещение, и вскоре мы его обрели в подвале кооперативного дома на Ленинском проспекте, как раз напротив здания Президиума Академии наук. Именно в этом доме жил организатор и первый руководитель отдела, наш всеобщий любимец Г. А. Авсюк.

Начиная с 1937 г. деятельность Г. А. Авсюка неразрывно связана с Институтом географии АН СССР. В первые послевоенные годы он изучал геоморфологию Тянь-Шаня и составил геоморфологическую карту горных районов Юго-Восточного Казахстана в масштабе 1:1 000 000. Григорий Александрович стал инициатором и создателем первого горного стационара в нашей стране – Тянь-Шаньской высокогорной физико-географической станции. Много сил отдала станции и жена Авсюка Маргарита Ивановна Иверонова, снеговед; она тоже там много раз зимовала. Авсюк возглавил работы на этой станции и сам вел наблюдения на ледниках хр. Терской Ала-Тоо вплоть до 1951 г., когда станцию передали во вновь образованную Академию наук Киргизской ССР. Уже тогда стало очевидным, что ум и сердце ученого принадлежат гляциологии, любовь к которой он сохранял всю свою жизнь. Он проводит новаторские по методике исследования горных ледников Тянь-Шаня, ищет черты сходства и различий в ледниках плоских вершин Терской Ала-Тоо и ледниковых куполах Земли Франца-Иосифа, отправляется в Антарктиду, чтобы понять природу древних оледенений умеренных широт.

Первые шурфы.

Первые маршруты.

Исследованиями на тянь-шаньских ледниках плоских вершин Г. А. Авсюк установил, что питание холодных горных ледников может происходить не только путем накопления

фирна, но и в результате поверхностного намерзания талой воды, т. е. за счет наложенного льда. По существу, это было географическое открытие, сделанное в 1947 г. Авсюком независимо от пришедших в те же годы к подобному выводу П. А. Шумского на основе исследований на ледниках Земли Франца-Иосифа, шведского географа В. Шютта по работам на ледниках Лапландии и швейцарского гляциолога Ф. Мюллера по исследованиям на ледниках Канадского Арктического архипелага. Так в системе гляциологической зональности была открыта зона ледяного питания, широко распространенная на ледниках Арктики и внутриконтинентальных гор.

Все мы относились к Григорию Александровичу с любовью, глубоким почтением и уважением, а многие просто боготворили его. Мягкий и доброжелательный, он создавал дух сердечности и товарищества как в личных, так и в деловых отношениях, и это, безусловно, было одной из причин единства и плодотворности советской школы гляциологии.

Григорий Александрович происходил из старых русских интеллигентов, которые всегда заботились о своей чести и достоинстве своих сотоварищей. Его отец, «старорежимный» военный, уже будучи глубоким стариком, застал первые поездки Григория Александровича в 1950-х годах за границу в связи с организацией Международного геофизического года. В те времена оформить документы для поездки за рубеж было далеко не просто. Глядя на суету и хлопоты сына, оформляющего загранпаспорт, старик назидательно сказал: «Что ты, Гриша, все суетишься? Поди, дай дворнику рубль, он тебе враз выправит паспорт».

Собственно, подвал, в котором размещался отдел, представлял собой бомбоубежище: несколько глубоко расположенных проходных комнат, совершенно изолированных от внешнего мира, с мощной принудительной вентиляцией. Но никто на это не обращал внимания. Каждое утро комнаты заполнялись молодежью, которая с энтузиазмом занималась обработкой полученных с таким трудом материалов, горячо обсуждала результаты и строила новые, далеко идущие планы. Трижды в неделю работал кружок по изучению английского языка – все понимали, что скоро этот язык будет совершенно необходим и для собственной работы, и для неизбежного роста связей с гляциологами всего мира.

Отдел гляциологии стал самым крупным и самым молодежным в Институте. Его костяк составляли недавно окончившие географический факультет Московского университета. Средний возраст научных сотрудников отдела в конце МГГ – в 1959 г. – был 32 года. Очень скоро был организован постоянно действующий научный семинар, на котором еженедельно собиралась вся научная молодежь отдела. Каждый старался рассказать своим товарищам о только что полученных результатах, поделиться своими соображениями. И пускай эти доклады подчас содержали не проверенные еще гипотезы или были ошибочны в каких-либо исходных предположениях – они все равно приносили пользу общему делу, потому что всегда верен старый как мир афоризм, говорящий о том, что в споре рождается истина. Многие подумывали о диссертациях, ведь в то время в отделе были лишь единицы специалистов с ученой степенью.

Спустя несколько лет появилась возможность послать нашего сотрудника в Париж для работы в ЮНЕСКО. Г. А. Авсюк пришел за советом ко мне. Я сразу отвел свою кандидатуру и предложил С. Евтеева, полагая, что ему гораздо больше по душе подобная деятельность. Так и оказалось; вскоре Свенельд уехал в Париж и стал на всю жизнь международным чиновником от науки, дослужившись до заместителя директора ЮНЕП.

Благодаря Г. А. Авсюку отдел имел тесные связи с Академией наук и через Институт, и помимо него. Атмосфера в отделе, несмотря на его молодость, была вполне академичной, и мы строго следовали второму параграфу устава Императорской Санкт-Петербургской академии наук, гласящему:

«§ 2. Обязанности Академии Наук относятся вообще к следующим главнейшим предметам:

а) Она старается расширить пределы всякого рода полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая оные новыми открытиями.

б) Она имеет попечение о распространении просвещения и о направлении оного ко благу общему.

в) Она старается приспособлять полезные теории и следствия опытов и ученых наблюдений к практическому употреблению».

А планируя новые исследования, мы помнили о соответствующем указе Петра Первого: «...Всем чинам, на службе состоящим, а также мануфактур-советникам и прочим важных ремесловых заведений персонам напомнить надлежит. Все прожекты зело исправны быть должны, дабы казну зряшно не разорять и отечеству ущерба не чинить. А кто прожекты станет абы как ляпать, того чина лишу и кнутом драть велю...»

И хотя отдел занимал особое положение в Институте, и территориально и тематически, все мы активно участвовали в жизни Института географии АН СССР. В ту пору, когда основную массу Института составляли младшие научные сотрудники и лаборанты, работал совет молодых ученых и регулярно проводились молодежные конференции. И было популярнейшее мероприятие – поездки «по меридиану».

Такие поездки представляли собой путешествия 15–20 молодых научных сотрудников Института на автомашине к югу от Москвы с посещением разнообразных природных зон и ландшафтов. Это были своеобразные курсы повышения квалификации, которыми руководил уже не молодой Г. Д. Рихтер, а главным «командором» поездок был Е. М. Зингер. В экспедициях участвовали представители разных географических специальностей, включая гляциологов. Казалось бы, прямого научного выхода из этих поездок не было, но все участники, многие из которых стали докторами наук, говорили о несомненной их пользе именно для последовавших затем научных изысканий. Это подтверждало мысль, высказанную академиком А. Б. Мигдалом: «Научный работник не должен задаваться целью сделать открытие, его задача – глубокое и всестороннее исследование интересующей его области науки. Открытие возникает только как побочный продукт этого исследования».

В эти первые годы становления отдела я сблизился с Альбертом Бажевым, который вскоре стал моим помощником во многих делах. Его научные исследования были посвящены внутреннему массообмену и строению ледников. Он разработал концепцию о внутреннем инфильтрационном питании ледников и создал целую систему методов его измерений и расчетов.

Альберт Бесланович был прирожденным полевиком-исследователем. Зимовки и стационары, маршруты и ледовые лаборатории, чрезвычайно трудоемкие и высокоточные наблюдения в фирновых областях ледников разных районов – на Новой Земле, Кавказе, в Антарктиде, на Памире, Тянь-Шане – ему все было подвластно. Даже в самых тяжелых, иногда критических ситуациях его надежность и спокойствие обеспечивали успех для всех.

Хотя Альберт Бесланович прожил 45 лет в Москве, Кавказ оставался для него родной землей. Поэтому он многие годы работал на Эльбрусе, Марухском леднике, а в 1978 г. взялся организовать Северо-Кавказскую научную станцию Института географии и возглавил на долгие годы большой коллектив Кавказской комплексной экспедиции.

А в середине 60-х годов, после завершения обработки новоземельских материалов, Альберт Бажев начал свои многолетние исследования на Памире. Двумя годами раньше, в 1963 г. произошла знаменитая подвижка ледника Медвежьего на Центральном Памире, с которой, собственно, начались мировые исследования пульсирующих ледников. Летом 1963 г. в этот район выехала группа наших ученых во главе с Л. Д. Долгушиным, который впоследствии много лет работал на этом леднике и сумел предсказать его следующую подвижку, случившуюся через десять лет. А. Бажев летом 1965 г. провел сложные наблюдения в области питания ледника Медвежьего, благодаря чему стал ясен режим этого лед-

ника, и возникло понимание причин его внезапных подвижек. Здесь же он проводил эксперименты по искусственному зачернению ледника.

В 1965 г. была организована Шпицбергенская экспедиция – вновь гляциологи отправились в Арктику, на этот раз на норвежский архипелаг. В руках исследователей теперь было более совершенное оборудование, что позволило не только провести традиционные измерения режима ледников, но и отобрать керн из ледниковой скважины, пробуренной до коренного ложа на глубине 213 м. Этот керн был использован для изотопно-геохимических анализов, выполненных в Москве и Таллинне. В отделе была разработана радиоаппаратура с непрерывной фоторегистрацией отраженных сигналов от поверхности ледника и его ложа, что дало возможность провести радиозондирование ледников с вертолета. Шпицбергенская экспедиция, продолжавшаяся три полевых сезона, оказалась очень плодотворной: на базе этих исследований была опубликована большая книга об оледенении архипелага. Полевые работы отдела на Шпицбергене были возобновлены в начале 70-х годов и практически не прекращаются до сих пор.

К 1964 г., когда были построены первые жилые кварталы в Новых Черемушках, отдел получил новое помещение – несколько квартир в цокольном этаже жилых домов. Мы радовались дневному свету, свежему воздуху, зелени деревьев, видимых из окон, и по первости не замечали крашенных бетонных стен и низких потолков. Но вот когда В. Брумель совершил рекордный прыжок на высоту 232 см и мы попытались отметить эту высоту на стене в нашей комнате, стены не хватило – потолок оказался ниже.

Атласы. Школа сотворчества

Н. Н. Дрейер, В. М. Котляков

Атлас снежно-ледовых ресурсов мира

Быстро возрастающий во второй половине XX в. объем гляциологической информации со всей остротой поставил вопрос о ее хранении и доступности специалистам смежных областей науки и практики. Во многих науках сейчас стоит вопрос, как хранить все возрастающий объем информации и не просто хранить, но и сделать его доступным для широкого круга пользователей. Вопрос о хранении данных неизбежно заставляет задуматься о сжатии информации и ее систематизации. Здесь есть два взаимно дополняющих пути: использование электронных носителей информации и картографическая интерпретация данных, т. е. применительно к гляциологии – картографирование всех нивально-гляциальных объектов и явлений по единому плану в атласе.

Советский Союз имел самый большой в мире опыт по картографической оценке природной среды. Примером тому служат созданный в Институте географии АН СССР Физико-географический атлас мира (1964), а также Атлас Антарктики (1966), Атлас Арктики (1985), Атлас океанов, региональные атласы. В этой статье речь пойдет об уникальном проекте создания Атласа снежно-ледовых ресурсов мира.

Прошло уже более десяти лет с момента его выхода в свет. Цель создания этого Атласа заключалась в глобальной оценке запасов снега и льда, характеристике их режима, изменчивости и возможностей использования. С его структурой и картами ныне знакомятся все, кто интересуется снежным покровом, ледниками, снежными лавинами, морскими, речными и подземными льдами. Но даже самые общие сведения позволяют представить, какой колоссальный объем информации включен в это произведение и как много труда вложено в его создание.

В Атласе на 400 страницах помещено более тысячи карт. Он состоит из 17 тематических разделов, а масштабный ряд его карт имеет широчайший диапазон: от мелкомасштабных карт земного шара 1:90 000 000 и 1:60 000 000 до карт отдельных ледников в масштабах от 1:250 000 до 1:25 000.

Идея создания такого Атласа зародилась у В. М. Котлякова в начале 1960-х годов. Это идея не гляциологического, а по существу, общегеографического атласа, каким он практически и стал. Наша уверенность в нужности и возможности его создания как-то очень быстро передалась сотрудникам отдела гляциологии, а потом и всем гляциологам Советского Союза. Это было потрясающее время – 1970–80-е, когда почти 300 человек одновременно и согласованно работали по единой программе.

Первое предложение о создании Атласа снежно-ледовых ресурсов мира было высказано В. М. Котляковым от имени Секции гляциологии на расширенном заседании Междуминистерственного комитета 25 октября 1973 г. Международная комиссия снега и льда 29 марта 1974 г. поддержала идею создания такого атласа в СССР, а Межправительственный совет по Международной гидрологической программе ЮНЕСКО в 1975 г. включил его составление в эту программу. Наконец, 2 октября 1975 г. Секция наук о Земле Президиума АН СССР приняла решение о начале работ по созданию такого Атласа.

Атлас снежно-ледовых ресурсов мира, а таким стал этот проект после первых месяцев обсуждения его идеи, должен был составить обширное картографическое произведение, в котором по единой программе будут показаны особенности природы и процессов во всех районах Земли, где постоянно или временно существуют снега и льды. Идея увлекла многих

гляциологов, гидрологов, климатологов, и вскоре эти работы стали самым крупным гляциологическим проектом в СССР. Можно смело утверждать, что подобных работ не было во всем мире.

Первые два года (с октября 1973 по октябрь 1975 г.) в отделе гляциологии Института географии АН СССР велись большие подготовительные работы, чтобы как можно более убедительно и наглядно представить содержание и значимость предлагаемого проекта. Получив «добро» Академии наук СССР и заручившись международной поддержкой, мы приступили к организации работ над проектом: формированию редакционной коллегии и созданию авторского коллектива.

Когда Атлас был уже издан, трудно поверить, что удалось почти все задуманное изначально. Среди многих условий успеха главных, пожалуй, два. Во-первых, вековые традиции российской школы географических атласов, а во-вторых, централизация науки в советское время, когда тематика институтов формировалась сверху. Это не требовало дополнительного финансирования, работа выполнялась, как говорили тогда, «в плановом порядке». Именно такая организация дела позволила привлечь к Атласу до 30 научных учреждений, однако главный успех был обеспечен энтузиазмом самих участников работ, прокладывавших новые пути в науке.

В создании Атласа приняли участие институты Академий наук СССР и союзных республик, Министерства высшего и среднего специального образования, Госкомитета СССР по гидрометеорологии и контролю окружающей среды, Министерства путей сообщения СССР, Госстроя СССР и учреждения Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. В списке авторов карт Атласа оказалось 240 фамилий. Некоторые авторы составили по одной – две карты, другие – серии из десяти и более карт.

В 1975 г. была сформирована Редколлегия Атласа, состоящая из бюро (ответственный и главный редакторы, их заместители, ученый секретарь редколлегии), членов редколлегии, редакторов разделов и кураторов регионов – всего 40 человек. Этот состав редколлегии был утвержден 2 октября 1975 г. вице-президентом АН СССР академиком А. П. Виноградовым. Ответственным редактором стал Г. А. Авсюк, его заместителями тогдашние руководители Главного управления геодезии и картографии И. А. Кутузов и Гидрометеослужбы СССР В. И. Корзун. Главным редактором назначили В. М. Котлякова, его заместителем стала В. И. Кравцова из МГУ, а ученым секретарем – Н. Н. Дрейер. В заседаниях Редколлегии принимали участие академик И. П. Герасимов, профессора К. А. Салищев, П. А. Шумский, О. А. Дроздов и др.

В самом начале работ совместно с Главным управлением геодезии и картографии был составлен очень важный и необходимый документ – «Положение об Атласе снежно-ледовых ресурсов мира». В нем были сформулированы задачи, права и обязанности Редакционной коллегии Атласа в целом, бюро и членов Редколлегии, очерчен круг вопросов, рассматриваемых на заседаниях Редколлегии, четко определены задачи и порядок работы авторов, редакторов и рецензентов карт, очерчена деятельность учреждений, участвующих в составлении Атласа. Позднее к «Положению» был добавлен документ «Порядок подготовки и контроля авторской документации по картам Атласа снежно-ледовых ресурсов мира», где определялась очередность подготовки редакционных и авторских документов и основные требования к ним.

Объявлена всеобщая мобилизация.

Заметим, что кроме научно-организационного значения «Положение об Атласе снежно-ледовых ресурсов мира» имело важный юридический смысл. В нем был пункт 7.1: «Все работы по составлению, рецензированию и редактированию карт Атласа выполняются в плановом порядке за счет средств учреждений-исполнителей, поэтому выплата авторских гонораров не производится». Особенно внимательно относился к этому пункту ГУГК, которое имело опыт издания картографических произведений, рожденных вне этого ведомства.

Огромную роль на всех этапах создания Атласа играла Секция гляциологии и ее печатный орган «Материалы гляциологических исследований». Секция гляциологии была создана по решению Советского геофизического комитета в 1960 г. Ее первым председателем был Г. А. Авсюк, а ученым секретарем В. М. Котляков. Основной целью работы Секции было объединение разобщенных энтузиастов гляциологии в ассоциацию профессионалов своей науки. Для достижения этой непростой цели Секция регулярно проводила научные симпозиумы и конференции. Начиная с 1962 г., каждые три, а затем каждые четыре года в разных городах Советского Союза проходили всесоюзные гляциологические симпозиумы, собиравшие до 200 и более участников. Кроме того ежегодно проводились совещания и

школы-семинары, на которых присутствовало до ста человек. Эта система встреч позволила на неофициальной основе объединить усилия разных творческих коллективов, проводить дискуссии во время полевых экскурсий, поддержать создание гляциологических ячеек в ряде союзных республик, помочь становлению молодежи.

С 1961 г. Секция гляциологии стала издавать серию «Материалы гляциологических исследований. Хроника, обсуждения». По существу это был академический журнал по гляциологии, статус которого он обрел через 50 лет, в 2010 г. Однако и без официального статуса «Материалы гляциологических исследований» получили широкую известность во всем мире. А в Советском Союзе это издание служило сплочению специалистов, занимавшихся проблемами снежного покрова, ледниками, мерзлотными процессами и близких отраслей науки. Все они были хорошо известны друг другу, успешно работали в совместных проектах и регулярно общались. Все это облегчало и упрощало создание авторского коллектива Атласа, создавало «базу» для широкого общения во время ежегодных совещаний Секции гляциологии, позволяло регулярно освещать ход работ по Атласу и научные вопросы его составления. С этой целью в «Материалах гляциологических исследований» был открыт специальный раздел «К созданию Атласа снежно-ледовых ресурсов мира».

Заседания Редколлегии Атласа в период становления проекта проходили два раза в год, а на этапе авторской и составительской работы большее значения приобрели рабочие совещания и семинары, а Редколлегия собиралась один раз в год. На завершающем этапе авторских работ заседания Редколлегии снова проводились дважды в год в виде трехдневных сессий, на которых утверждались к публикации карты Атласа. Официальным заседаниям предшествовали двух – трехдневные совещания, на которых редакторы разделов и кураторы регионов детально рассматривали представленные на утверждение карты, сопровождающие их графические материалы и необходимую документацию. Квалифицированный просмотр подготовленных материалов был весьма ответственным процессом и растянулся более чем на год.

Рабочие совещания по Атласу проходили обычно зимой в академическом пансионате Мозжинка под Звенигородом или в каком-либо ином недорогом подмосковном доме отдыха. Нередко обстановка была спартанская, но кто на это обращал внимание! Целыми днями заседали группы специалистов, картографы искали пути лучшего воплощения идей, приходивших в головы ученых, возникали жаркие споры и у доски, и в столовой, и в уголках коридоров. А по вечерам собирались вместе, чтобы попеть и потанцевать, но и тут можно было увидеть в углах зала спорящих и рассуждающих людей. Счастливые время!

В 1985 г. утвержденные на Редколлегии материалы проходили просмотр в учреждениях Госкомгидромета, Военном топографическом управлении и в ПКО «Картография» ГУГК. Издание Атласа заняло довольно много времени, так как пришлось на конец 1980-х – начало 90-х годов – трудное время для страны. В поисках места для его публикации Отдел наук о воде ЮНЕСКО командировал главного редактора Атласа В. М. Котлякова в Кембридж для переговоров в Cambridge University Press. Однако, увидев характер, многообразие представленных для публикации материалов, главный редактор издательства по естественной литературе признался, что в Кембридже напечатать Атлас невозможно – слишком сложная и дорогая работа. И посоветовал поискать место для публикации на территории бывшего Советского Союза.

Поэтому ГУГК принял решение передать атлас для издания в Киевское научно-редакционное картосоставительское предприятие. Там была проведена подготовительная работа к изданию, но по соображениям технической оснащенности и большого опыта издания крупных картографических произведений публикация Атласа была выполнена на лучшей в советское время картфабрике в Минске. Получить деньги на издание было очень не просто. И мы должны высказать огромную благодарность Российской академии наук, которая все

эти годы находила нужные нам средства, и с небольшим запозданием, к 1997 г. Атлас был издан. Нельзя не отметить с некоторой ностальгической грустью, как относительно просто (но не легко) шло наше сотрудничество с картпредприятиями тогда уже самостоятельных государств – Белоруссии и Украины.

Главная идейная основа Атласа была разработана В. М. Котляковым, А. Н. Кренке и М. Г. Гросвальдом. В основу многих карт, создававшихся впервые, легла концепция нивально-гляциальных систем и полей их характеристик, развернутая в статьях В. М. Котлякова и А. Н. Кренке, и представления М. Г. Гросвальда о широком развитии ледниковых покровов в позднем плейстоцене, в том числе его идея об обширном ледниковом щите, сковавшем в те времена Северный Ледовитый океан.

При составлении карт были использованы кадастровые материалы: каталоги, справочники, ежегодники, материалы режимных наблюдений по международным программам, сведения о колебании ледников Всемирной службы мониторинга ледников. Для малоизученных областей, таких, например, как Южная Америка и Центральная Азия, использовалась космическая информация. Так, в программу подготовки космонавтов тех лет ввели краткий курс гляциологии, а опытные наблюдения космонавтов проводились под руководством гляциологов на Памире с борта вертолета. Полученные космонавтами знания были применены во время их полетов на советских спутниках и орбитальных станциях. Пик гляциологических наблюдений пришелся на период работы орбитальной станции «Салют-6» с космонавтами Юрием Романенко и Георгием Гречко. Они сообщали с орбиты: «Ледники видны отлично. На фоне буро-красной поверхности они кажутся белыми шапками, надетыми на горные исполины...»

Одна из основных трудностей при составлении карт заключалась в том, что работы по всем тематическим разделам пришлось начинать одновременно, хотя их логическая взаимозависимость диктовала определенную последовательность. Однако это сильно удлинило бы работу над Атласом. Поскольку коллектив привлеченных специалистов был велик и разнообразен, большую роль приобретала координация взаимодействия всех участников работ. Она велась по нескольким направлениям: были составлены согласованные и взаимоувязанные планы; проводились рабочие совещания и семинары для обсуждения методических и других вопросов; авторы смежных разделов обменивались текущими результатами работ.

Большинство территорий, освещаемых в Атласе, находятся в высокогорье и полярных широтах, где научных станций совсем немного и экспедиционных наблюдений недостаточно. Поэтому в процессе составления Атласа был создан ряд расчетных методов для получения режимных параметров, характеризующих природу малоизученных горно-ледниковых районов. В основу таких разработок положена уже упомянутая концепция нивально-гляциальных систем и их полей.

Летом 1977 г. большая часть членов Редколлегии Атласа совершила поездку на Памир, преследовавшую цель апробировать на природе методические указания по составлению Атласа. Около 25 человек – ведущих составителей Атласа – в течение месяца проехали по Памирскому тракту, проводя наблюдения в ключевых местах: в Алайской долине и у пика Ленина, на оз. Каракуль и в долине р. Акбайтал.

Снежно-ледовый атлас издан!

С использованием разработанных методов впервые были построены карты осадков, температурных условий, стока в высокогорье. На картах разных масштабов впервые удалось представить сведения о твердых осадках: их абсолютное и относительное количество, интенсивность и продолжительность выпадения, высотную изменчивость, длительность периода с осадками разных видов – твердых, жидких и смешанных.

Впервые составлены карты климатических характеристик, имеющих первостепенное значение для существования снега и льда: продолжительности теплого периода, средней летней температуры воздуха, суммы положительных значений температуры воздуха, карты полей средней летней температуры воздуха на высоте границы питания ледников и др.

Многие из указанных на картах характеристик генетически связаны между собой. На основе выявленных генетических связей удалось провести согласование карт, что повысило их достоверность.

При создании Атласа параллельно велись теоретические, методические и картографические исследования. Атлас не только отобразил уже известные и изученные явления, но и сам стал инструментом для новых научных разработок. Совместный анализ карт Атласа позволил не только качественно, но в ряде случаев количественно оценить значение снежно-ледовых ресурсов в географической оболочке Земли на всех уровнях: от речных бассейнов до системы атмосфера – океан – суша – оледенение.

Так, анализ климатических карт Атласа позволил выявить основные глобальные закономерности распределения термических характеристик горно-ледниковых стран в целом и нивально-гляциального пояса в частности. Оказалось, что термические условия в нивально-гляциальном поясе гор определяются его высотным положением в большей степени, чем температурным фоном конкретного горного региона. Установлена четкая зависимость снежности от процессов атмосферной циркуляции: и в Северном и в Южном полушариях снежность возрастает при меридиональной циркуляции, а уменьшается при зональной. Удалось подсчитать, что затраты тепла на таяние снежного покрова втрое замедляют прогрев атмосферы.

Атлас снежно-ледовых ресурсов стал, по-видимому, одним из последних географических атласов, созданных в классической манере. На смену идут электронное картографирование и компьютерное составление карт, кардинально меняющие облик и содержание географических атласов. Но предложенные в процессе работы над Атласом методы расчетов и построения карт в условиях недостатка исходной информации не потеряют своего значения долгие годы. Поэтому, наряду с завершением составительских работ, по решению Редколлегии была подготовлена «Программа и методические основы составления Атласа снежно-ледовых ресурсов мира», опубликованная в 1992 г. в специальном выпуске «Материалов гляциологических исследований» № 74. Там же в качестве приложений опубликованы: 1) положение об Атласе снежно-ледовых ресурсов мира; 2) порядок подготовки и контроля авторской документации; 3) ход работ над Атласом (материалы заседаний и решения Редколлегии); 4) материалы дискуссий и публикаций по вопросам составления Атласа; 5) библиография научных статей, опубликованных в процессе работы над Атласом (всего 239 названий).

С большой благодарностью следует отметить постоянную помощь Отдела по воде ЮНЕСКО. Среди ведущих сотрудников Отдела работали советские представители – Ю. Н. Богоявленский и сменивший его М. И. Русинов. Поскольку решением Межправительственного совета по Международной гидрологической программе в апреле 1975 г. составление Атласа было включено в эту программу, стараниями Ю. Н. Богоявленского ЮНЕСКО оказало финансовую поддержку поездкам по разным странам для сбора недостающих материалов. Ежегодное составление и «пробивание» таких контрактов требовало больших усилий. Однако состоялось около десятка таких поездок, в результате которых было получено много интересных и нужных материалов, прежде всего крупномасштабных карт и данных исследований в малоизученных районах. Мировое гляциологическое сообщество относилось к созданию Атласа снежно-ледовых ресурсов мира очень благожелательно, несмотря на времена «холодной войны» охотно делилось самыми разными материалами.

Атлас снежно-ледовых ресурсов мира стал вкладом СССР и России в Международную гидрологическую программу ЮНЕСКО. Чтобы облегчить использование Атласа за рубежом, все его тексты (титульные листы, предисловие, условные знаки, оглавление, названия карт, подписи к фотографиям) были даны на русском и английском языках.

Закljučая этот краткий очерк о создании Атласа снежно-ледовых ресурсов мира, нужно сказать о том, что эта многолетняя работа протекала с исключительным энтузиазмом. Более 200 ученых из самых разных мест Советского Союза – от Таллинна до Владивостока и от Апатитов до Душанбе – имели общую цель и старались найти наилучшие пути к ее достижению. Постоянное общение, совещания, дискуссии, острые дебаты и согласованные решения – все это было характерно для работы над Атласом.

Этот и другие наши атласы на выставке в Пекине демонстрирует Н. Н. Комедчиков.

Спустя год после издания Атласа в здании Президиума РАН, в кабинете вице-президента Академии академика Н. П. Лаверова состоялась официальная презентация Атласа в присутствии корреспондентов из многих газет и телевидения. Говорились хвалебные речи и теплые слова в адрес составителей, а мы вспоминали двадцать лет, прошедшие в исключительно доброжелательной, деловой и дружеской атмосфере обширного коллектива единомышленников и сожалели, что это золотое время нашей жизни закончилось. И мы могли смело утверждать: практически оказалось выполнено все, что было изначально задумано.

Н. Н. Комедчиков **Работа, которая объединяет**

Создание атласов – эта та работа, которая объединяет всех географов. Именно в комплексных атласах каждый географ может представить результаты своих исследований, при этом согласуя и проверяя свои гипотезы с результатами и данными других географов, также представивших результаты в атласе в виде карт. Конечно, очень часто географы занимаются исследованием и изучением небольших по размеру географических объектов, локальными процессами и явлениями. В атласе, как правило, необходимо наглядно отобразить более крупные географические объекты, глобальные закономерности, процессы и явления для всей Земли в целом или ее крупных частей. А это уже другой масштаб исследований, другие

подходы к организации научного процесса познания и представления результатов, необходимость кропотливого сбора данных и изучения многочисленных источников по теме исследования, касающихся всей Земли. Это значит – необходимость изучения научных статей, книг не только на родном языке, но и на многих языках мира. Для развития такого широкого научного кругозора и глобального научного мышления требуются большие силы, научное упорство, усердие и даже научный педантизм в сборе и оценке разнообразного, часто разнородного и противоречивого материала. Далеко не всякий ученый-географ в силу различных причин способен выйти за рамки своего важного, но ограниченного размерами локального объекта исследования, своей важной, но локальной научной географической проблемы и посмотреть на все более широко – глобально. Такие ученые-«глобалисты», как правило, выступают идейными научными вдохновителями создания глобальных обобщающих научных географических трудов в виде фундаментальных комплексных географических атласов мира и составляют в конечном итоге основной костяк научного коллектива географов-экспертов и географов-редакторов, их разрабатывающих. Весь опыт создания комплексных мировых атласов в Институте географии – яркое тому подтверждение.

Ученый географ-картограф, как правило, менее ограничен «узостью» рамок своих исследований. Он более широко смотрит на предмет исследований других географов в силу своей профессиональной картографической специализации и широкой общей географической подготовки, по сути, имеет дело не с реальным географическим объектом, а с его научной «проекцией», существенно уменьшенной и генерализированной наглядной графической моделью, односторонне или многосторонне характеризующей то или иное свойство реального географического объекта. Картограф в своей работе всегда мыслит картографическими образами. Его пространственное мышление более четко выражено и нагляднее проявляется, чем у географа-некартографа. Он четче и логичнее графически выражает сущность географического объекта или явления, более стройно и последовательно представляет иногда субъективную авторскую интерпретацию об объекте объективными средствами картографического отображения, свободно оперирует картографическими способами изображения. Все это позволяет зачастую самый сложный географический объект, явление или процесс выразить простыми и понятными графическими средствами. На картографа ложится всегда и организующая роль авторского коллектива любого атласа. Именно картограф выступает главным организатором всей работы над атласом, тонким «режиссером» творческого научного процесса, создателем и творцом научного «рождения» атласа, своеобразным «скульптором», отсекающим ненужный шум и помехи из авторской «глыбы» научных географических знаний и фактов.

Прочная связка картографа и географа в совместной и взаимодополняющей работе над атласами в Институте географии дали блестящие результаты, высоко оцененные научной общественностью и отмеченные в ряде случаев различными премиями и наградами. Это относится как к атласам мира – физико-географическому, снежно-ледовых ресурсов, «Природа и ресурсы Земли», «Наша Земля», так и к национальным атласам – Кубы, Монголии, Вьетнама, России, в создании которых активную роль сыграли многие научные сотрудники Института географии, а также к региональному комплексному «Атласу Курильских островов» и тематическим атласам – палеогеографическим атласам-монографиям и «Атласу природных и техногенных опасностей и рисков в Российской Федерации».

Все эти атласы создавались в разное время, разными темпами и с разными исходными условиями и целями. Но все они, безусловно, составляют гордость Института географии, более того – гордость отечественной географии и картографии. Они являются, на мой взгляд, главными итогами развития отечественной географии и картографии, и можно сказать одними из лучших образцов мировой картографии как по глубине научной географической разработки и содержанию, так и по дизайну и полиграфическому исполнению. Послед-

нее в полной мере относится, прежде всего, к «Физико-географическому атласу мира» и «Атласу Курильских островов», изданным в разное время (в 1964 г. и 2009 г. соответственно), но на высочайшем полиграфическом уровне. Кроме того, они уникальны как по содержанию, так и по детальности проработки. Это особенно ощущаешь, когда через твои руки уже прошли или проходят сотни, если не тысячи атласов – отечественных и зарубежных – на международных картографических выставках, в библиотеках, дома, и есть возможность сравнить их между собой.

История создания атласов в Институте географии стала общей историей нашего Института, частью отечественной и мировой истории географии и картографии. Вспоминая моих коллег, работавших над созданием этих атласов, хочется отдать должное каждому, с благодарностью отметить их важную роль в общем деле, особенно отметить тех, кто наиболее сильно повлиял на мое становление как географа и картографа.

Атлас природной среды и природных ресурсов мира

Я пришел в Институт географии АН СССР после двухлетней службы в Армии, куда нас, выпускников географического факультета МГУ 1982 года, призвали почти всех. Это был октябрь 1984 г. Отдел картографии в то время был довольно большим – более 20 сотрудников под руководством Александра Алексеевича Лютого. Одно из направлений работ в отделе – создание «Атласа природной среды и природных ресурсов мира» – ПСЕРМа, как его тогда все называли. Работа над атласом шла неспеша и, я бы сказал, не очень заметно на общем фоне других работ отдела. Больше внимание, на мой взгляд, в лаборатории уделялось внедрению и развитию новых автоматизированных технологий – использованию отечественных ЭВМ в картографии (слово «компьютер» в то время фактически не употреблялось). Для продвижения этих исследований была создана специальная группа, куда вошел и я. В работах по созданию ПСЕРМа, таким образом, я на первых порах не участвовал и, стоит признаться, о них почти ничего и не слышал – настолько вяло они продвигались. Лишь гораздо позднее мне стали известны некоторые детали истории создания атласа.

В конце 1960-х годов, когда в Институте под руководством И. П. Герасимова создавалась серия монографий «Природные условия и природные ресурсы СССР», и возникла идея создания нового варианта «Физико-географического атласа мира» (ФГАМ). Постановлением Президиума АН СССР за № 014 от 21 января 1972 г. Институту географии предлагалось приступить к подготовке нового издания. В лаборатории географического дешифрирования аэрокосмических снимков (!), а затем в отделе картографии начались работы по составлению списка карт, разработке методических указаний. В них принимали участие Г. М. Белякова, Н. Ф. Леонтьев, Е. А. Миронова, Р. С. Нарских, Ж. А. Полевая, Г. А. Правоторова, И. Н. Чукленкова. Первоначальное название атласа повторяло название серии монографий «Природная среда и природные ресурсы мира». С 1974 г. создание атласа было включено в планы Института. Научным руководителем работ по атласу был директор Института Иннокентий Петрович Герасимов, куратором – заведующий отделом картографии Николай Федорович Леонтьев, а после его ухода на пенсию в 1978 г. новый заведующий – Александр Алексеевич Лютый, ответственным исполнителем – Людмила Николаевна Ильина. Составление и оформление экспериментальных образцов карт выполняли инженеры-картографы О. М. Брегман, А. Ф. Захарова, Н. К. Ивченко, М. Н. Калабина, Л. С. Курбатова, А. М. Окунева, П. К. Рубайло, С. Н. Тихова, М. С. Чевкина, Л. В. Щепеткова, Л. П. Яшенкова.

Работа над атласом существенно активизировалась только в 1988 г., когда для завершения авторского оригинала атласа был создан временный творческий коллектив во главе с Л. Н. Ильиной. Местом его работы стала комната главного здания. В состав временного коллектива вошли сотрудники из других подразделений Института географии Д. С. Асоян,

В. В. Барыкина, Н. Л. Братцева, Р. Г. Грачева, Р. А. Лотов, С. В. Одессер, О. М. Порожнякова, И. С. Сергеева, Н. А. Тимофеева, Е. А. Финько, в 1989 г. – Г. Н. Витвицкий, Л. В. Хмелевская и Т. П. Никитина. Составлением отдельных тематических блоков карт руководили Э. Б. Алаев, А. А. Асеев, Н. С. Благоволитин, А. А. Величко, Н. Ф. Глазовский, Н. Н. Дрейер, Ю. А. Исаков, Н. А. Караваева, Г. Я. Карасик, А. Н. Кренке, Ю. Г. Липец, Я. Г. Машбиц, Е. Л. Райх и др. Работа над атласом объединила фактически всех сотрудников ИГАН. Редактирование карт выполняли ведущие редакторы-картографы отдела – Лариса Владимировна Логинова, Римма Сергеевна Нарских, Елизавета Александровна Финько и приглашенные с геофака МГУ Татьяна Викторовна Котова и Лениана Федоровна Январева. Для редактирования карт атласа в ИГ АН была принята в качестве консультанта легенда отечественной картографии, профессор Ирина Павловна Заруцкая.

С редакторским корпусом у меня сложились самые тесные и добрые отношения. Особенно часто мне приходилось общаться с Риммой Сергеевной Нарских. Она вызывала у меня всегда самое большое уважение, ее советы по работе были для меня особенно авторитетными. С Риммой Сергеевной я работал не только по созданию и редактированию одних и тех же карт ПСЕРМа в качестве соавтора, но и вместе с ней, практически вдвоем, мы подготовили к изданию трехтомную библиографию научно-технической литературы по картографии, приложив много труда к систематизации и сортировке библиографических карточек по тем или иным разделам, сбору источников и выяснению содержания некоторых публикаций. Это была очень дружная, четкая и важная часть нашей совместной работы, закончившаяся изданием библиографии в трех томах при поддержке специально полученного мной гранта РФФИ.

Я очень благодарен судьбе, что она свела меня по работе и подарила общение с Риммой Сергеевной, человеком, необычайно преданным своему делу, Картографу с большой буквы, специалисту высочайшего класса, человеку принципиальному, честному, в высшей степени ответственному, аккуратному во всех делах и чрезвычайно скромному. Я многому научился у Риммы Сергеевны. Ее советы по работе и само ее отношение к работе навсегда остались в моей памяти. Ее безвременная кончина в 1997 г. с болью в сердце отозвалась во мне. Я часто вспоминаю Римму Сергеевну и буду ее помнить всегда.

Что касается карт, которые мы совместно делали с Риммой Сергеевной для ПСЕРМа, то это были карты биосферных резерватов мира и объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Тогда еще не было Интернета, практически недоступны были новейшие публикации ЮНЕСКО и Всемирного фонда охраны дикой природы, поэтому сбор материалов по этим темам осуществлялся по крупицам, с широким использованием реферативного журнала «География», заказом литературы в библиотеках и т. п. Для получения последних (самых новых) списков охраняемых объектов я заказал специальную литературу в соответствующих международных организациях за рубежом и мне ее прислали. Правда, за книгу по памятникам Всемирного наследия ЮНЕСКО мне пришлось из собственных средств заплатить большую по тем временам сумму (около 100 долларов США), зато тогда мы смогли с Риммой Сергеевной полностью обновить всю информацию по картам атласа и были тем самым очень довольны. Сложнее было с поиском карт биосферных резерватов. Границы наиболее больших по площади резерватов необходимо было показать на карте в соответствии с ее масштабом. Помню, мне опять за соответствующей информацией пришлось обращаться в различные зарубежные администрации национальных парков и заповедников.

За Риммой Сергеевной на мировой карте были закреплены Южная Америка и Африка, за мной – все остальные континенты. Римма Сергеевна всю жизнь специально занималась географией Южной Америки и скрупулезно собирала материал по геоморфологии, использованию земель, охраняемым природным территориям и другую информацию по этому кон-

тиненту. Она, безусловно, была лучшим специалистом географом-картографом в СССР по Южной Америке. Она основательно знала всю выходящую географическую литературу по этому континенту, имела хорошую личную библиотеку по его географии, составила очень детальные карты Южной Америки – геоморфологическую и земельных угодьев, вышедшие в «Физико-географическом атласе мира» (1964 г.) и в составе «Карты земельных угодьев мира» (1986 г.) масштаба 1:15 000 000.

К середине 1990-х годов, уже после моей защиты на геофаке МГУ кандидатской диссертации, после состоявшегося раскола лаборатории картографии (группа автоматизации стала самостоятельным подразделением ИГ АН) и перехода ряда сотрудников лаборатории в другие подразделения института и в СП «Дата+», я был привлечен к созданию ПСЕРМа – главной теме лаборатории картографии в 1990-е годы. Не все в работе над атласом шло гладко. Сменился ответственный исполнитель работ. После ухода Л. Н. Ильиной из института им стала Е. А. Финько, на мой взгляд, главный локомотив всего проекта. Роль Елизаветы Александровны в организации всех работ по атласу настолько велика, что без нее вряд ли атлас был бы завершен. Елизавета Александровна обладала блестящими организаторскими способностями. Она никогда не опускала руки и не пасовала перед возникающими трудностями. Она была настойчива, целеустремленна и решительна в достижении поставленных целей. Ее неиссякаемая энергия, оптимизм заряжали всех нас и вселяли уверенность в успешном окончании работ над атласом. Я очень уважал Елизавету Александровну за это. Кроме того, она отвечала, на мой взгляд, за самые сложные разделы атласа – геологический и геоморфологический, что еще более возвышало ее в моих глазах. Когда работы по атласу были уже на стадии завершения, Елизавета Александровна ушла на заслуженный отдых. Тому были причины, связанные с ее здоровьем. Усиливавшиеся боли в позвоночнике не давали ей работать, все более приковывая ее к постели.

Елизавета Александровна была очень открытым и гостеприимным человеком. Я вспоминаю чудесные выезды всей нашей лабораторией на дачу к Е. А. Финько в Кратово, где мы весело и дружно отмечали наши праздники и небольшие победы – масленицу, завершение работ по атласу и др.

Елизавета Александровна очень хорошо относилась ко мне и часто делилась со мной новостями, возникающими трудностями по работе над атласом, давала советы и напутствия.

Благодаря Елизавете Александровне в нашей лаборатории выполнялся совместный австралийско-российский проект в рамках сотрудничества с Гриффитским университетом (г. Брисбан) по созданию базы данных и ГИС численности населения СССР на даты послевоенных переписей. Дочь Елизаветы Александровны Марина жила и работала в г. Брисбане, и также активно участвовала в этом проекте. Елизавета Александровна приложила много сил, чтобы работа по проекту была успешно выполнена. В результате наших работ в Российском государственном архиве экономики были переведены в электронный вид итоговые данные всех четырех переписей населения СССР (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), существовавшие только на бумаге. В 2007 г. мы разместили эти данные на нашем портале «География» в сети Интернет для свободного использования. Кроме того, была создана геоинформационная основа административно-территориального деления СССР масштаба 1:1 000 000 на дату переписи населения СССР 1989 г., соединенная непосредственно с самой базой данных этой переписи. Работа была выполнена колоссальная, и она вселила в нас уверенность, подтвердила наши возможности небольшим коллективом ставить и решать крупные и трудные задачи с привлечением современных компьютерных технологий. Этот первый опыт нам очень пригодился в конце 1990-х – начале 2000-х годов при полном переходе всей работы лаборатории на компьютерные технологии.

ПСЕРМ же готовился полностью традиционным способом, но в отличие от ФГАМа он был дополнен отечественными космическими снимками, подготовленными Госцентром

«Природа». Материалы космических съемок не только уточняли содержание карт атласа, но и имели самостоятельное значение. В разработке космического обеспечения атласа участвовали Д. С. Асоян, В. Г. Бострем, Ю. Г. Кельнер, Л. В. Логинова, Н. Н. Малахова, Р. С. Нарских, В. И. Рябчикова, В. В. Свешников, Ю. С. Тюфлин, Л. Ф. Январева и др. Снимки были удачно подобраны на различные уникальные и типичные уголки и ландшафты мира. Они наглядно и выразительно отображали особенности природопользования в разных частях мира, характер поселений и уровень урбанизированности, степень проявления различных процессов, ландшафты и антропогенные изменения природной среды. Каждый снимок сопровождался пояснительным текстом. К сожалению, при издании атласа не удалось достичь высокого качества печати космических снимков, что несколько снизило их привлекательность.

Составление и оформление авторских оригиналов карт по авторским эскизам проводили под руководством редакторов и авторов карт инженеры отдела (И. П. Косковецкая, Н. И. Кукушкина, Т. А. Новичкова, П. К. Рубайло, Т. В. Русина, Т. В. Рыхлова, С. Н. Тихова, Л. П. Яшенкова). Каждый инженер был прикреплен к тому или иному редактору. Благодаря сплоченной и дружной работе большинство авторских оригиналов карт атласа к середине 1990-х годов были завершены. Параллельно прорабатывался вопрос об издании атласа. Развал страны, отсутствие в новой России картографических фабрик, которые могли бы подготовить атлас к изданию и его издать, и главное, тяжелейшие финансовые условия 1990-х годов сделали невозможным издать атлас в России. К поиску зарубежного партнера, способного завершить этот проект за свой счет, привлекли «Зарубежгеологию», имевшую опыт сотрудничества с подобными проблемами на зарубежном рынке. В конце концов, такую зарубежную фирму, готовую вложить собственные средства в подготовку атласа к изданию и его издание, нашли в Австрии. Это согласилась сделать, как считали все мы, на взаимовыгодных условиях картографическая фирма «Эд. Хельцель ГмбХ» (Ed. Hülzel GmbH) из Вены. На самом деле для австрийского партнера это был определенный риск. Научные издания подобного типа нигде в мире не выпускаются большими тиражами, а требуют больших финансовых затрат на их подготовку. При этом все тексты атласа, легенды, названия на картах необходимо было дать на английском языке, а это дополнительные затраты. Более того, по условиям контракта австрийская сторона должна была не только подготовить к изданию и издать атлас, но и безвозмездно 200 экземпляров атласа передать в Институт географии РАН, кроме того, напечатать для этих 200 экземпляров книги-приложения всех текстов и легенд, содержащихся в атласе, на русском языке и, наконец, перевести в Институт географии достаточно солидную по тем временам сумму денег за приобретение прав на распространение атласа по всему миру, кроме России. Это, безусловно, был очень выгодный для нашего Института контракт, хотя высказывались и противоположные точки зрения.

Австрийская фирма, по-видимому, чтобы минимизировать свои затраты, подготовку атласа к изданию осуществила в Братиславе, где это сделать можно было существенно дешевле, чем в Вене. Атлас вышел в 1998 г. под названием «Природа и ресурсы Земли» в двух томах с параллельными названиями карт на русском и английском языках. Само издание было осуществлено тоже в довольно дешевом варианте: карты изданы односторонней печатью, а переплет выполнен на шурупах. В картографической практике такая печать и переплет встречаются крайне редко, так как пользоваться подобными изданиями довольно неудобно (каждую мировую карту необходимо разворачивать, потому что она в таком переплете сложена пополам, односторонняя печать увеличивает количество печатных листов в два раза, а, следовательно, бумажный объем и вес атласа увеличивается тоже в два раза). Тем не менее, получив причитающийся Институту географии тираж, мы все были очень довольны, что атлас был наконец-то издан, хотя форма издания и качество печати нас не вполне устраивали. Но в тех условиях это было огромное достижение, и мы все очень гордились проделанной работой.

Хотя атлас и был издан на английском языке, но он не получил каких-либо отзывов в англоязычных профессиональных географических и картографических журналах в отличие, например, от «Физико-географического атласа мира» 1964 года, получившего в свое время восторженные оценки в американской картографической литературе, хотя и был издан только на русском языке. Атлас также никак не был отмечен и на Международной картографической выставке в Оттаве в 1999 г., где он впервые демонстрировался. Я думаю, главная причина этого заключается в не очень высоком качестве его полиграфического исполнения. По глубине научной проработки и содержащейся в атласе географической информации он, безусловно, не имеет аналогов в мире. Это крупнейшее фундаментальное географо-картографическое издание, содержащее фактически полный свод современных знаний в целом о Земле на пороге третьего тысячелетия. Именно с этой точки зрения он и получил высокие оценки и положительные отзывы в нашей стране. За его создание коллектив авторов – Д. С. Асоян, А. А. Величко, М. Е. Виноградов, Н. А. Караваева, В. В. Киселев, В. М. Котляков, Т. В. Котова, А. Н. Кренке, Ю. Г. Леонов, Л. В. Логинова, А. А. Лютый (посмертно), Р. С. Нарских (посмертно), Е. А. Финько, Л. Ф. Январева – в 2002 г. был удостоен Федеральной службой геодезии и картографии России премии имени Ф. Н. Красовского. Мне пришлось представлять наш атлас на том заседании Роскартографии, на котором и было принято заслуженное решение о премировании моих коллег.

Об Александре Алексеевиче Лютом

*«Суха теория, мой друг, а древо жизниечно зеленеет»
(И. В. Гете)*

Картограф, д.г.н. (1990), профессор, академик РАН (1995). В Институте в 1977–2001 гг., зав. лабораторией картографии

Всеми нашими работами в те годы руководил заведующий лабораторией картографии Александр Алексеевич Лютый, человек очень авторитетный в наших профессиональных кругах, большой теоретик картографии, хороший организатор работ, но обладавший довольно противоречивым характером, проявлявшимся как во взглядах на жизнь, так и в его отношениях к людям. Александр Алексеевич высказывал много интересных идей по теоретическим проблемам картографии и развитию новых направлений исследований в картографии. Именно благодаря его идеям в лаборатории картографии получили развитие такие новые направления картографических исследований как топологические, семиотические, оптимизационные и др. А. К. Суворовым, например, была блестяще разработана методология топологических картографических изображений. В лаборатории успешно внедрялись автоматизированные методы создания карт и разрабатывалось собственное программное обеспечение. Мной были разработаны методы оптимизационного математико-картографического моделирования, которые я защитил в виде кандидатской диссертации на географическом факультете МГУ в 1990 году, а также проведены исследования по истории эволюции языка карт. Большое внимание уделялось библиографическим работам в области картографии, а также систематизации и описанию эколого-географических карт, которые в большом количестве стали появляться в статьях, монографиях, в виде отдельных изданий с середины 1980-х годов. Все эти исследования шли в соответствии с идеями и представлениями А. А. Лютого о перспективных направлениях развития картографии. Но следует признать, что далее выдвижения идей Александр Алексеевич обычно не шел. Практически все эти направления развивались без его участия или какого-либо активного вмешательства с его стороны. С одной стороны, это давало нам свободу научного творчества, но, с другой стороны, вызывало недоумение к такому положению дел. Может быть, это частично было связано с тем, что Александр Алексеевич сам работал над завершением своей докторской диссертации, которую он успешно защитил в 1990 г. в Киеве в Институте географии АН УССР.

Защита А. А. Лютым докторской диссертации стала важным событием картографической жизни. В ней он вслед за польским картографом Л. Ратайским, советскими картографами М. К. Бочаровым и А. Ф. Асланикашвили развил новое направление теории картографии – языково-семиотическое, разработав теорию языка карты, названную им картономией. Не всеми она была принята, но среди нас, молодых в то время научных сотрудников лаборатории, она нашла полное понимание и поддержку. Более того, ее основные положения позднее были включены в программу для сдачи кандидатского минимума по картографии в аспирантуре Института географии. Александр Алексеевич также был приглашен заведующим кафедрой картографии геофака МГУ А. М. Берлянтом для чтения спецкурса в МГУ студентам-картографам. Мы гордились Александром Алексеевичем и всегда прислушивались к его советам.

Свою теорию А. А. Лютый изложил в монографии «Язык карты: сущность, система, функции» (1988 г.), которую нам удалось переиздать уже после смерти Александра Алексеевича в 2002 г. с некоторыми исправлениями редакционно-технического характера, заново

подготовленными иллюстрациями, новым вступлением, написанным А. М. Берлянтом, и в твердом переплете.

А. А. Лютый после защиты своей диссертации всецело сосредоточился на ПСЕРМе, занимаясь просмотром и редактированием карт атласа и пояснительных текстов к ним. Тяжелая финансовая обстановка в стране и в Институте, нестабильность, конфликты властей в 1990-е годы и ряд других факторов, в том числе личностные взаимоотношения в коллективе, остро сказались и на нашей лаборатории картографии. Большинство научных сотрудников лаборатории, кандидатов наук, и несколько инженеров ушли из лаборатории – кто в другие подразделения, а кто-то в другие организации, часть коллектива лаборатории при поддержке дирекции организовалась в новое подразделение Института географии. Все эти события, конечно, имели в каждом случае свои причины, но не в последнюю очередь они были связаны и с позицией заведующего лабораторией.

Первый комплексный ГИС-атлас «Наша Земля»

Атлас ПСЕРМ по структуре изначально был полным аналогом «Физико-географического атласа мира», то есть, кроме карт мира, в нем предусматривались и карты континентов. К началу 1990-х годов стало ясно, что тематических карт континентов в атласе не будет, так как они существенно увеличивали бы объем атласа. Многие из них уже были подготовлены, хотя далеко и не все. Эти карты после определенной доработки могли быть использованы в каком-нибудь новом атласе, проекте. И вскоре такой проект появился. В начале 1990-х годов в Институт географии приехал глава известной американской фирмы ESRI Джек Даджермон с целью организации в России фирмы, которая бы продвигала на российском рынке геоинформационные продукты ESRI. Ему были показаны материалы ПСЕРМа. Именно тогда и родилась идея создания электронного атласа на базе этих материалов и геоинформационных программных продуктов ESRI. Так как уже во всю шли переговоры об издании ПСЕРМа и использовать материалы атласа, включающие карты мира, не представлялось возможным, то для создания нового электронного атласа решили использовать карты континентов, которые не вошли в ПСЕРМ.

С 1993 г. в лаборатории картографии совместно с СП «Дата+» при технической и финансовой поддержке американской фирмы ESRI inc. начались работы по созданию первого в мире электронного атласа континентов «Наша Земля» на базе программных продуктов ArcInfo и ArcView. Все работы по географо-картографическому содержанию атласа и подготовке авторских оригиналов карт легли на мои плечи. Александр Алексеевич Лютый, занятый подготовкой к изданию ПСЕРМа, полностью доверял мне в этой работе и поддерживал ее. За компьютерную подготовку ГИС-атласа отвечала Нина Яковлевна Лебедева, бывшая наша сотрудница, перешедшая в СП «Дата+». Работа шла очень дружно. Мы с Ниной Яковлевной находили полное взаимопонимание. Все было четко организовано: подготовка авторских оригиналов тематических карт континентов, их цифрование, редактирование с привлечением наших редакторов-картографов, согласование карт друг с другом, написание текстов и их перевод на английский язык. От ESRI нас курировал Дэн Шерилл, с которым работать было очень легко. В создании нового электронного атласа приняли участие практически все сотрудники нашей лаборатории, в то время уже небольшой по количеству. Они участвовали в составлении авторских оригиналов карт, вычерчиванию на пластиках графических слоев отдельных карт, которые затем оцифровывались, в том числе и в США. В ходе работ была впервые разработана методика создания подобных геоинформационных атласов, а также проходил тестирование развивающийся в ходе создания атласа новый программный продукт ESRI – ArcView. Именно в эти годы я близко познакомился с ведущими учеными-географами нашего Института, а также специалистами из других орга-

низаций, которые принимали в нем участие в качестве авторов. Несколько тематических карт континентов для атласа сделал и я сам. Окончательная сборка, оформление и тиражирование ГИС-атласа на CD проводились в США в фирме ESRI.

Первый в мире электронный комплексный атлас нового типа – ГИС-атлас – вышел под названием ArcAtlas «Our Earth» («Наша Земля») на английском языке и впервые был представлен на XVIII Международной картографической конференции в Стокгольме в 1997 г. До сих пор этот атлас – один из активно распространяемых ESRI в мире электронных картографических произведений.

Таким образом, работы по ПСЕРМу, продолжавшиеся более 25 лет, в итоге вылились в два продукта – в традиционный бумажный атлас и ГИС-атлас, подготовленный менее чем за 5 лет. По окончании работ все осознавали, что подобный новый мировой атлас вряд ли появится в ближайшее время, а может быть и вообще больше никогда не появится в таком виде и объеме. Слишком велики трудозатраты на его подготовку – 25 лет.

Новые времена

Конечно, в новых условиях никто не сможет позволить себе затратить столько времени на подготовку атласа, и никто не будет финансировать такие длительно создающиеся произведения. И это подтвердили все последующие наши работы по созданию комплексных атласов. В лаборатории создавались авторские оригиналы и были изданы в относительно короткие сроки «Атлас природных и техногенных опасностей и рисков в Российской Федерации» (2005 г.), второй том Национального атласа России «Природа. Экология» (2006 г.), «Атлас Курильских островов» (2009 г.). Подготовка этих произведений в короткие сроки потребовала от всех нас высокого напряжения сил, полной отдачи, четкой организации труда. Сокращению сроков работ над атласами способствовала и революционная смена картографических технологий подготовки к изданию атласов. На рубеже веков произошел полный переход на компьютерные технологии на всех этапах картографического производства – от составления карт до их верстки и даже печати.

Все эти атласы смогли появиться на свет благодаря нашему дружному коллективу редакторов, картографов-составителей, сумевших освоить новые технологии, благодаря во многом не растроченному еще энтузиазму и большой любви к нашему общему делу, к нашей любимой профессии. Мне хочется от души поблагодарить всех сотрудников лаборатории картографии, которые вместе со мной принимали самое активное участие в создании этих атласов – Долорес Самуэловну Асоян, Наталью Ивановну Кукушкину, Ларису Владимировну Логинову, Татьяну Андреевну Новичкову, Тамару Владимировну Русину, Татьяну Васильевну Рыхлову, Александра Георгиевича Хропова.

В. А. Колосов

Лаборатория (Центр) геополитических исследований

Истоки

До 1980-х гг. *политическая география* оставалась экзотической и в целом периферийной отраслью советской географии: несколько диссертаций по материалам зарубежных стран, да «постановочные» статьи в ведущих журналах с признанием важности этого направления – вот практически и все, что составляло ее багаж. Но и на Западе с конца 50-х и вплоть до второй половины 70-х гг. она явно не входила в число приоритетных направлений географической науки. Все изменилось в результате создания группой английских и американских географов теоретических основ так называемой новой политической географии. В 1984 г. на 25-м Международном географическом конгрессе в Париже «новые» политические географы сделали несколько ярких докладов и добились создания в Международном географическом союзе (МГС) специальной исследовательской группы во главе с блистательным Р. Дж. Джонстоном (с 1988 г. – комиссии, с успехом существующей и поныне).

С названием ее, однако, возникли проблемы: глава советской делегации, академик И. П. Герасимов, воспротивился использованию в нем термина «политическая география». Этот термин ассоциировался с геополитикой, скомпрометированной широким ее использованием в нацистской Германии для обоснования территориальной экспансии и официально заклеянной в СССР как буржуазная лженаука. Опасались также, по всей видимости, превращения МГС в арену конфронтации между представителями Востока и Запада. Компромиссом стал довольно странный эвфемизм «политическая карта мира». Тем не менее, И. П. Герасимов сразу оценил значение и перспективы политической географии и, делая при большом стечении народа доклад на Ученом совете ИГАН о научных итогах парижского конгресса, ратовал за ее развитие и в Советском Союзе. Его активно поддерживали ведущие экономикогеографы Института, особенно Я. Г. Машбиц, посвятивший свои первые исследования именно политической географии, и Г. В. Сдасюк. Тогда, по всей видимости, и были созданы предпосылки для создания в Институте географии политико-географического подразделения – первого в нашей стране.

Я был очень рад, когда по истечении первого года работы в Институте меня перевели в мае 1986 г. в только что созданную на основе отдела географии зарубежных стран лабораторию глобальных проблем. Манили новая проблематика, интеллектуальный потенциал и дружеский климат. Естественно, не хотелось оставлять исконную для меня со студенческой скамьи политико-географическую тематику, ради которой, собственно, меня и взяли в Институт (мое заявление И. П. Герасимов подписал в больнице совсем незадолго до кончины). Однако нащупать связь между политической географией и глобальной экологической ситуацией оказалось нелегко: на это ушло добрых два года.

Эти годы были периодом широкого сотрудничества советских и американских географов. После долгих лет изоляции они «открывали» для себя друг друга. Состоялись обмены представительными делегациями, в которые входили такие крупные американские политикогеографы, как Дж. Демко, занимавший тогда посты главного географа государственного департамента США и президента Ассоциации американских географов, виднейшие специалисты по электоральной географии и региональным политическим культурам Р. Моррилл и С. Бранн, «классик» геополитики С. Козн и др. Ознакомительные визиты вылились в совместную монографию о глобальных проблемах (*Меняющийся мир...*, 1990), другие проекты. Институт географии играл в «открытии» отечественной географии заглавную роль.

Завязавшиеся тогда личные контакты переросли в многолетнее сотрудничество и многие совместные проекты.

Когда было объявлено о предстоящих выборах народных депутатов, я не мог остаться в стороне, и с головой ушел в их изучение, потратив на свои главы в «Весне-89» и другие «срочные» политгеографические работы большую часть творческого отпуска, данного мне для написания докторской диссертации. Мне удалось вовлечь в выборную тематику трех только что принятых в лабораторию выпускниц географического факультета МГУ.

Группа географов, в основном сотрудников ИГАН (Н. В. Петров, Л. В. Смирнягин, А. В. Березкин, автор этих строк и другие), выпустила ряд статей в научной отечественной и зарубежной печати, а затем и монографию с анализом итогов выборов народных депутатов СССР. Почти одновременно была подготовлена первая карта уже разразившихся и многочисленных потенциальных этнотерриториальных конфликтов в Советском Союзе, нашедшая широкий резонанс в средствах массовой информации и позже неоднократно обновлявшаяся (О. Б. Глезер, В. А. Колосов, Н. В. Петров, А. И. Трейвиш, В. Н. Стрелецкий).

Институт, как и вся страна, бурлил: семинары, советы, собрания, отчеты о многочисленных поездках, благо бюджет тогда позволял ездить и в многочисленные экспедиции, и на конференции по стране, и даже в манящую за границу. Волна демократизации отразилась в организации группы молодых ученых – в относительном, а по нынешним меркам и в абсолютном летоисчислении, отправленных в один из подмосковных пансионатов разрабатывать перспективы Института, и особенно – в невиданном раньше конкурсе научных проектов, с которыми могли выступить любые инициативные группы. Из более чем 100 проектов специальная комиссия отобрала около 60, которые затем были одобрены Ученым советом. Идея заключалась в том, чтобы реорганизовать структуру Института на основе объединения близких по тематике проектов. В их число вошел и наш политико-географический проект, на основе которого позже была образована наша лаборатория.

Между тем, наступал грозный, переломный 1991 год. Участвуя в экспертизе проектов Конституции РСФСР, мы ходили в Белый дом почти каждый вечер, как на работу, и уже научились хорошо ориентироваться в его бесконечных и абсолютно симметричных коридорах. Пойдешь не в ту сторону – наткнешься на закрытый переход или просто потратишь лишних десять минут на обход гигантского здания по периметру. «Дедлайном» многочасовых обсуждений был довольно поздний час закрытия буфета, еще не совсем потерявшего под напором демократизации лоск и ореол «закрытости» правительственного учреждения, столь контрастирующие с пустотой прилавков и грязью советских магазинов «периода последних песен». Заход в буфет был не только ритуалом общения, но и необходимостью – творог и пирожки из Верховного Совета были совсем не лишними на наших семейных столах. Однако и этот источник продовольствия иссякал на глазах.

Для меня вечерние заседания в Белом доме резко оборвались отъездом 31 марта 1991 г. почти на целый год в Бельгию, где я получил научную стипендию Брюссельского столичного региона. Там, в Брюсселе я и переживал события августа-декабря 1991 г., постояннонося с собой радиоприемник. В конце 1991 г. меня пригласили стать членом Комиссии МГС по политической карте мира. Возвращаться пришлось уже в другую страну в марте 1992 г. поездом из Брюсселя, везя компьютеры и принтеры для себя и лаборатории, уйму книг и объемистые сумки с продуктами для «голодной» Москвы. Впрочем, у других пассажиров багажа было еще больше.

В 1991 г. были завязаны научные и дружеские контакты, ставшие основой многолетнего сотрудничества. Из Брюсселя мне удалось съездить в Англию, Чехословакию, Францию, Голландию, чтобы поучаствовать в конференциях ряда комиссий МГС, посетить известные географические центры, в том числе Дом географии в Монпелье. Там родилась идея выпустить Атлас России и других бывших союзных республик, показав наследие, кото-

рое они получили от единой в прошлом страны, и первые шаги на пути перемен. На мои факсы в Москву пришло «добро» от руководства Института. Мы и думать тогда не могли, что работа растянется почти на четыре года, так как нам постоянно придется нагонять бурно развивавшиеся события. Эта работа вылилась в ряд дальнейших совместных проектов с французскими географами Р. Брюне и Д. Эккертом, продолжавшихся почти 15 лет. В Монпелье, а потом в Тулузе побывали многие сотрудники Института. Тогда же мы познакомились в Праге с профессором Джоном О'Локлином, в то время главой департамента географии университета Колорадо в Боулдере, основателем и бессменным редактором международного журнала «Политическая география», имеющим высокий индекс цитирования и репутацию очень строгого издания. Непрерывному сотрудничеству и соавторству многих сотрудников нашего Центра с Джоном исполняется 20 лет. С нашей легкой руки Джон стал специалистом по бывшему СССР.

По завершении работы в Брюсселе, не заезжая в Москву, я отправился с разрешения дирекции на полтора месяца в Центр по изучению государственных границ при департаменте географии университета в Дареме (на севере Англии). Конкретная задача состояла в выпуске брошюры о территориальных конфликтах в бывшем СССР. Поразил тогда уникальный банк данных об истории, статусе, состоянии и т. д. каждой пары сухопутных и морских границ в мире, созданный совсем небольшим коллективом. Позже мы попытались частично использовать этот опыт.

Наряду с событиями в стране, развернувшееся международное сотрудничество стало еще одним стимулом для предложения преобразовать нашу неформальную группу, работавшую по политико-географической тематике, в Центр европейских геополитических исследований⁹. Первоначально Центр был полуавтономной частью лаборатории политической и культурной географии, возглавлявшейся Ю. А. Ведениным. Юрий Александрович прекрасно видел связь между культурной и политической географией и высказал много ценных идей. В частности, он был большим поборником развития в ИГ РАН географии религии, изучения региональных политических культур, соотношения в них традиционных и инновационных элементов. Вскоре он был назначен директором Института культурного и природного наследия, но часто приходил в свою бывшую лабораторию и многим помогал нам. С октября 1993 г. Центр европейских геополитических исследований стал самостоятельной структурной единицей – первым и единственным в стране научным подразделением, специализированным на изучении теоретических проблем геополитики и политической географии¹⁰.

Незабываемые 1990-е

Хотя с самого начала ядром тематики Центра были геополитика и политическая география, мы пытались осветить территориально-политические аспекты в других проблемах, совместить общую тематику с индивидуальными интересами сотрудников, многие годы работавших над другими темами. Они вели исследования по программам «Глобальные изменения природной среды и климата» и «Экология России», изучали потоки беженцев и вынужденных мигрантов. По результатам этих исследований были сформулированы

⁹ Слово «европейских» потом выпало как сужающее нашу тематику. В начале 2005 г. в преддверии очередной проверки Института мы стали официально называться не Центром, а лабораторией. Здесь и далее мы сохраняем старое название «Центр», поскольку именно под этим именем нас знают коллеги в России и за рубежом и поскольку мы назывались так большую часть нашей истории.

¹⁰ Позже была образована лаборатория политической географии на географическом факультете МГУ во главе с В. Е. Шуваловым, группа «Меркатор» во главе с Д. Б. Орешкиным, активно занимавшаяся в том числе электоральной географией и региональными политическими проблемами, кафедра политической географии и региональной диагностики на факультете географии и геоэкологии Санкт-Петербургского университета во главе с Н. В. Калединым, а также другие научные центры с близкой проблематикой (Центр пограничных исследований Волгоградского университета и др.).

рекомендации по формированию геостратегии России. В первые годы наиболее активными сотрудниками Центра были Т. А. Галкина, О. В. Грицай, В. Н. Козлов, А. Д. Криндач, Е. В. Середина. Численный состав Центра до сокращений штата РАН достиг 15 человек, не считая аспирантов. В нем состоял и старейший сотрудник Института, д.г.н. Л. С. Абрамов (1918-2005). В последние годы Лев Соломонович много занимался журналом «Известия РАН, Серия географическая», заместителем главного редактора которого он был в течение многих лет, и активно работал над историей научных школ советского периода отечественной географии. Пока позволяло здоровье, он участвовал в заседаниях Центра, обсуждении научных докладов и диссертаций.

В условиях крайне скудного бюджетного финансирования постоянной заботой был поиск заказчиков. В те годы большинство заказных работ были краткосрочными – написать аналитическую записку или статью, подготовить доклад на конференцию, организовать каким-либо фондом. Большой спрос в первой половине 1990-х гг. был на прикладные электорально-географические исследования: выборы еще не превратились в крупный бизнес консалтинговых фирм и были конкурентными. Однако во всех случаях такие задания были связаны с главными темами, работали на решение академических задач. Из большинства прикладных работ выросли статьи в рецензируемых отечественных и зарубежных журналах, главы в монографиях. Самое главное, заказные работы побуждали активно добывать и осмысливать новую информацию, обсуждать результаты со специалистами в других общественных науках, позволяли регулярно выезжать в различные регионы России и стран СНГ. Нечего и говорить, насколько важны для географов экспедиционные, «полевые» исследования. Многие процессы просто не видны из Москвы. По всей видимости, мы стали первыми московскими исследователями, изучавшими становление российско-украинской границы, специфику политической культуры Юга России и другие темы.

Выбор основных направлений исследований в 1990-х гг. был вызван насущными потребностями – необходимостью анализа социально-политических процессов, происходящих в стране в переходный период и оценки перспектив ее развития в новой геополитической ситуации, неразработанностью многих фундаментальных положений политической географии. Наше внимание в те годы было сфокусировано на следующих теоретических проблемах:

- *Геополитические и культурно-географические факторы интеграции и дезинтеграции в постсоветском и европейском пространстве.*
- *Новое пограничье России: проблемы развития в новых геополитических условиях.*
- *Политико-культурное районирование России и география выборов.*
- *Превращение Москвы в мировой город, социальная самоорганизация населения в условиях перестройки хозяйства и поляризации городской среды.*

Актуальная и поныне фундаментальная проблема заключается в анализе влияния этнического, конфессионального и культурного разнообразия России на ее региональное развитие.

«Душа» политической географии – в изучении взаимодействия политических процессов с интегральным геопространством, которое образуется наложением пространства экономического, социального, культурного, и в присущей географии «игре масштабами». Так, на картах голосования москвичей по примерно трем тысячам избирательных участков отчетливо видны кварталы бывших ведомственных домов, поселки, включенные в черту Москвы в пору строительства кольцевой дороги, «царские села», дома министерства обороны и др.

В изучении этноконфессионального разнообразия акцент был сделан, в частности, на изучении *диаспор*. Диаспорой можно назвать не всякое меньшинство, а только такое, которое соответствует целому набору критериев. Один из них – включенность в международ-

ную, обычно многоуровневую сетевую структуру общин, развивавшуюся в ходе исторических волн миграции, накладывавшихся друг на друга. В рамках международного проекта мы изучали греческую и армянскую диаспоры в России и зарубежной Европе. Для этого потребовалось совершить несколько поездок на юг России – в Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, а также в Абхазию, которая тогда только начинала оправляться после гражданской войны. Помню, как мы приехали для интервью в еще недавно цветущее греческое село километрах в 20 от Сухума. Жизнь ушла из него: там оставались одни старики, едва сводившие концы с концами. Местные бандиты не оставляли их в покое. Полная тишина показалась зловещей. Тогда я впервые почувствовал, что наша профессия может быть и небезопасной.

Душой проектов по диаспорам была Т. А. Галкина, бессменный ученый секретарь Центра. Без нее невозможно представить себе наш коллектив – это кладезь самых разнообразных гуманитарных знаний, знаток музыки и искусства. Тамара Артаковна для всех нас – образец порядочности и интеллигентности. Она всегда полна энергии и оптимизма, искренне увлечена географией: за более чем 50 лет работы Институт стал для нее родным домом.

Много лет Центр занимался изучением нашего родного города. Все началось с избирательной кампании 1995 г. по выборам в Государственную думу, когда мы совместно с Центром геоинформационных исследований взялись в кратчайшие сроки подготовить детальные карты и политико-географические описания 15 избирательных округов города. Вряд ли это было бы возможным без такого знатока столицы, как О. И. Вендина, перешедшей после этой совместной работы в наш Центр и быстро ставшей незаменимой участницей почти всех наших проектов. Мы поставили перед собой задачу оценить трансформацию функций города и его отдельных районов в условиях геополитических и постиндустриальных сдвигов в сравнении с другими мировыми столицами. Было еще в конце 1990-х гг. показано, что Москва уверенно входит в клуб «мировых городов» и соответствует большинству их критериев, хотя по многим показателям и отстает от западных аналогов.

Новое тысячелетие: текущие работы и перспективы

В новом десятилетии Центр развивал работу по прежним фундаментальным направлениям, осваивал новые темы. Все большее место в его деятельности стали занимать геополитические проблемы, в то время как электоральная тематика после 2003 г. была постепенно оставлена. Кратко представлю тематику наших исследований в последние годы.

(1) *Геополитические концепции и императивы нового геополитического положения России.*

На разнообразном географическом и социологическом материале мы попытались доказать, что геополитическое положение страны определяется, во-первых, ее «объективным» местом в системе многообразных внешних связей. Во-вторых, оно зависит от «зазора» между местом, которое отводят стране международное сообщество и внешние партнеры, и местом, которое она занимает на карте мира в представлении собственных граждан.

В целом наши сограждане склонны видеть мир в «розовом свете» – большинство стран, по их мнению, дружественны России («нет плохих народов, есть только плохие правительства»). Однако в их сознании существуют «ось добра», пролегающая примерно между Хельсинки и Дели, и «ось зла», включающая, прежде всего, США и ряд стран Среднего Востока (Иран, Ирак, Афганистан).

Специальное место было отведено анализу и способам формирования образа России, остающемуся в западных газетах резко негативным. Эта часть исследований нашла отражение в монографии «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика» (2003) и многих статьях в отечественных и зарубежных научных и общественно-политических журналах.

(2) Адаптация нового российского пограничья к меняющейся геополитической ситуации и потенциал трансграничного сотрудничества.

Была поставлена задача выявить роль государственных границ в национальном и государственном строительстве в новых независимых государствах, рассмотреть представления о границах как элементе политической и этнической идентичности и оценить воздействие расширения ЕС на ситуацию в пограничье России. Были проанализированы европейский опыт трансграничного сотрудничества и перспективы создания еврорегионов на западных рубежах России. Мы выяснили, что разрыв в социально-экономических показателях между приграничными регионами России и соседних государств существенно углубился.

Полевые исследования проводились в регионах, граничащих с Эстонией, Финляндией и Китаем. Почти ежегодно мы выезжали на разные участки российско-украинского порубежья, которое благодаря сотрудничеству с украинскими друзьями (А. М. Кирюхин, И. Г. Савчук и др.) мы имели возможность изучать с обеих сторон границы. В 2011 г. вышла наша книга «Российско-украинское пограничье: 20 лет разделенного единства».

(3) Перспективы полицентрического развития России: федеральная столица и региональные центры.

Наши «московские» проекты органично переросли в серию проектов по крупным межрегиональным центрам России. Мы убеждены, что в таком крупном и разнообразном федеративном государстве, как Россия, крупнейшие города – межрегиональные центры должны стать локомотивами развития для нескольких соседних субъектов РФ. Это способствовало бы укреплению целостности страны и усилению интеграционных тенденций. Формирование крупных центров межрегионального влияния способно уменьшить территориальные диспропорции, политическую напряженность и потенциал конфликтов. Сверхвысокая концентрация ряда важных функций в столице – угроза устойчивому развитию страны.

(4) Непризнанные государства в современном мире и бывшем СССР: проблемы соседства, географические факторы развития и легитимность. Эта тема – развитие выполненного нами в начале 2000-х гг. проекта о Приднестровском конфликте. Поставлены задачи определить воздействие политического статуса Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха на их хозяйство, сравнить уровень жизни населения в них с соседними регионами, оценить межэтнические отношения и легитимность политических режимов, взгляды населения на перспективы этих республик. Для этого в 2009–2010 гг. проведены уникальные представительные опросы.

Еще с конца 1990-х гг. мы стали широко использовать в наших исследованиях *социологическую информацию и методы*. Были организованы несколько общероссийских опросов, а также опросы, экспертные интервью и фокус-группы в Москве, пяти регионах Северного Кавказа, в Белгородской и Харьковской областях, Ленинградской и Псковской областях. В этой деятельности Центр опирался на сотрудничество с Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Аналитическим центром Юрия Левады.

Как и раньше, практически ежегодно мы организуем международные мероприятия – совместные экспедиции или небольшие рабочие семинары с нашими зарубежными коллегами, участвующими в совместных проектах. На них мы всегда приглашаем «посторонних» экспертов и специалистов, в том числе и из других городов. Такие семинары прошли не только в Москве, но и Екатеринбурге, Ростове, Ставрополе, Владикавказе, Махачкале. Удалось также организовать и довольно крупные конференции с несколькими десятками иностранных участников.

Дело в том, что еще в 1996 г. меня избрали председателем Комиссии МГС по политической карте мира, наконец, переименованной не так давно в Комиссию по политической географии. В 2000 г. коллеги предложили мне остаться на этом посту на второй возможный по уставу срок – до 2004 г. Наша комиссия – одна из крупных (около 500 членов из 70 стран)

и наиболее активных в МГС. В ней немало ученых с мировым именем. Я считал своим долгом созвать несколько конференций в России. Это впервые удалось сделать в Ставрополе с помощью нашего доброго друга, проректора Ставропольского университета В. С. Белозерова, а затем при содействии нашего коллеги В. А. Горбанева на базе МГИМО в Москве. В 2006 г. меня избрали вице-президентом, а затем первым вице-президентом МГС. Одна из сессий его исполкома прошла в Москве. Конечно, в этих мероприятиях самое деятельное участие принимали сотрудники нашего Центра.

Сотрудники лаборатории, 2011 г. Слева направо: А. А. Гриценко, А. А. Герцен, М. В. Зотова, В. А. Колосов, Т. А. Галкина, Ф. А. Попов, О. И. Вендина, А. Б. Себенцов.

Предварительные итоги

Используя заглавие известной книги Э. Рязанова, можно задать себе «юбилейный» вопрос: что удалось и что не удалось сделать за истекшие 17 лет? Удалось, как нам кажется, быть первыми в разработке многих актуальных тем, которые затем были подхвачены и изучены – возможно, глубже – другими коллективами и авторами.

Удалось сохранить работоспособный коллектив. Если использовать любимый пункт в отчетах разного рода комиссий, то, по всей видимости, мы пока конкурентоспособны на «мировом уровне» – по крайней мере, если судить по числу публикаций в строго рецензируемых международных журналах и выступлениях на разных конференциях и конгрессах. За 17 лет существования Центра его сотрудниками было опубликовано 22 книги, в том числе 10 зарубежных или совместных изданий; 620 статей, в том числе более трети из них в международных и зарубежных изданиях; десятки аналитических записок и докладов. Только за последние пять лет (2006-2010) вышло около 500 научно-популярных и педагогических публикаций (статей в энциклопедиях и журналах, брошюр и др.). Защищено шесть канди-

датских диссертаций и одна докторская. Мы работали над грантами, поддержанными не только РФФИ или РГНФ (они у нас есть постоянно) и другими российскими организациями, но и Европейскими рамочными программами, Национальным научным фондом США, государственными научными фондами Франции, Нидерландов, Институтом Открытое общество (Прага), Фондом Джованни Аньелли (Италия).

По-моему, совсем неплохо, если учесть крайне ограниченное число активных «штыков» и непреходящую скудость бюджетного финансирования. Если кто-то говорит о «низкой эффективности» РАН, пусть посчитает среднее число и среднюю стоимость публикации в международном журнале у нас и наших западноевропейских и американских коллег! Известно, что именно по числу публикаций в *международных* журналах (а не монографий!) сейчас оценивают за рубежом научные коллективы.

По академическим меркам, наш коллектив молод. Четверым сотрудникам меньше 30. Тем не менее, мы потеряли много молодежи. Среди них были способные аспиранты и докторанты. Они успешно начинали работу над диссертациями, но были вынуждены ее бросить: прожить на академических хлебах без внешней поддержки невозможно. Не всех, не всегда и не в должной мере удавалось поддерживать за счет различных проектов и заказных работ. Возможности финансирования по нашей основной работе за все эти годы нисколько не расширились. Более того, государственные фонды – РФФИ и РГНФ – не раз недоплачивали нам десятки тысяч рублей по грантам. Заказных работ стало меньше, поскольку консалтинговый бизнес давно уже сформировался и редко нуждается в «аутсорсинге». Нередко именно поэтому наши бывшие товарищи встали перед дилеммой: либо профессиональный консалтинг с хорошей оплатой, либо академические исследования. Та же дилемма, в сущности, стояла и перед нами как научным подразделением. Можно было по крайней мере с конца 1990-х гг. специализироваться по какой-либо одной крупной проблеме – например, в пограничных исследованиях или «геосоциологии». Такая специализация сулила определенные преимущества в перспективе, но означала риск остаться без грантов в ближайшее время. Поэтому приходилось работать по достаточно широкой тематике. В этом были и плюсы («академическая» широта видения, необходимость постоянно искать новые темы), и минусы. Что получилось – то получилось.

**В. А. Соколова и Л. В. Щекина
(записи бесед с А. В. Дроздовым)
Наша библиотека**

*Я сижу и читаю поэта. В зале¹¹ много людей, но их не замечаешь.
Они – в своих книгах. Время от времени они пошевеливаются между
страниц, как спящий между двух снов поворачивается во сне. Ах, как
же хорошо быть среди читающих.*

Райнер Мария Рильке. «Записки Мальте Лауридса Бригге»

**Рассказывает Валерия Андреевна Соколова.
Библиограф. Старейшая сотрудница**

Когда в 1956 г. я закончила институт, меня оставили в Москве и направили в ВИНТИ. Когда я туда пришла, то там было место временное – там у них сотрудница в декретный отпуск ушла. Я попросила направить меня на постоянную работу. И вот меня посылают в Академию наук, в старое здание¹², потому что оттуда поступила заявка, что нужна сотрудница в библиотеку Института географии. И мне там говорят: «Направляем в Институт географии, так как Вы – географ».

Здесь было все совсем по-другому, не так как сейчас. Я сразу все здесь полюбила, потому что все это было очень камерно. Я ведь до десятого класса болталась в Библиотеке им. Ленина. Потом был десятый класс, институт. А здесь для меня это было нечто домашнее и уютное.

Тогда здесь работала чудесный человек – Вера Александровна Гиппенрейтер. Она, между прочим, училась в одной школе с А. Н. Формозовым и СЮ. Геллером. И сотрудники библиотеки, и читатели – это было единое целое. Они приходили сюда с самого утра и сидели все время. Читальный зал и библиотека – все было в одной комнате. Кое-кто сидел на антресолях. В основном молодежь.

Но внизу за столами места всегда были заняты: Э. М. Мурзаев, Я. И. Фельдман, СЮ. Геллер, А. Н. Формозов, Б. Л. Дзердзеевский – вот эта вся плеяда. Я ведь училась по их учебникам.

¹¹ Герой «Записок» пишет о читальном зале Национальной библиотеки Франции.

¹² Это Александрийский или Нескучный дворец, бывшая усадьба князя Н. Ю. Голицына.

В отделе абонементов.

Начинала, как и все новички, с работы на абонементе. Но я сразу библиографией занялась под «крылом» Елены Александровны Степановой.

В библиотеку ходили все – вся дирекция, заведующие отделами, знаменитые ученые. Для них библиотека была, по-моему, родной дом. Они всю периодику, все новые книги брали, в общем, всю новую литературу. Григорьев приходил. Там была такая банкетка низенькая, садился на нее и читал. Разговаривали все шепотом. Теперь, с появлением компьютера и Интернета, в читальном зале народу не так много.

Замечательным был наш Библиотечный совет. Тогда еще существовала подписка, но деньги были скудные, и надо было выписывать только то, что очень нужно. Совет рекомендовал разные книги. Но каждый отстаивал свой журнал, труды по своей специальности. Караваяева, например, всегда отстаивала «Почвоведение». Это не были люди дирекции, не были заведующие отделами. Это были специалисты по всем областям географии.

Как и раньше, так и сейчас наша библиотека – это часть БЕНа, Библиотеки по естественным наукам Академии наук СССР (теперь России). Это ее отдел в Институте географии.

Постоянной заботы требовали и требуют наши каталоги. Этим делом руководила Елена Александровна. Тогда классификация была только общая – метеорология, гидрология и т. д. – без подразделений, без региональной части. То есть она была, но по республикам – внутри не было деления на дисциплины. И эта структура была задана «сверху» – есть специальные требования по классификации. Но одно дело это библиографическое описание, есть обязательные данные, которые обозначены в книге, ты обязан их отобразить в библиографическом описании. А систематизация допускает некоторую свободу. Некоторые книги издаются со схемой систематизации – ты ею можешь пользоваться, но можешь дополнить. Я дополняю теми рубриками, которые там необязательны. Но я считаю, что для нас они обязательны! Для библиографов, работающих с географической литературой. Потому что можно поставить просто геоморфология и все, а можно раздробить. Дать перекрестные ссылки.

Сейчас в библиотеке появились новые, молодые сотрудники, они компьютеры знают. Так что новые поступления заносятся в компьютер, а затем выставляются на сайте.

Рассказывает Людмила Васильевна Щекина. Заведующая библиотекой

Когда я пришла, уже все было в современном виде, при мне начались только переезды из одних подвальных хранилищ в другие, а все эти комнаты были, они не менялись.

Но менялись фонды. Самые большие поступления были в 1970–1980-е годы, включая и валютные подписки. Это началось с приходом нового директора БЕНа – А. Г. Захарова, он новую жизнь вдохнул в старый БЕН, и мы вышли на международные позиции, он наладил общее взаимодействие с зарубежными библиотеками и издательствами.

Наша же более узкая инициатива действовала в 1950-е годы. Тогда мы осуществляли большой книгообмен со многими зарубежными организациями. Они получали наши издания на русском, на английском, на немецком языке и так далее...

Был у нас еще большой фонд трофейной литературы, основную часть которого вернули, как это положено. Елена Александровна Степанова лазила по полкам, тушью замазывала их штампы, чтобы не было видно, что мы книги из их библиотек забрали. Вот мы им книги возвращали, а они нам много новой литературы присылали.

В то время мы получали много литературы. Я пришла – и вот эта вся литература была на полках. А изначально библиотека создавалась так.

Во-первых, на покупку литературы отпускали деньги в Институте, даже валютная литература какая-то покупалась, небольшая, конечно, часть. И дарили, конечно же, ученые. Свои личные библиотеки передавали. Вот от кого мы получали книги: от Милькова, от С. Н. Рязанцева, от А. В. Живаго... Из ФБОНа (библиотека АН по общественным наукам), из Воронежского университета, Иркутского биолого-географического института, научной библиотеки при Иркутском университете.

Во-вторых, очень много литературы было получено из БАНа (Библиотеки Академии наук в Ленинграде). Ведь Институт оттуда в Москву приехал.

У нас самый книголюб – это был В. М. Гохман. Он потом стал председателем Библиотечного совета. Он всегда заходил смотреть новые книги, у нас здесь стоял сервант с выставкой новых поступлений. Вот он, бывало, придет и все с нами говорит-говорит, а сам все смотрит. Здесь Майя Иосифовна сидела – говорит ему: «Вениамин Максович, а я видела – Вы взяли книгу...», а он в ответ: «Ну, я же только посмотрю», и так тихонечко ее подмышечку. И уходит, говоря «я скоро принесу». И, конечно же, забывал, а мы напоминали...

Потом, бывало, придет из книжного магазина, а в руках несколько книг, показывает: «Вот, посмотрите. Так интересно!» Мы говорим ему: «Тут всего столько! Когда же вы все это читаете!?» Он в ответ: «Зачем читать! Я просматриваю. То, что интересно я читаю, а что так...»

Еще Алеша Ретеюм очень много времени проводил у нас. Он и сейчас наш читатель. Даже когда он из Института ушел, мы ему разрешили библиотекой пользоваться. Он сам лазает по полкам. Все знает, все помнит. Иногда приходит и спрашивает: «Я помню, что это здесь стояло, а теперь где?» Он хорошо знал подвал. Он вообще все знал.

Вспоминаем вместе. Из подвала в подвал

Разрастался фонд и требовались дополнительные помещения. В последнем подвале, в Кадашах, мы оказались вот как.

Сначала мы были на Пятницкой улице, там у нас был первый подвал, сейчас там какой-то Международный банк. Потом оттуда мы переехали на Полянку, мы там короткое время были, теперь там сделали какое-то отделение милиции. Потом переехали на Кадаши. Мы там какое-то время побыли и нас оттуда вытеснили, потому что туда наши биологи приехали. Потом, когда Кадаши отобрали, нам отдали комнату архива. И все равно все разместить было невозможно. Пришлось много дуплетной литературы передать другим. Ну и читальный зал пришлось занять вот этими шкафами, и в шкафах разместить литературу. А в старые годы, когда у нас не было дополнительных помещений, шкафы стояли по коридору – у бухгалтерии, в отделе кадров, у кабинета Григорьева, там – где сейчас Тишков сидит, там тоже стояли...

Пик активности

В 1970–1980-е годы, когда научная и общественная жизнь в Институте бурлила, когда экспедиции (одна интереснее другой) манили во время отпусков сотрудников библиотеки (в качестве поваров и лаборантов) в различные путешествия, активность читателей достигала наивысшего показателя. Чтобы поработать в читальном зале, нужно было до открытия библиотеки собраться у дверей, чтобы успеть занять столик в читальном зале (на всех не хватало мест). В отдельные дни читателям разрешалось поработать в служебном помещении.

Можно сказать, что экспедиционная жизнь наложила свой отпечаток на наших читателей – непривычка к условиям работы, которая сохранилась до сих пор. Наши ученые работают в любой обстановке, лишь бы найти уголок, где можно присесть и прислониться. Иногда, прямо у полки, просматривая издания. А однажды, в нашей комнате 14, на антресолях состоялись экзамены по специальности для аспирантов. Как мы тогда переживали за испытуемых!

Котенок и кот

В 1950-х годах в библиотеке жил котенок, который вносил в повседневную жизнь некоторое разнообразие. На перекладинах стульев болтались подвешенные бумажные бантики, чтобы котенок не мешал работать.

В 1990-е годы на вахте Института поселился кот, который освоился в обстановке очень быстро, и все ему очень понравилось, видимо кот был «ученый». Большую часть времени кот проводил в библиотеке. Наверное, он чувствовал здесь себя хозяином, так как совершенно бесцеремонно мог расположиться на любом стуле или даже на чьих-нибудь коленях. Любил подремать и на подоконнике среди цветов.

Конечно, кот был не бескорыстным. От угощения никогда не отказывался. Но и помогал нам – совершал обход всех библиотечных комнат, так как мыши иногда беспокоили нас. А на антресолях его приходилось сопровождать, так как кот мог схалтурить, т. е. подняться и тут же спуститься с лестницы. А уж если честно обходил все углы, мы его поддерживали хвалебными словами и чем-нибудь вкусеньким.

Из отчетов о работе библиотеки (1933–1974 гг.)

1933

Поступления: книг – 403; журналов – 901. Составление алфавитного каталога карт: 800.

Составление списков для выписки иностранных монографий, периодики иностранной и русской на 1934 год.

Комплектование... покупка у букинистов и в различных издательствах.

1935

Проведена работа по составлению географического и предметного систематического каталога.

1938

Площадь библиотеки 61,4 кв.м. Составление аннотированной библиографии; переводы; выставки по специальным заданиям.

1939

Получена дополнительная комната (ком.16), что дало возможность освободить часть библиотечного помещения под читальный зал.

1940

Сотрудники библиотеки, в порядке помощи сотрудникам ИГ, делали переводы со шведского, итальянского, немецкого языков.

За счет увеличения рабочего дня просмотрены и расписаны поступившие в 1940 г. номера «Книжной летописи».

Было организовано три выставки: «К 60-летию товарища Сталина»; в помощь теоретической конференции по 4-й главе Краткого курса ВКП(б); выставка работ Ю. М. Шокальского.

1941

Дальнейшая работа во 2-м полугодии проходила с перерывами в июле, октябре, частично в ноябре, когда происходила упаковка библиотеки и частичная отправка книг в Алма-Ату.

Закончена перестройка библиотечной комнаты, поставлены шкафы, оборудован в отдельной комнате читальный зал.

Приведен в порядок алфавитный каталог, оформлен и систематизирован региональный каталог.

По специальному заданию составлен список литературы по Уралу и Крыму – 210 назв.

1942

Приведение в порядок помещения в подвальном этаже для занятий зимой.

Проверка библиотеки. Составление актов и карточек с учетом «на месте», «упаковано» и «увезено».

Вся текущая работа продолжалась: покупка, подписка, обмен, обработка литературы, роспись статей, каталоги и картотеки, выдача литературы, работа с межбиблиотечным абонементом (МБА).

1943

Приняты и расставлены на места книги, вернувшиеся из Алма-Аты. Выставки литературы: «Материалы к книге товарища Сталина «О Великой Отечественной войне»; литература к семинару «Русская географическая школа». Тематические справки с подбором литературы:

- По заданию военных организаций подобран картографический материал для этнографической карты;
- для ЦК ВКП(б) – «Растительность Казахстана»;

- для товарища Арманды – по Японии;
- для Ленинской библиотеки – «О медных месторождениях Карадага»;
- для товарища Когана – опубликованные в 1943 году работы сотрудников ИГАН.

1944

Составлен список лакун иностранной периодики за 1941-1943 годы.

Заказаны иностранные монографии.

Проведен заказ на русскую и иностранную периодику.

1945

Тематические справки с подбором литературы:

- размещение промышленности в капиталистических странах (литература с 1937 года для товарища Васютина) – 285 названий;
- Западный Казахстан (Актюбинская область, Гурьевская область, Западно-Казахстанская область) – геоботаника, геология, хозяйство для товарища Буяновского – 281 название;
- промышленность СССР (Прикамье и Донецкий бассейн) для товарища Меерсона – 40 названий;
- овцеводство (литература с 1860 года на русском и иностранных языках) для библиотек: Ленинской, СОПС, ООН, ВАСХНИЛ – 408 названий.

План выполнен частично, так как зимой 1944-1945 годов и весной 1945 года не было электрического света с утра до 14 часов. Выдача книг и вся работа в эти часы была затруднена. Кроме того, в апреле 1945 года был ремонт всего здания, в том числе и библиотеки.

1946

Принят и разобран большой фонд репарационной литературы. Всего 19785 единиц. Отобраны книги и начата их обработка для библиотеки ИГАН и для других библиотек.

По МБА получали литературу из 39 библиотек, выдавали в 46 библиотек, в том числе иногородние библиотеки (Воронежская государственная библиотека, библиотека Саратовского государственного университета).

Выпущен информационный бюллетень: № 1(5) – 630 названий; № 2(6) – 329 названий; № 3/4(7/8) – 985 названий (Информация взята из «Книжной летописи», летописи журнальных статей, поступлений в библиотеку ИГ, с витрин новых поступлений в другие библиотеки).

Тематические справки: «Пенеплен» – 69 названий; «Ледниковая эрозия» – 411 названий; «Изображение рельефа на картах» – 54 названия; «Экономическая география Монгольской Народной Республики» (литература 19-20 вв.) – 125 названий; «Овцеводство СССР (дополнение)» – 15 названий.

Две выставки: на агитпункте к выборам в Верховный Совет РСФСР, к 100-летию со дня рождения А. И. Воейкова – 500 книг.

1956

Увеличилось комплектование литературой по смежным наукам. Увеличилось количество тем по изучению капиталистических стран. Дирекция института выделила деньги на покупку отечественной литературы для организации книгообмена с иностранными географическими учреждениями. Налажен книгообмен с 20 географическими учреждениями. Сотрудники библиотеки посещают выставки новых поступлений других библиотек (Государственного океанографического института, редакции издательства отдела Военно-Топографической службы Управления Генерального Штаба Вооруженных сил СССР, 4-ое Гео-

логическое управление, Научно-картографической части Главного управления геодезии и картографии и др.) для последующего информирования сотрудников ИГАН. При библиотеке организован кружок по изучению английского языка, который посещают и сотрудники библиотеки СОПСа и ОГГН. Кружок вела сотрудница нашей библиотеки И. М. Аксельрод. По МБА получали литературу из 44 библиотек, выдавали в 65 библиотек.

1957

В Ленинграде удалось приобрести большое количество изданий за старые годы, которые представляют существенный интерес для работы Института, какими являются «Известия» и «Записки Всесоюзного Географического общества», удалось собрать полностью все недостающие тома. Приобретены «Записки» Кавказского, Оренбургского и Сибирского отделов Русского Географического общества, являющиеся библиографической редкостью. Кроме того, библиотека бесплатно получила большое количество изданий Географического общества для международного книгообмена. Работу в Ленинграде закончить не удалось из-за малого срока командировки. Библиотека надеется получить еще одну командировку для отбора литературы из бронированного фонда, на что имеется разрешение директора Библиотеки Академии наук (БАН) Г. А. Чеботарева. Удалось получить также его согласие на улучшение снабжения нашей библиотеки литературой по международному книгообмену, проводимому БАН. Результатом этой деятельности явилось удовлетворение заявки на иностранные журналы на 70 %.

Значительно расширился книгообмен, проводимый нашей библиотекой. Библиотека систематически обменивалась научной литературой с 23 учреждениями и крупнейшими географами зарубежных стран. Кроме того, проводился, и разовый обмен, который насчитывал 28 точек. В отчетном году библиотека отправила в порядке обмена 324 единицы на сумму 3102 рубля 35 копеек и получила в обмен 507 на сумму 4302 рубля 05 копеек. Это не учитывая высланных в ноябре месяце из Америки 35 ценнейших географических монографий, сумма которых, по всей вероятности, составляет не менее 175 долларов (700 рублей). Для приобретения изданий, посылаемых за границу, библиотека воспользовалась списанием в макулатуру литературы, оставшейся на складе «Академкниги» и безвозмездно приобрела около 3000 единиц на сумму 29000 рублей. Полученная литература пользуется громадным спросом за границей.

В 1957 году библиотека переплела около 1600 единиц. Проведена очень большая и трудоемкая работа по изъятию из фонда книг, атласов и журналов, ранее принадлежавших Лейпцигскому институту страноведения, в количестве 3400 единиц.

По сравнению с 1956 годом, количество выданной литературы несколько снизилось. Это объясняется, на наш взгляд, увеличением числа дней, когда научным сотрудникам разрешается работать вне Института, а также за счет 60 сотрудников, находящихся в двухгодичной зимовке по программе МГГ.

На абонементе организована картотека отказов, в которой фиксируется наиболее спрашиваемая литература, отсутствующая как в самой библиотеке, так и в других библиотеках Москвы. При составлении заказов на следующую год литература, имеющаяся в картотеке, включается в списки.

В 1957 году количество библиотек, у которых мы получаем литературу по МБА, значительно расширилось. По сравнению с прошлым годом мы использовали фонды 53 библиотек и выдали 65 библиотекам. Среди библиотек, с которыми имеется МБА, библиотеки Львовского, Казанского, Саратовского государственных университетов, Кольский филиал АН СССР и ряд других. Литературой библиотеки Института географии пользуются и такие крупнейшие библиотеки, как Библиотека им. В. И. Ленина, Библиотека АН СССР в Ленинграде, ФБОН и другие.

В отчетном году ИГАН отправил в Арктику и Антарктику четыре больших группы научных сотрудников для работы по МГГ. Срок командировки три года. Библиотека подобрала этим группам небольшие библиотечки необходимой литературы из книг, имеющихся в достаточном количестве экземпляров. Иногда этот принцип нарушался, но с руководителями групп была достигнута договоренность, что при установлении первой же связи с ними книги будут возвращены, а туда направлены новые.

Текущие выставки новых поступлений пользовались широкой популярностью и с большим интересом просматривались не только сотрудниками Института, но и работниками редакционно-издательского отдела Военно-топографической службы Управления Генерального штаба вооруженных сил СССР, Арктического института и ряда других учреждений.

Библиографическая работа несколько изменила свое направление и продолжалась по пути подготовки библиографических изданий типографским способом. Закончен отбор и библиографическая редакция материала «Ежегодника географической литературы». В декабре месяце весь материал передан научным редакторам. Работа над «Ежегодником» несколько затянулась, так как вместо запланированных трех тысяч названий их набралось более шести тысяч.

Подготовлена региональная схема, которая использовалась для вспомогательного указателя «Ежегодника», а также частично и для регионального каталога. Указанную схему у библиотеки запросил Институт научной информации, который использовал ее для своего реферативного журнала, а также высылал, для этой же цели, в Брюссельский Институт статистики.

В фондах библиотеки. Первое издание знаменитого словаря Брокгауза и Эфрона.

1959

Отсутствие необходимой площади в здании ИГАН привело к тому, что в различных местах г. Москвы Институт имеет 4 различных крупных отдела. Библиотека выделила этим отделам литературу по их профилю и передала на абонементы назначенных для этой цели научных сотрудников.

Библиотека систематически с помощью членов библиотечного совета проводила чистку своих фондов от ветхой и непрофильной литературы. За отчетный год было списано 1427 единиц и более 600 подготовлено к списанию.

1963

Всего в Библиотечном совете 14 человек. Председателем его являлся многие годы подряд Л. Г. Каманин. Члены Библиотечного совета: А. И. Будаговский, В. И. Булавин, Г. Н. Витвицкий, В. М. Гохман, С. В. Кириков, И. В. Комар, А. А. Минц, Ю. М. Модель, В. С. Преображенский, Е. В. Рогачева, Л. Р. Серебрянный, Л. Н. Соболев, Н. Г. Фрадкин. В 1963 г. проведено два заседания Библиотечного совета, на которых обсуждались следующие

вопросы: план и отчет библиотеки, профиль комплектования библиотеки, отражение литературы в систематическом и региональном каталогах. Библиотечному совету было доложено об итогах отчета библиотеки перед Бюро Библиотечного совета Президиума АН СССР. Многие члены Библиотечного совета являлись постоянными консультантами в вопросах организации справочного аппарата библиотеки. Г. Н. Витвицкий, Л. Р. Серебрянный, В. М. Гохман помогали в отборе статей для отражения их в каталогах. В. М. Гохман для отдела комплектования иностранной литературой Московской библиотеки АН СССР просмотрел карту-теку справочников по отдельным странам (555 карточек) и выбрал, что необходимо МБАН. Эту работу В. М. Гохман делал совместно с М. Б. Горнунгом. Кроме того, В. М. Гохман и Г. Н. Витвицкий помогли уточнить список необходимых библиотеке иностранных журналов.

Таблица 1. Динамика библиотечного фонда и числа читателей по годам

Год	Кол-во сотрудников	Фонд библиотеки	Читательских абонементов
1935	1	11474	37
1938	2	24087	104
1940	3	31809	126
1941	3	35351	?
1942	3	35896	79
1943	4	36879	153
1944	3	38553	150
1945	3 (4)	38239	164
1946	5 (+1)	41699	173
1956	7	71431	292
1957	7 (+1)	78537	328
1971	8 (+1)	101804	618
1985	8 (+1)	96256	580
1995	7	97571	658
2010	7	97318	366

Кроме членов Библиотечного совета большую помощь в работе оказывали читательский актив. Так, Д. А. Тимофеев являлся постоянным консультантом по отбору материала в каталоги, помогал в систематизации. Все отделы систематического и регионального каталогов, с которыми работала библиотека в 1963 году, были даны на научную редакцию научным сотрудникам Института. Так, раздел картографии редактировал зав. отделом картографии Н. Ф. Леонтьев, раздел гидрологии – Н. Н. Кренке, раздел гляциологии – С. П. Овчинников, раздел регионального каталога «Север» редактировал консультант Института д.г.н. Г. Д. Рихтер, раздел «Поволжье» – ст.н.с. Г. В. Обидиентова. Постоянными консультантами «Ежегодника» являлись научные сотрудники: Г. Н. Витвицкий, Л. Р. Серебрянный, Л. Н. Соболев, Б. П. Миронов, Д. Л. Арманд, Н. Г. Фрадкин, В. М. Котляков, С. П. Овчинников. На общественных началах проводили научную редакцию «Ежегодника» зам. директора Института д.г.н., проф. М. И. Нейштадт, ст.н.с. Л. Г. Каманин и М. И. Помус. Научные сотрудники помогали и в комплектовании библиотеки, и во многих других вопросах.

1971

Получены две самые лучшие комнаты Института (60 кв.м.). Это явилось итогом многолетних хлопот перед Дирекцией и общественностью Института. Кроме этого получен под-

вал в доме 27 (30 кв.м.). Вместо этих помещений пришлось освободить комнату в 16 кв.м. и шкафы, которые стояли в коридоре.

1974

Получена в подвале еще одна комната. До этого здесь находился отдел геоморфологии.

От редактора-составителя.

Выдержки из отчетов выразительными деталями дополняют рассказы Валерии Андреевны и Людмилы Васильевны. Бесконечные переезды из подвала в подвал, поиски новых книг, выставки, забота о ветхих книгах, помощь сотрудникам Института в поисках нужной литературы, совершенствование каталогов, библиографические справки. И при этом – неизменно дружественная обстановка.

В академических институтах у нашей библиотеки прекрасная репутация. По словам коллег, три особенности выделяют ее из числа других. Во-первых, доброжелательная атмосфера. Во-вторых, богатство фондов. И, в-третьих, качество каталогов. Я очень люблю нашу библиотеку. Перефразируя слова Рильке из эпиграфа к этому очерку, скажу – ах, как хорошо мы чувствуем себя среди замечательных сотрудниц нашей библиотеки. Они преданы делу, приветливы, все знают о нашей библиотеке, всегда отзываются на наши просьбы найти что-нибудь, они любят книги и читателей. И читатели их любят. И это главное!

**И. Н. Волкова, А. В. Дроздов,
Ю. П. Супруненко, И. А. Зотиков
Поэты, художники, писатели**

Восприятие ландшафта, будь то город, тайга или пустыня, постижение и осмысление окружающего мира в образах – неотъемлемая черта нашей профессии. Ведь обобщение или генерализация наблюдений в образах, в немногих выразительных главных чертах – это естественный способ упорядочения нашего опыта. Разумеется, наряду с проведением систематических измерений, определений и т. д. и их строгой научной интерпретацией.

Вероятно, по этим причинам, если у человека, ставшего географом, от природы есть способности к рисованию, писательству, стихосложению – словом, к созданию образов – наша профессия помогает их проявлению. Поэтому среди сотрудников Института много людей пишущих и публикующих не только научные, но и научно-художественные и беллетристические сочинения, увлекающихся живописью и фотографией, участвующих в художественных выставках.

Поэзия наших коллег обладает несколькими своеобразными чертами. Сюжеты стихотворений часто оказываются связанными с определенным памятным местом, с конкретным ландшафтом, с экспедиционной жизнью. И нельзя сказать, что географы-природоведы такую связь демонстрируют намного чаще, чем обществоведы. Пожалуй, пространство и его отображение – это сквозной сюжет для тех и других. Время предстает чаще как время природы с ее сезонами и круговоротами, а не как стрела жизни, не как время – течение. Метафоры черпаются, пожалуй, тоже чаще из объектов и явлений первой – естественной, а не второй – техногенной природы. Пространство и его ткань, место с его характерными свойствами (туманы, солнце, ветер, травы, воды и т. д.) – очень часто диктуют поэтам-географам связь и ассоциации с жизнью души.

К сожалению, сохранились лишь немногие стихотворения наших ушедших коллег. Они публиковались в газетах, в сборниках, в журналах, а не как авторские книги. Ведь еще тридцать лет назад издать авторскую книгу стихов было очень непросто. И дело не столько в достопамятном Главлите, сколько в редакционной политике издательств, направлявшейся, преимущественно государственническими установками. Это теперь выпустить книгу стихов или роман – сугубо частное дело, были бы деньги.

Поэтому список поэтических книг, помещенный в конце очерка, составляют сочинения наших современников. Трое из них – В. В. Бугровский, А. А. Назаров и Д. А. Тимофеев ушли из жизни недавно.

Четыре поэтических сборника выпустил Аркадий Александрович Тишков. Один из них называется весьма характерно – «Полевые дневники». Вообще, профессия в его стихотворениях проявляется довольно заметным образом:

«Мы хороши своим разнообразием,
Живя между Европою и Азией...
Мы хороши своим разноумием –
Избостроением и песнопением...»

Чем дорожить? Горою, дубом, льдиною? И Солнце и Земля для нас единые... В безверии всегда вредна настойчивость... Урок веков – в разнообразии устойчивость!».

Разве не угадываем мы здесь кредо известного специалиста по биологическому разнообразию?

Павел Маркович Полян (Нерлер) – исследователь городов и географии населения – пишет о тундре:

«Белесых суток считывая гранки,
Учебник тундры нехотя открой:
Прекрасен мир и с северной изнанки,
Где царь – комар, а человек – герой!
Здесь каждый вздох кочкарником оброс,
Пушится ягель и болото мшится,
Грибная мякоть ломко шелушится
И не молчит стоярый кровосос».

Вот и здесь взгляд географа профессионален, хотя автор не природовед, а социальный географ.

Андрей Ильич Трейвиш – тоже социальный географ, но не это главное в его творчестве. Главное – общегеографическое чувство пространства. Один из циклов его стихов так и называется «Бремя пространства». Характерный пример – шуточное стихотворение «Картофрения». Вот его фрагмент:

С лицом, расписанным Сарьяном,
В небрежной позе Беранже
Я не вином – простудой пьяный,
Лежу на койке в Янгадже.
А карта, в сумерках туманна,
Ползет, бродяга, по стене
И очертаниями странно
Как бы подмигивает мне.
Молдавия с Карпатским клином,
Между собой разинув пасть,
На Запад силятся напасть.
И спазма в кадыке у Крыма,
Что не достать ему Балкан
За рамкой карты. Щелк – и мимо.
«Ну, где же бабочка, Полкан?»
Лошадка Колы не строптива,
Над Белым морем взмах ресниц.
Трясет отмывами границ
Ее подстриженная грива...

Кажется, географическое мировосприятие менее всего проявляется в стихах Андрея Алексеевича Назарова. В двух его книжках можно найти, пожалуй, только одно вполне географическое стихотворение – о временах года. Написано оно рукой мастера.

Баллада о четырех сезонах

I

Под февральское месиво,
Под апрельские просини
Непогода развесила
Полинялые простыни.
Разливается ночи свет
На асфальтовом темени;
Я брожу в одиночестве,
Непонятном, весеннем...

II

Плещут хрупкие дождики,
Перевитые радугой...
Ночи синими звездами
Наплывают – и подают.
Он без имени-отчества
Пролетает – и нет его!..
Жизнь полна одиночества,
Бесшабашного, летнего...

III

Паутинными блесками
Шита синь золотая...
Машет крыльями жесткими
Журавлиная стая.
Под неслышные почести
Пролетающим семьям
Я брожу в одиночестве,
Невесомом, осеннем...

IV

Догорели последние
Огоньки многоцветные...

Где вы, сполохи летние?
Где мечты несусветные...
Ночь черна, как пророчество...
Небо – в зареве дымном...
Жизнь полна одиночеством
Нескончаемым, зимним...

Это обстоятельство несколько не умаляет достоинства стихов Назарова, равно как и заметная географичность произведений других авторов не вытесняет из них собственно поэтическое начало. Но для читателя-географа сочетание географического и поэтического особенно близко. Таким органичным сочетанием выделяется поэзия Дмитрия Андреевича Тимофеева. Одно из его стихотворений помещено в посвященном Д.А. очерке в третьей части книги.

Сборники стихотворений.

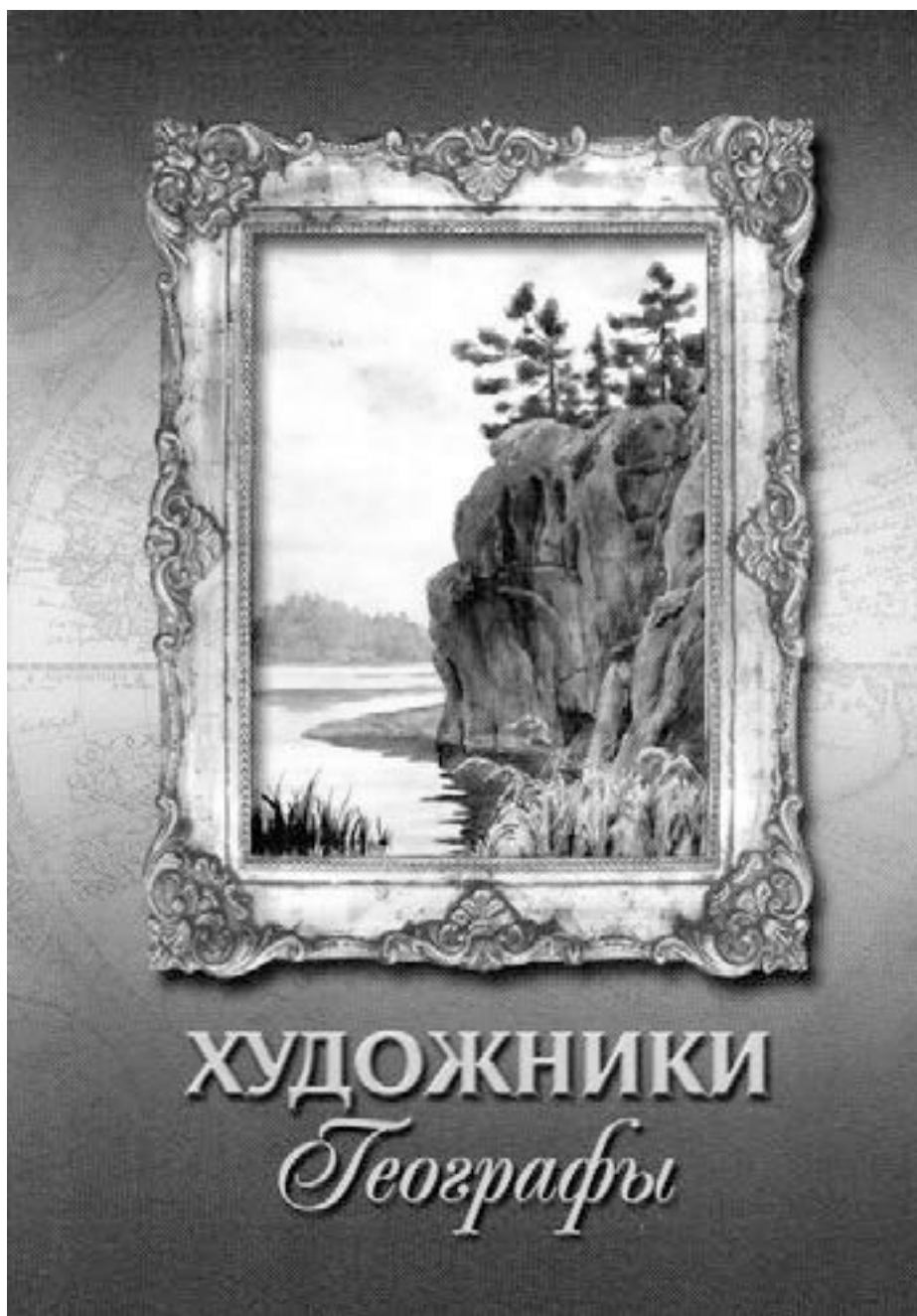
Рисунок и живопись, может быть, даже более распространенная сфера творчества наших коллег, чем поэзия.

Географы всегда видели то, что другие не замечали или видели совсем с другой точки зрения. Особенности профессионального взгляда на природный и культурный ландшафт заставляют многих географов видеть и отображать увиденное иначе, чем это делают негеографы. К тому же высшее профессиональное образование географов включает в обязательном порядке курс картографии с азами рисования.

Еще два столетия назад – до появления фотографии, географы просто не могли, не имели права не уметь рисовать. Не обязательно было быть живописцем, но рисовальщиком, графиком географ быть был обязан. В крайнем случае, он должен был быть писателем, уме-

ющим живописно описывать Землю. Эти «записки», включающие и рисунки, вынуждено были многословны и точны в описаниях, потому что географическая карта не дает всего... может быть – главного.

Поэтому еще в далекие жестокие времена пирата-географа Дрейка, во времена борьбы Англии с Испанией за богатства Вест-Индии, времена открытий Моллукского архипелага, островов Полинезии, проникновения в Японию европейцы считали, что дневниковые записи и рисунки к ним очень важны и информативны. То, что видели и открывали капитаны, считалось даже важнее карт. Например, если за кражу карты наказание было просто суровым, то за кражу дневниковых записей и рисунков полагалась смертная казнь.

Альбом с работами наших художников.

Позднее, в более «просвещенные» времена, художники стали пользоваться не только грифелем, пером или карандашом, но и красками – появилась живопись как неперенный

атрибут профессии географа. В новейшее время, с появлением фотографии и видео съемки, рисунок и живопись были оттеснены на второй и третий планы. Но прошло совсем немного времени, и практически все поняли, что фото часто не может заменить даже рисунка, а тем более авторского живописного отображения впечатлений от увиденного и изученного на просторах Земли. Вы замечали, как много людей сегодня фотографируют мобильниками, получая «ужасные» снимки? Но люди продолжают делать это, обнаружив вдруг, что эти нечеткие размытые кадры иногда дают им впечатлений больше, чем технически высококачественные снимки. Тем более отличаются от фото работы художников – географов. Так, размытая живописная линия перехода от гор к небу, или от зеленого берега к морской глади дает воображению больше, чем четкие однозначные линии фотографии.

В нашем Институте немало коллег, профессионально владевших и владеющих карандашом и кистью.

Вспомним, в первую очередь, ушедших от нас: Александра Николаевича Формозова, известного зоолога и анималиста – его рисунки в знаменитой книге «Спутник следопыта» знакомы миллионам читателей. Олега Сергеевича Гребенщикова – его пейзажная живопись создана рукой мастера, видевшего ландшафт глазами и географа, и поэта. К слову, Олег Сергеевич обладал еще и дарованием композитора, сочинял музыку к спектаклям, был членом Союза композиторов. Интересовался художественной фотографией, впечатления от многочисленных поездок воплощал в рисунках, акварелях, в картинах, написанных гуашью. Множество рисунков Олега Сергеевича сделаны на архитектурно-исторические сюжеты. И в художественных работах, и в музыке О. С. Гребенщикова видится образ этого человека – человека очень высокой общей культуры, широко и прекрасно образованного, убежденного оптимиста, ценившего жизнь, влюбленного в народное искусство и природу, для понимания которой он так много сделал.

Недавно от нас ушел Игорь Алексеевич Зотиков, известный гляциолог, писатель и художник, один из авторов этого очерка. Живописью и рисованием он стал заниматься с 1977 г. неожиданно и для окружающих, и даже для самого себя.

Занимался в художественной студии Дома культуры «Новатор» в конце 70-х годов XX века. Все работы Игоря Алексеевича выполнены маслом и только с натуры, даже в Арктике и Антарктиде. Многие работы стали иллюстрациями к его книгам, выставлялись на многочисленных художественных выставках. Тема большинства его живописных работ – ландшафты России и стран, в которых он побывал, особенно, полярных и горных стран. В них нашли отражение свежесть и неординарность взгляда Игоря Алексеевича и его восприятия как привычных ландшафтов Подмосковья, так и тех мест, куда мало кому удастся в своей жизни заглянуть. В 2005 году Игорь Алексеевич живо откликнулся на идею создания Ассоциации художников-географов, активно ее поддержал как участием в написании вводных статей к двум вышедшим к настоящему моменту коллективным Альбомам этой Ассоциации, так и участием во всех прошедших за последние годы групповых выставках этого неформального творческого коллектива.

Наши современники – коллеги по Институту – стремятся сохранить традиции. В 2005 г. по инициативе И. Н. Волковой и при поддержке И. А. Зотикова, а также географов-художников С. М. Головиной и Л. И. Коган была создана неформальная Ассоциация художников-географов, выпускников и (или) сотрудников географического факультета МГУ и Института географии РАН, а также других профессиональных географов, которые проявили себя как художники. За шесть лет работы Ассоциации были организованы семь коллективных выставок (ежегодные, ставшие уже традиционными – в Галерее на Песчаной, а также на других площадках), выпущено два коллективных альбома работ художников-географов, проведен ряд мастер-классов приглашенными профессиональными художниками и, что, пожалуй, самое важное – дан творческий импульс и предоставлены возможности для «вывода в свет»

своих работ и повышения общего художественного уровня в общей сложности более чем 75 участникам Ассоциации.

Из наших старших коллег назовем А. Д. Арманд и А. А. Величко. Алексей Давидович Арманд, известный географ, путешественник, популяризатор географии про себя написал в первом коллективном альбоме художников-географов так:

«— по званию: доктор географических наук; по призванию: путешественник, в свободное время считаю себя еще и художником.

— по образованию: необученный — художественное образование ограничилось двумя классами детской художественной школы. Дальше началась война — было не до кисточек и красок... Но 35 лет занятий в Студии рисунка и живописи Центрального дома ученых в Москве оставили свой след;

— по судьбе: удачник; по причастности: участник ежегодных выставок Изостудии Центрального дома ученых РАН на протяжении 40 лет и всех выставок Ассоциации художников-географов с момента ее основания».

Работает Алексей Давидович много и плодотворно в основном в смешанной технике и графике (акварель, пастель, карандаш, тушь). О его работах можно смело говорить как о вполне профессиональных и имеющих четко выраженный собственный стиль, будь то портреты, пейзажи или жанровые композиции. В последние годы тематика работ Арманд все больше вдохновляется философскими и публицистическими трудами Н.К. и Е. И. Рерихов, Живой Этикой и работами Е. П. Блаватской. Алексей Давидович считает, что для людей искусства здесь бездонный источник мыслей и чувств, связанных со стремлением к наступающему веку разума и справедливости, к эпохе Огня.

В 2007 г. друзья и родственники помогли А.Д. собрать и оформить щедро раздаренные и «положенные в стол» работы и организовать прекрасную, очень представительную персональную выставку в трех залах Музея Н. К. Рериха.

Андрей Алексеевич Величко увлекается живописью с начала 60-х годов. Работает в основном в технике масляной живописи, пастели, акварели. Во время своих полевых работ и поездок по разным странам ведет «путевые заметки» в виде рисунков, которых набралось около сотни. Любит писать натюрморты и интерьер, пейзажи и цветы.

С 2005 г. участвовал в групповых выставках Ассоциации художников-географов в Галерее на Песчаной и публиковал свои работы в Альбомах Ассоциации.

Следующее поколение художников в Институте географии представлено достаточно многочисленной группой сотрудников. Назовем здесь два имени.

Александр Руфимович Черногубов, зам. директора Института по общим вопросам, в последние два года практически все свое свободное время посвящает живописи маслом, непрерывно совершенствуя свой стиль и технику в жанре пейзажа. С 2010 г. участвует в коллективных выставках Ассоциации художников-географов и уже провел свою первую персональную выставку в залах Центра социального обслуживания района Тропарево-Никулино, пользовавшуюся большим успехом. Его интересные работы хорошо известны многим сотрудникам Института, так как Александр Руфимович легко дарит их коллегам и друзьям.

Ирина Николаевна Волкова, сотрудник отдела социально-экономической географии, со школьных лет параллельно с основным образованием обучалась сначала в Удельнинской художественной школе, затем в Заочном народном Университете искусств на отделении станковой живописи, с 2000 г. пять лет обучалась на курсах акварели для взрослых в Школе акварели С. Н. Андрияки. Предпочитает работать в технике многослойной акварели и пастели, в жанре пейзажа и натюрморта. В своих живописных работах пытается передать обобщенный зрительный образ ландшафта, преобразованного человеком, но не испорченного им окончательно...

Участница многочисленных коллективных выставок, провела три персональные выставки, член секции живописи и рисунка Центрального дома ученых РАН (г. Москва), Международного художественного фонда, Федерации «Акваживопись», Ассоциации художников-педагогов Москвы и Московской области.

Среди молодежи Института нужно в первую очередь назвать тоже двоих.

Вадим Анатольевич Караваев, молодой научный сотрудник лаборатории геоморфологии, занимается живописью и рисунком еще со студенческих лет в МГУ. Участвовал в ряде коллективных выставок художников в МГУ им. М. В. Ломоносова. Любимая техника Вадима – акварель, которой он учился у Н. Г. Орловой, профессора МГХПУ им. С. Г. Строганова. Большинство его работ – это пейзажи тех местностей, где Вадим работал в экспедициях (Западный и Центральный Кавказ, Мещера, Курские и Воронежские степи, а также Москва и Подмосковье). Активный участник всех выставок Ассоциации художников-географов с момента ее основания в 2005 году.

Роберт Анатольевич Чернов, молодой ученый, сотрудник отдела гляциологии, участник экспедиций в Арктику, Антарктиду и в горные районы России. Он явно унаследовал от отца, профессионально занимающегося художественной деятельностью, недюжинные способности в области искусства. Роберт увлекается живописью, графикой, макрофотографией природного льда и снега. Участвует в групповых выставках Ассоциации художников-географов с 2007 года. Его работы неоднократно привлекали особое внимание посетителей выставок и пользовались большим спросом.

Проза. Популярные, научно-художественные, реже беллетристические книги – ту или иную «ненаучную» прозу – пишут почти все географы. Полный перечень названий этих книг составил бы несколько страниц. Здесь мы охарактеризуем только некоторые из них.

В нашем Институте весьма многочисленный отряд прозаиков составляют гляциологи. Во-первых, потому, что это самая распространенная у нас профессия. Во-вторых, потому, что их маршруты пролегли и пролегли в необыкновенных, труднодоступных местах, впечатления о которых невозможно не попытаться передать другим людям.

Наш «главный гляциолог» страны – академик В. М. Котляков, несмотря на свою постоянную сверхзанятость, всегда серьезно относился к популяризации. Одна из его первых книг в этом жанре «Мы живем в ледниковый период?» пришлась по нраву читателям и была отмечена специалистами. Он пробовал себя и в научно-художественной прозе – так сложилась книга о памирских экспедициях «Горы, льды и гипотезы». Правда, первоначально ее название было более раскрепощенным, эмоциональным – «Льды, любовь и гипотезы», но издатели перестраховались и внесли свою «строгость».

Среди наших авторов гляциологического направления нельзя было не заметить Игоря Зотикова. За его импозантный вид и художественную бороду, за неуловимость по причине постоянных поездок за рубеж, за антарктические одиссеи и исследования, принесшие ему известность в мировых научных кругах – за все это и еще, наверное, за человеческое обаяние. Став путешественником-гляциологом, Игорь Алексеевич исходил ледники Кавказа, Памира, Полярного Урала, шесть раз побывал на зимовках в Антарктиде, в одну из них – на американской станции Мак-Мердо. О загадочных явлениях на ледяном континенте, подледниковом таянии, идее транспортировки по океану к пустыням айсбергов, о морских организмах, найденных на поверхности ледников, об особенностях взаимоотношений между людьми и многом другом интересном поведал он читателям. И зарубежных впечатлений у Зотикова было предостаточно: зимовки и исследование шельфовых ледников Антарктиды (за что его на одном из вечеров нарекли – «шельфов пронзитель»), Новая Зеландия, Япония, длительные командировки в США. Так появились книги – «Я искал не птицу киви», «За разгадкой тайн ледяного континента», «Пикник на Аппалачской тропе», «Японская сестра».

Антарктида – край сверхэкзотический. Она настолько потрясает, что впечатления остаются неизгладимыми на всю жизнь. Понятно и обилие книг об этом континенте. Первенство по их количеству, пожалуй, было у нашего сотрудника В. И. Бардина. Он и сам уже с напряжением вспоминал, когда они выходили: «Земля Королевы Мод», «В южных полярных широтах», «Еще одно путешествие на край Земли», «В горах и на ледниках Антарктиды». Ему посчастливилось еще студентом геофака МГУ попасть в первую Советскую антарктическую экспедицию. И потом он побывал там еще трижды.

Евгений Максимович Зингер, «папа Женя», зимовавший на Новой Земле, в широких научных академических кругах известен своей верностью Шпицбергену. Он возглавлял первую советскую гляциологическую экспедицию на этот норвежский архипелаг в 1965 г. С тех пор, свыше четырех десятилетий, Е.М. является постоянным начальником экспедиций на Шпицберген. Об этом и его пять научно-популярных книг: «На ледниках Новой Земли», «Между полюсом и Европой» (два издания), «Шпицберген – ледовый архипелаг» и другие. Журнал «Турист» назвал Зингера «живой легендой Шпицбергена»...

У В. С. Корякина научная и экспедиционная судьба тоже прочно связана с Арктикой и складывалась она счастливо. Об этом свидетельствует название одной из его книг – «Семь экспедиций на Шпицберген». В Институте географии РАН его с молодости называли не Владиком, а Диком, по схожести в романтизме, чистоте и искренности порывов и устремлений с жюльверновским героем «Пятнадцатилетнего капитана». Продолжительных, на весь полевой сезон, свиданий со Шпицбергенем сейчас у него насчитывается уже свыше десятка.

Зиновий Каневский в конце 50-х годов прошлого столетия зимовал на Новой Земле. Однажды во время возвращения из маршрута его застала пурга. Пурга была такой силы, что он сбился с пути, и его обнаружили лишь утром, сильно обмороженного, в стороне от базового лагеря. Ампутация кистей рук оказалась неизбежной. Но он не оказался на обочине жизни. Окружили люди, отзывчивые, внимательные, верные. И существование наполнилось новым смыслом. Каневский занялся литературой, причем остался верен полярной тематике. Позже пришло и членство в Союзе писателей, и читательское признание.

Один из авторов этого очерка – Юрий Павлович Супруненко – выходец из степного края. Но жизнь сложилась так, что профессия привела его в горы, на ледники. О них и книги Супруненко. Одна из последних, вышедшая в 2010 г., так и называется «Горы, ледники, тайны (занимательная гляциология)».

Научно-популярные книги и беллетристика.

Помимо гляциологических тем в книгах наших коллег присутствуют и многие иные сюжеты, характерные для всего спектра отраслей географии. Это рассказы о городах Г. М. Лаппо и о пустынях Б. А. Федоровича, В. Н. Кунина и З. Г. Фрейкина, о географических открытиях Н. Г. Фрадкина, о жизни животных и их следах на снегу Н. А. Формозова, об охране природы и о явлениях природы Д. Л. Арманда.

Самый большой блок сюжетов, разумеется, о путешествиях, о путешественниках и о разных странах. Первенство по количеству книг здесь, по-видимому, принадлежит Э. М. Мурзаеву. В целом литература путешествий огромна. Трудно перечислить и всех географов-писателей нашего Института, посвятивших свои работы этому жанру. Подчеркнем только – книги, написанные географами, выделяются особым взглядом на страну или местность, ставшие объектом внимания автора. В этих книгах образы места несут в себе спе-

циальное содержание, они – продукт генерализации свойств этого места. Это портреты, выражающие характер страны, также как портеры живописца выражают характер человека. Подчеркнем еще и то обстоятельство, что многие научные книги географов, профессионально занимающихся страноведением, подчас представляются не только научными, но и научно-художественными, вполне в духе знаменитой французской школы Видаля де ла Блаша.

* * *

Ниже мы представляем читателям короткий список известных нам поэтических книг, написанных сотрудниками Института. Возможно, нам не удалось включить в этот список всех авторов. Мы также указали только по одному сборнику авторов, выпустивших несколько книг. Просим простить нас за это. Мы будем рады узнать, что поэтов у нас в Институте больше, чем мы смогли найти. И, может быть, сумеем подготовить к изданию подборку стихов всех «игановцев». И включить ее в будущий поэтический альманах географов, подобный двум изданным альбомам с работами географов-художников. Но не исключено, что и в жанре живописи мы знаем не всех «игановцев», и что в нашем очерке названы не все имена. Просим простить нам и этот грех. Но мы надеемся, что этим небольшим очерком нам удалось привлечь внимание читателей к художнической стороне жизни наших коллег.

Сборники стихотворений сотрудников Института

Анненков В. В., Галкина Т. А. Прекрасен наш союз. Стихи разных лет бывших студентов МГПИ имени Потемкина. М.: Монолит. 2001. 144 с.

Бугровский В. В., Наумова А. Г. Природа и душа. Стихи. Москва-Кызыл.: Слово. 1999. 123 с.

Назаров А. А. Стихотворения. М.: Современный писатель. 1998. 80 с.

Полян (Нерлер) П. М. Ботанический сад. Книга стихов. 1970 – 1987. М.: Арт-Бизнес-Центр. 1998. 152 с.

Тимофеев Д. А. и Т. М. Лебедева. Путешествия в стихах. М.: Медиа-Пресс. 2009. 64 с.

Тишков А. А. Великий водораздел. Валдайская тетрадь (1974 – 2009). М. 2010. 79 с.

Тревиш А. А. при участии Т. Г. Нефедовой (Трене). Мы шутим, шутим, шутим. Бремя перемен. Бремя пространства. М. 2004. 104 с.

Фольклор и шуточные сочинения

От редактора-составителя.

Авторы многих очерков упоминают наши капустники как незаурядное явление, получившее известность за пределами Института. Действительно, капустники готовились и исполнялись самозабвенно, всегда были интересны, остроумны, злободневны. Они сочинялись большой командой и далеко не всегда можно было сказать, кто автор того или иного текста, постановки эпизода и т. д. Это было коллективное творчество. Казалось, они рождались сами, как фольклор.

Капустники исчезли из нашей жизни в 1970-е годы. К сожалению, сохранились только отрывки их сценариев, несколько фотографий – и это все. Но еще жива память. И ее обязательно нужно материализовать. Этому служит приведенный в конце очерка фрагмент одного из капустников.

Начинается очерк другим и тоже фольклорным материалом – записями забавных словечек и фраз, сказанных спонтанно. Они выразительно характеризуют атмосферу институтской жизни разных лет.

В очерк включено и сравнительно недавнее сочинение А. А. Трейвиша и Т. Г. Нефедовой, свидетельствующее: традиция веселой институтской шутки – жива.

1. Словечки и фразы (из записной книжки Т. А. Галкиной)

1960–1962

Семинар в отделе В. М. Гохмана летом, в разгар Московского кинофестиваля. Т. Галкина: «В Северной Италии развита и цветная, и черно-белая металлургия».

В. М. Гохман на собрании коллектива Института: «Я от лица всех капиталистов заявляю, что план мы выполним».

В коридоре:

– Здравствуйте, Иннокентий Петрович! – Пожалуйста!

На собрании: «Не надо братья за слишком глобальные задачи. Это все равно, что создать Координационный комитет вспомоществования вращению Земли».

Д. Цветков ведет комсомольское собрание: «Кто за пожурение Утехина – поднимите руку».

Из доклада на партсобрании: «В последние годы наш институт эволюционирует по линии превалирования женского персонала над мужским». Голос из зала: «Женщины давят науку».

Элла Кирик готовится к экзамену по философии, читает «Анти-Дюринг». Рядом А. П. Горкин углубился в какой-то научный фолиант.

Элла: «А ведь Энгельс придирался к отдельным словам Дюринга». Горкин (мгновенно): «Мелкий человек».

Думитрашко: «Пыльцевая лаборатория – пример коллективного индивидуализма».

На съезде Всесоюзного географического общества выступает докладчик откуда-то из Сибири, рассказывает о Новой Гвинее. Вера Магницкая пишет записочку В. М. Гохману: «Один лишь только робкий глас раздался в пользу папуас».

В. М. Гохман в ответ: «Один лишь только папуас издал на съезде робкий глас».

М. И. Нейштадт (владеющий немецким, но не английским языком) на съезде в Стокгольме заканчивает свой доклад: «Сенк ю вери мух».

1963

На демонстрации 7 ноября к Рите Фаустовой, держащей в руке бумажный цветок на прутике из веника (делали накануне в партбюро), подбегает мальчишка: «Теть! Дай цветок!» «Не давай, не давай. Земля ведь не родит,» – реагирует И. Зотиков.

Работаю дома, на тахте разложена карта Италии. Приходят родственники. Кузен: «Убери сапоги-то с дивана».

О С. П. Горшкове – «географ-землетрясист».

Я. Г. Машбиц (о «бумажном кризисе» в ИГАНе): «Если сотрудник уже имеет научные труды, то он сможет и дальше что-нибудь написать, а если нет – то уж ничего не напишет, не на чем, макулатуры-то нет».

Как важна преемственность в работе: Г. Д. Кулагин писал свою диссертацию на оборотках диссертации Машбица.

Из доклада зам. директора В. М. Кузнецова от 27 февраля 1963 года «...Приведенные примеры говорят о безобразном отношении сотрудников Института географии к этому важнейшему документу, как табельная ведомость. А ведь это единственное, на основании чего выписывается заработная плата».

1967

Марина Беркович пишет рецензию на новый учебник географии: «Как бы я посмотрела на все это глазами студента? Ну, во-первых, введение я бы пропустила. Мелкий шрифт – тоже».

Игановцы в турпоходе 2 мая: «Смотрите, как коровы на лугу резвятся. Сегодня, наверное, первый выгул».

Люда Чернова: «Да, вот и в Лужниках сегодня открытие футбольного сезона».

В. Н. Кунин (на партсобрании): «Это обстоятельство ударило нас обратной стороной медали».

«Что такое поле для географа-зарубежника? Это Елисейские поля Парижа».

В. С. Корякин: «Научные сотрудники растут в поле».

Павел Фрумкин докладывает о своей работе. Он вывел сложнейшую формулу, по которой можно определить, на какой высоте человек чувствует себя лучше всего. А. П. Горкин (уныло): «Без денег везде плохо».

«Аспирант» – переводится как «бездыханный».

Из диссертации Славина о Португалии: «Горит земля под ногами Салазара».

Сергей Благоволин: «Целый день болтался, как дерьмо в проруби».

Павел Фрумкин: «Каждый болтается, как умеет».

А. П. Горкин Эльвире Сакович: «Как ты все болезненно воспринимаешь. Тебя даже похвалить нельзя по работе – ты всерьез примешь».

1968

Из политинформации Б. Н. Зимина о шестидневной войне: «Товарищи арабы, когда на них напали израильтяне, ничего не поняли, целовались на всех улицах». П. Фрумкин: «Арабы с арабами?»

«...основная задача Громыко была – удержать за хвост товарища Насера... И тут наши начали наступление».

П. Фрумкин: «Наши – это кто?»

Кирилл Дьяконов на собрании института: «В отделе экономгеографии СССР 1/4 – молодежи (до 30 лет), а вот со средним звеном (30–40 лет) – плохо, никого нет.» Голос из зала. «Скоро будут».

Аркадий Левинтов (на собрании): «Разве может человек прожить долго на 83 рубля?»

Объявление на доме № 29 в Старомонетном: «Во двор без дела не заходить».

В Пыжевском несколько чахлых кустиков огородили проволокой и поставили картонку на палке: «В сад не плевать».

«Надо так составить отчеты, чтобы Комар носа не подточил».

1969

Эпиграмма А. Горкина на совместный труд о Сахалине И. П. Герасимова и Е. Страдомского:

Мы с нашим академиком соавторы пока.
Он, правда, на другом конце Союза.
А я бросаю камешки с крутого бережка
Далекого пролива Лаперуза.

Опечатки машинистки Нади Лаврентьевой:

...большинство окрашенных женщин... (в оригинале – опрошенных)
...женщины склонны к обольщению... (к обобщению)
...в результате опроса 25 женщин... (опроса)
...она же в работе Б. А. Федоровича: Сексуальные пески... (саксаульные).

Из лекций Ю. В. Медведкова: «Собаке дают понюхать деталь сбежавшего лица».

1970

Из заметки, присланной в стенгазету «Географ»: «Особый успех имели выставка скульптурных портретов древнего человека М. М. Герасимова и выставка художественных картин К. К. Флерова. Это радовало за Институт географии».

Таня Горкина о статье коллеги: «Здесь нужна усухизация текста».

1971

Из решения партбюро: «В связи с проверкой эффективности постановили: не ходить на Ученые советы».

1972

М. И. Помус (строго) Грише Костинскому: «Ну, как, сделали стенгазету?» «Сделали, (в сторону) с божьей помусью».

Рассказываю родственникам, как мы делали знаменитый «диссидентский» номер стенгазеты к 8 Марта: «Мы анкеты на перфокартах обрабатывали (жестом показываю спицу)». Кузен-армянин (с радостным изумлением): «На шампурах»?

Рыдакция стенгазеты.

Программа праздника в ИГАНе:

1. Комаринская
2. Половицкие пляски
3. Сказки Гохмана
4. Лебедевое озеро
5. Матрусовский танец
6. Одессеровские анекдоты
7. Популяркины песни
8. Горкин. Песня о Соколе
9. Романс «Горнунги вершины»
10. Русская песня «Эх, Лаппоти мои»
11. Ария из оперы «Минцы-Зингеры».

1973

– Будет ли Ученый совет 19-го?

Г. Костинский: «Нет, все болеют, не могут хворум собрать».

В Национальном комитете географов угощаем Чонси Харриса копченым хариусом, привезенным И. А. Зотиковым с Байкала. «Профессор Хариус, попробуйте!»

Реферат на испанском «Изменение структуры судостроения Испании». Референт торопливо переводит заголовок: «Переструктуризация испанского судопроизводства».

На партсобрании: «Это будет иметь чреватые последствия».

1973–1976

Подготовка и проведение XXIII Международного географического конгресса

О. Назаревский: «Приехал то ли Каньон, то ли Карьер, в общем, что-то геологическое».

Т. Галкина: «Может быть, Горст или Грабен?»

Лена Шевченко (оживляясь): «Нет, Горст не придет».

В. В. Анненков П. Карьеру: «Ну, что же, начнем с места в карьер».

Начало письма зарубежного географа к Медведкову: «Счастливый доктор Медведков!»

Из другого письма:

Dr. Staromo Netny,

Per.29, Moskva, USSR

Dear Doctor Netny,...

Еще из письма: «fool member of the Congress».

Из Приказа дирекции:

«За хорошую работу сотрудников Программной комиссии наградить ценными подарками и кремировать» (очередная опечатка Нади Лаврентьевой).

И. П. Герасимов: «Нам нужна сосредоточенность в условиях рассредоточенности. Нужно преодолевать в себе чувство нежелания сидеть на заседании».

XXIII геогр. конгресс – это Сингхофазотрон (очень много индийцев по фамилии Сингх).

1974

– Это не тот Благоволин, другой.

– Они что – братья?

– Да, один – двоюродный.

1981

Кабинет Ванды Васильевны Паниной, где она выдает продуктовые заказы, назвали «заказником».

«Кася взаимопомощи» (Кася Аргасова заведовала Кассой взаимопомощи).

1983

Светлана Лебедева о бухгалтерии ИГ: «Наша бюстгалтерия».

«Преображенские соображения» (А. Горкин).

Плакат на берегу озера Иссык-Куль: «Не давай кусать себя энцефалитному клещу».

Лозунг наших гляциологов: «Если мы что-либо ищем, что-нибудь всегда найдем» (Евтеев).

Висит объявление. Среди прочих фамилий: «С. В. Зонн, профессор». Марина Беркович читает вслух: Северо-восточных зон профессор... Ну и ну, профессора-то по зонам стали.

В. М. Гохман: «Почему сегодня нет Зимина?»

Г. Костинский: «У него ремонтизм».

1985

«Машторг» – торговля продуктами в Институте, организованная Машей Колпаковой.

2002

Дима Заяц – Т. Галкиной: «Ваша работа над “Washington Post” – настоящий Великий пост».

2004

Низкая зарплата ученым – это «Философский пароход»... по Язуе.

2005

Бережной на защите: «С. А. Тарасов – известный специалист в области беспримесной географии».

Он же: «Касательно консалтинга...».

Докторская защита Л. В. Смирнягина (28 октября 2005 г.).

«Смирнягин – не диссертант. Это – явление. Его работа, при всей ее разнузданности...» (Кажется, Горкин или Максаковский).

Смирнягин о социологах, пишущих о географии: «Это поле удобряют люди, не имеющие к этому отношения... Впрочем, это сомнительная метафора».

В. А. Шупер: «Осознает ли диссертант, что он сделал?»

В. П. Максаковский (в своей характеристике диссертанта): «Буденный говорил: „Все говорят о лошадиных силах, а я – о лошадях”».

2. Бредзащита. Рассказ дворника

***Михаил Зощенко. обработка А. А. Трейвиша
и Т. Г. Нефедовой (Трене), 1982***

Я всегда симпатизировал научным учреждениям. Государство без них пока что не может так гладко существовать. И сильно уважал ученых, этих творцов идей, положений и конструкций. Тем более, что сам в детстве имел склонность к науке. Но, благодаря судьбе, не имел с ней конкретных отношений.

Вообще-то ученых академиков можно отличить от наших советских граждан. У них в морде что-то заложено другое. Такая все время утомленность от высшего образования. Только я думал, что ихняя профессия требует мягких нравов. Тишины и разных мыслей, без этой грубости и толкотни, которая в «Детском мире». Но тут я здорово ошибался. В прошлую пятницу со мной произошла одна антинаучная ситуация. Еле ноги унес из ученого заведения.

Утром, прямо с похмелья, послали меня в экономический отдел насчет мусоросборников. Техник Сперантов говорит:

– Вот тебе, Вася, бумага. Дуй в экономический отдел. Пушай по всем статьям оформят эти сборники. А то мусор жгем, воздух портим. Нажми там скупуплезно.

И дорогу объяснил. От Кадашевских бань в переулок налево, третий направо, угловая халупа, второй этаж, первая дверь, где сейфы стоят.

Я и поехал. Но заплутал в переулках. Потом вижу – вон она, угловая халупа, такая довольно крепкая трущоба. Поднялся по ихней зачуханной лестнице. Поднялся и опупел. Ну, чисто пивбар: тесно, галдеж и накурено. То есть ни хрена в дыму не видно.

– Тут, – спрашиваю, – экономический отдел? Или дайте пройти.

Не дают и не слышат. Одна трещит про свою конструктивную биографию, другая – про советско-индийскую кинематографию, а третий – про какую-то сюрнето-реальную скульптуру. Или же структуру. Кое-как пробился к дверям. Вижу, написано: «Отдел экономической географии». Хрен, думаю, с вашей графикой. Главное, в точности экономическая.

Вхожу. Комната ничего, светлые. Но тоже как в танке. Ходить нельзя, так что стою, привыкаю. Народ вообще простой, такой полуинтеллигентный. Чай пьет с бутербродом, ругается по телефону и так, с нервной грубостью. Уж очень, конечно, буйные. Расстраиваются по мелким пустякам, горячатся. Рядом сидит один, пишет. Обращаюсь до него. Мол, я насчет мусоросборников, чтобы все статьи оформить. Он смеется:

– А ты юморист. Ну ладно, какой конкретно фактически мусоросборник, по улучшению для природы или по московскому легиону?

– Мне, – замечаю, – однохренственно. Я насчет мусорных сборников для пользы природы, населения и нашего хозяйства.

– Так, – говорит, – ясно. Только я вас понимать не окончательно могу. Пройдите вон к той, в очках.

А как пройтись, когда никак не пройтись? Однако в очках сама меня заметила и кричит:

– Вы кто и откуда?

Я ей изображаю, что я Вася, от Сперантова.

– А, так ты спирант! Мы давно собрамши и ждем. Вот скажу заведывающему, будем тебя обсуждать.

Ой, думаю, строго.

– Чего, – говорю, – обсуждать, мне время нет.

Тут один выходит и высказывает:

– Прошу на заседание.

Сразу шум, дискуссия сильнее поднялась. Все поперли в другую камеру. Тесно, столы наставлены, а тут двадцать человек, и каждый норовит к двери сесть. Чтобы ему, значит, легче смыться, а другим, наоборот, труднее. Местные меня сразу пихнули, где труднее.

Вдруг начальник стал произносить слова. Так и так. Долго собираемся, время мало, делов много. Собрание, избрание, аттестация, диссертация – тут он на меня поглядел – и вопрос об овощной базе.

Трудный этот русский язык, дорогие граждане. Беда, какой трудный! Вся речь посыпана словами с туманным иностранным значением. Очень умный разговор был, как по телевизору. Без высшего образования разобрать можно с трудом. Я-то больше хлопал ушами. Хотя, между прочим, начальник у них свой парень. Так правду и режет. Про все с ними советуется и говорит как с родными. Но, чуть что, сразу:

– Прошу мне указаний не делать. Я и так на своем посту должен все время соображать и тревожиться. А теперь бредзащита. Обсуждаем работу спиранта, этого, что ли, Васи. Тема как бы теоретическая, не то на примере конкретно Курской области.

Опять происходит движение. Одни входят, другие выходят. Кругом зависть и вопросы. Смеаю, что обстоятельства неаккуратно складываются. И желаю тихо смыться. Думал, не заметят. Заметили, дьяволы.

– Вы куда! Вам вот сейчас надо выступить и все прямо доложить.

Действительно, говорю, из башки выпало. Зря оробел. Извиняюсь. И выхожу вперед. Гляжу, мигают со стульев – мол, не робей, Вася. Я им тоже знаки делаю. В смысле оставьте беспокоиться, сейчас нажму скуппулезно.

Заведывающий на меня пристально смотрит и говорит:

– Чего-то не тово. Вроде не похож. Выражение какое-то странное.

Которая в очках, та не сомневается.

– Ерунда, – говорит, – выражение обыкновенно какое, испуганное. Чего и требовалось показать. Так что валяй смелей. Время дорого.

И вот стал я молотить языком. Струя нашла, сам себе удивляюсь.

– Вот, – говорю, – если глянуть на теорию с точки зрения. Наступить, к примеру, на самую верхнюю точку и глядеть. Оттуда, с точки, обратно сюды. То тогда конечно. Оно, может, в точности видно и не будет. А если конкретно фактически, то нельзя, дорогие граждане, с вашим полным эгоизмом подходить к явлениям природы. Не знаю, что там в Курской области, сам-то я родом с другой. А взять здешний легион, так он прямо весь утоп в мусорном погрязнении. Народу же тьма. И все же сорют. Ну, жгем. Дым, ясное дело, вонючий. Вредный. Это не спорю. Факт. Который не нравится...

Тут мне велят кончать, время вышло. А меня несет, не могу сделать остановку. И публика выражает свое недоумение по этому поводу. Более ядовитые, те вопросы задавать стали. Мол, паразит, точнее выражайся.

– Странные, – отвечаю, – ваши слова. Прямо до чего обидные слова. Я, между прочим, захворать могу от таких слов.

Но они не извинились, а дали слово чернявому с бородой, такому вообще зловредному типу с толстой папкой. Он в нее глядит и зачитывает, где бумажкой заложено. И обратно все на меня катит. Охамел, чучмек. Сам насочинял, так сам и разбирайся! Однако вдруг борода улыбнувшись, рукой по папке – хлоп! И давай, наоборот, меня хвалить.

– В целом, – говорит, – наш соискатель приключений сработал очень даже презентабельно и заслужил какого-то там искомого градуса.

За ним дамочка обнаружилась. Миленькая, ничего не скажешь. Только она правильных взглядов не имела. Сперва меня хвалила, а после свернула со своей передовой платформы. Очень ей странно, что неужели наука дает такую курскую аномалию в своих законах. И как вообще можно выносить такие чересчур мелконаучные работы. Объяснитесь, говорит, почему за вами такая дрянь наблюдается. Ну, достала.

– А потому, – говорю, – что это всецело есть мое дело. И мне удивительно, чего вы ко мне прилипаете. У вас вроде контора, кругом портреты висят, столы стоят, форточки дуют, книжки везде валяются в полном порядке. И наряду с этим такая грубость некультурная!

Субботники были привычны и скучны – какие уж там праздники.

А настоящими праздниками были наши капустники.

Опять мне кончить не дали. Хватит, мол, словесную прю производить. А в общем, сказали, ничего. Только много печаток. И карты на стенку не повесимши. Еще, сказали, маленько потрудись, после опять придешь. Вот это, я решил, верно. Это прямо скупулечно и конкретно фактически.

Тогда они перешли к овощной базе. Поднялся исключительный шум, крики и возгласы. Кто у дверей, те сразу очищают воздух в камере. Я туда же. Начальник даже оробел, не знает, чем реагировать. А в дверях пробка. И меня вдруг стиснуло как селедку и вынесло обратно. А начальник кричит:

– Ты-то куда, подлец! Ты мне, я тебе, то есть наоборот. Надо сознательность иметь по международному положению и продовольственной программе. Будешь теперь неделю ходить на базу. У нас все спиранты ходят.

– Граждане, – кричу, – вашу мать! Да за какое это самое страдать...

– Осторожней, – говорят, – руками махай. Заденешь, неприятность выйдет. Вон ты какой ученый обалдуй вымахал. А тут все ученые сотрудники заслуженные, на учете во всевозможных диспансерах.

– Ну, цирк, – говорю. – Я же не ученый, а дворник с девятого ЖЭКа.

– Как так дворник? Не увиливай.

Спасибо, вспомнил я про бумагу, что мне техник Сперантов дал. Они ее зачитали и крепко задумались. Уже я хотел уйтить. Но они, посовещавши, опять за свою капусту.

– Дорогой товарищ, милый дворник и соискатель приключений. Конечно, вы ошибшись адресом. Вам вона куда надо, а вы вот куда пришедши, в Институт географии. Ну и мы вас маленько попутали. Спирантов у нас чересчур очень много, всех не упомним. Однако мы вас так горячо обсуждали. Давно не было такой интересной бредзащиты. Только карты не повесимши. Словом, выручайте. Наши-то все разбежались, на вас понадеялись.

Я, конечно, отпирался, как мог. Дескать, это ваше ученое дело – по овощным базам таскаться. А у меня снегу неубрано.

Не помогло. Уломали. Вот что значит наука убеждать. И я теперь на ихней конкретной овощной базе. Другой, менее жизнерадостный человек был бы сильно пришиблен этим

антинаучным обстоятельством. Но я ничего, бодрости не теряю. Хотя к этим академикам меня больше не заманят. Это уж дудки. Что пардон, то пардон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.